

**Алексей ЗАЙЦЕВ.
ЖИЗНЬ,
НАПОЛНЕННАЯ
ЖИЗНЬЮ**

*«Дело не в том, чтобы в жизни было больше дней,
а в том, чтобы в днях было больше жизни»*

М. Лермонтов

Любимому мужу и папе посвящается...

**Алексей ЗАЙЦЕВ.
ЖИЗНЬ,
НАПОЛНЕННАЯ
ЖИЗНЬЮ**

Составители — М.М.Ермолович, О.В. Зайцева, Ю.В.Пальникова
Художник-оформитель В.К.Бадалов

Благодарим всех, кто поделился своими воспоминаниями и фотографиями дорогого нам человека.

Жизнь как экспромт

...Моё знакомство с Алексеем Зайцевым произошло совершенно неожиданно и необычно. Сначала мне, в то время заместителю редактора одной из газет, передали небольшую краеведческую статью, написанную кем-то из читателей.

«Посмотри, какой-то солдат написал и принёс, вроде бы неплохо», — сказала главный редактор. Я прочитал и проникся знанием местности, предмета повествования и мастерством подачи. «А это точно солдат написал?» — изумился я в тот раз. Вскоре произошло знакомство с автором — «солдат» оказался не солдатом, а начальником одного из тыловых объектов МЧС. «Но это я сейчас в МЧС, а вообще я историк, бывший учитель школы», — рассказал о себе Алексей Алексеевич. Так я узнал о человеке, который никогда не ходил по жизни прямыми дорогами, а полностью отдавался воле судьбы, потому что считал, что так интереснее. Сын офицера милиции, он мог бы стать силовиком, но с ранних лет приучился к деревенскому труду, работал трактористом, затем вернулся в родное село после службы в ракетных войсках стратегического назначения. Он мог бы стать механиком совхоза, но уже подав документы в сельскохозяйственный институт, забрал их и отнёс в педагогический. Почему он это сделал, ведь этот выбор определил всю его будущую судьбу? «Ты не поверишь, дружок у меня туда поступил, а там одни девчонки. И говорит мне: «Лёха, я же там пропаду один!». И я поступил в педагогический за компанию и, знаешь, никогда не жалел об этом!». После окончания института молодого учителя распределили на Урал, и даже не в райцентр, а в дальнее село Романово, известное своей древней историей. И Алексей не отказался, хотя после распределения смог повидать свои родные ростовские степи и односельчан всего один раз, за несколько лет до своего трагичного ухода из жизни. В начале 2000-х, отработав в сельской школе более 15 лет, Алексей Алексеевич уволился из педагогических рядов и совершенно случайно возглавил

объект МЧС, который находился на территории села. Но структуру всё время сокращали, и Алексей подыскивал себе место работы в березниковских редакциях...

Мы подружились, он принёс ещё несколько материалов, что-то было опубликовано, и вот однажды возник вопрос о принятии Алексея Алексеевича Зайцева в штат нашей газеты. Но его уже «прибрали к рукам» конкуренты. И следующая встреча с Алексеем произошла уже в 2008 году, когда он, сменив несколько редакций, пришёл работать в газету «Березники вечерние». С этим изданием было связано почти восемь лет его жизни, здесь он прошёл путь от журналиста до главного редактора, и запомнился коллегам, как один из лучших. Он всегда приходил на выручку своим журналистам и авторам. А они запомнили его и как интересного жизнерадостного человека, которому неведомы уныние и злоба. Впрочем, в ярости я видел его всего однажды, и эта ярость была направлена против того, кто творил несправедливость в отношении журналистов. Вообще, к несправедливости Алексей относился резко отрицательно — я думаю, что по мере жизни в уральском селе он всё больше узнавал о страшных годах массовых репрессий и жертв сталинизма, чьими кровью и потом обильно полита эта суровая уральская земля... В последние годы жизни Алексей Алексеевич посвятил немало времени сотрудничеству с правозащитными организациями — такими, как общество «Мемориал». Под руководством Алексея Зайцева в городе Березники летом 2017 года проходили публичные акции, на которых жители города и края вспоминали тех, по кому проехал репрессивный каток 1937 года. Как историк-краевед, Алексей Зайцев успел издать несколько небольших книжек, посвящённых историческим местам Усольского района Прикамья, он был полон творческих планов, но тяжёлый недуг перечеркнул всё. Десятки, если не сотни земляков держали кулаки и молились о здоровье Алексея, но медицина оказалась бессильна, 2 декабря 2018 года его не стало.

Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что его нет рядом с нами. Тот самый случай, когда меньше всего хочется говорить о человеке: «Был». Впрочем, сам он не боялся уходить от нас и относился философски к происходящему. Алексей прожил свою жизнь как один большой экспромт, с ним никогда и никому не было скучно. И если «тот свет» существует, то Лёха наверняка и сейчас занят там чем-нибудь интересным. А может, следит за нами с небес и бережёт, как может.

Михаил Ермолович,
журналист, друг и коллега А. А. Зайцева
2019 год

Глава 1

КЛАВДИЯ

(рассказы)

КОРОВА

После обеда, когда улеглась ругань подведения итогов вчерашнего дня и до мелочей расписана суета дня наступившего, Клавдия собиралась прочитывать заявку на оборудование для фельдшерского пункта, внести в нее правки и затем сходить к медикам для окончательного редактирования текста. Заодно хотела проверить, как устраниются замечания. На прошлом заседании медработникам досталось крепко: и за грязь в помещении, и за хождение по улице в белых халатах, и за отсутствие горячей воды, хотя кипятильник у них есть.

Чтение черновика заявки прервало появление Гани. Интересно, какие новости принес бригадир... Все ли в порядке на ферме? Клавдия вышла из-за стола, направляясь к неожиданному посетителю:

– Здравствуй, Гаврила Андреевич! С добрыми вестями пожаловал, или беда какая случилась на скотном дворе? Говори, не томи душу!

Ганя, сначала бодро чапавший навстречу, председательше, вдруг резко остановился, на лице его отразилось смятение.

– Я, Клавдия Ивановна, по поручению председателя колхоза. Он сейчас озаботился повышением поголовья стада крупного рогатого скота, особенно коров. Сама знаешь, зимний приплод мы не весь сохранили, несколько новорожденных телят погибло – метель была, сквозняки в коровнике гуляли...

– Ну и чем я могу председателю помочь?

– Василь Игнатич попросил посоветоваться с тобой насчет коров и телочек личных подворий. Может, хозяева передадут их в колхоз? Само собой, мы передачу оформим по закону, с бумагой, подписями, печатью, даже о форме оплаты готовы договориться, в виде трудовой, например.

– Вы что там на ферме, белены объелись? Кто в здравом уме захочет от кормилицы-поилицы отказываться? Нет, я понимаю, колхоз должен план выполнять, и даже идею эту вашу считаю правильной. Но силком заставлять народ провести еще одну коллективизацию, причем домо-

рощенную, не буду! И почему он сам с этим предложением не пришел, а тебя отправил? Ох, перестраховщик! Пусть другое что придумает.

– погоди, Клавдия, не руби сплеча. Я так думаю: Игнатич прав. Вот увидишь, люди его благодарить будут, когда своих коровок на скотный двор приведут.

– Это с какого-такого свалившегося счастья? – изумилась Клавдия.
– А ну обоснуй!

– А что тут обосновывать, оно и так все понятно.

Ганя малость струхнул от напора Клавдии, но стоял на своем.

– Ну давай садись, обсудим, какого лешего наши бабы радоваться будут, оставаясь без молочка для огольцов.

Ганя степенно расселся за столом, смахнул с него широкой ладошкой несуществующую пыль и с важным видом произнес:

– Экономическую составляющую надо видеть.

Клавдия от такого бригадирова умничанья звонко расхохоталась:

– Ой, уморил! Экономическую...

Отсмеявшись, посерьезнела и потребовала:

– Ну-ка, по полочкам мне все «экономические составляющие»!

– Вот ты, Клавдия, умная женщина. Скажи, что у крестьянина налогом не обложено? За землю в огороде – плати, за курицу, по двору бегающую, – плати, за свинью – плати, за корову – плати! Причем и

деньгами, и натурой: яйцом, мясом, шерстью, шкурой, молоком... Сосед мой говорит, что с него за прошлый год семь шкур содрали.

– Что? – взвилась Клавдия. – Да за такие речи сам знаешь куда можно загреметь. Куда Макар телят не гонял!

– Ты не кипятись, а выслушай до конца. Сосед-то мой прав! Он за год своих двух бычков и корову заколол да двух поросят – это пять шкур. У матери и у сестры по бычку заколол. Они хоть и отдельно живут, но все одно семья. Сено заготовливают вместе, доходы и расходы сообща ведут. Так что семь шкур, как и положено, он в зачет налогов выделал и государству отдал. Там не сжульничаешь – приемщик строго следит за тем, чтобы шкуры были пригодны для сдачи в промышленную обработку – на обувное производство или куртки шить. А окромя того и мясо, и деньги уплатить надоть. Арифметика простая наука, но бывает непонятной. Я про то, что считай каждый год налоги на крестьянина увеличиваются. Особенно на корову. Сдать ее в колхоз – и ярмо с шеи!

– Ну ты за языком-то следи! – хмуро оборвала Ганю Клавдия. – Госпоставки обязательны для всех. Неважно, есть у тебя корова или нет, но мясо-молоко-яйцо сдать должен. Увеличение госпоставок? Да, есть такое. Если в 40-м году двор был обязан сдать 35 килограммов мяса, то в 48-м – 55. И по молоку госпоставки выросли с 200 до 300 литров в год. Этому росту есть объективные политические и экономические обоснования. Так что хочешь не хочешь, а корову держать надо.

Ганя обернулся, удостоверился, что дверь в кабинет председателя сельсовета закрыта, и заговорщицки склонился над столом:

– И вовсе необязательно свое молоко или мясо сдавать. Его можно в колхозе купить, а потом сдать в качестве госпоставок. Разве есть на такое решение запрет? Нету его!

– Фу, – сморщилась Клавдия, – на жульничество смахивает. А где молока своим огольцам брать? Им каждый день надо, не напасешься денег.

Бригадир не растерялся:

– У козы! Она, конечно, молока поменьше дает, но его в счет налога сдавать не надо. И мясо козлиное сдавать не надо, когда пора придет забить. Прямой резон, Клавдия, корову сдать в колхоз, а козами обзавестись. На них токмо налог подходящий, с остальной скотинкой пупок надорвешь долги государству отдавать. Люди бают, в иных местах козу «сталинской коровой» кличут. Ну, это я не для протоколу, – усмехнулся Ганя.

– Да я поняла, – тоже выдавила подобие улыбки Клавдия.

– Тут еще и вопрос ответственности! – вдруг заявил бригадир.

– Да уж, руководство колхоза по головке не погладят за падеж телят, – съязвила Клавдия.

– Я не про это, – отмахнулся Ганя. – Если, скажем для примера, у крестьянина корова сохнет, то что?

– Что? – эхом откликнулась Клавдия.

– Ему вредительство можно «пришить». Как будто он специально, чтоб от налогов уклониться, животинку извел... Сама знаешь, нюансы – он произнес это слово с нажимом – всякие бывают. Вот ты давеча зачем свою корову галопом по улице гнала в лютый мороз?

– Я? Да я это... Мне так посоветовали. Ну, чтобы она не мерзла в мороз. Побегает и вспотеет, жарко ей станет. Я, как только Буренка разогрелась, сразу в хлев ее загнала!

– Тот, кто тебе такой рецепт разогрева насоветовал – враг! – убежденно сказал Ганя. Жестоко он решил подшутить над тобой. Корова простыла?

– Да. Но я ее отпоила теплой водой, хвойную муку туда подмешивала – сейчас Буренка в порядке.

– Вот видишь, что может случиться. И негодя к ответу не привлечешь – открестится от своих слов или скажет, пошутить хотел, не думал, мол, что такой дурацкий совет примут как руководство к действию.

Клавдия покраснела, а Ганя продолжил ловко гнуть свою линию.

– Лучше тебе Буренку свою отдать в колхоз. Обезопасишь себя, раз с большой скотиной трудности есть в обхождении. Зато с мелкотой у тебя полный, так сказать, ажур – вон как собаку выдрессировала, лучше чем в цирке. И когда только успела! Заведи коз – они очень смышленные и привязчивые, будет тебе и радость, и опять же молоко дюже полезное. А для остальных жителей села пример будет, как председатель сельсовета колхозу помогла. А мы негласно шепнем насчет облегчения налогов, и всем будет хорошо.

– Кончай языком молотить! – оборвала не в меру ретивого бригадира Клавдия. – Подумаю. Буренка – она же мне как подруга. Мы – бабы – разговариваем с коровами при дойке, делимся переживаниями. А они будто понимают – вздыхают сочувственно, глазом печально моргнут... Подругу на скотный двор свести – это... скотство какое-то.

Ганя оскорбленно поджал губы:

– На ферме уход, кормачи, доярки, тепло, сытно. Уж теплее точно, не сравнить с твоим хлевом.

– Я же сказала – подумаю. Иди на свою ферму, а мне на фельдшерский пункт пора.

Через два дня Клавдия самолично отвела Буренку на ферму, а весной, когда сошел снег и подсохли дороги, отцвела мать-и-мачеха, в пустующем хлеву поселились пятеро крепких, подвижных козлят, уже давно не нуждающихся в материнском молоке.

ТРОФЕИ

Осбист остановил Анатолия, когда тот вышел из магазина.
– Елисеев? Пора мне за вашу семейку, пожалуй, взяться. Раз-нежились вы тут и обнаглели, пока народ жилы из себя тянул на фронтах да на лесоповале. Ишь, в магазин то и дело шасть туда-сюда... А деньги откуда? В колхозе только трудодни.

От неожиданного выпада представителя власти Анатолий оторопел.

– Мы, товарищ младший лейтенант, деньги зарабатываем честным трудом. Отец на мельнице получает часть муки от намолоченной, потом ее продает. Я с женой в детском доме, у обоих оклады. Вот откуда деньги. Нам стыдиться нечего.

– Ага, нечего... Папашка твой тот еще жук. Мельница-то в округе одна, он и пользуется: дерет за помол три шкуры, по-кулацки! И обличье у него соответствует — борода лопатой. Думали, колхозы организовали и с кулачеством покончили, ан нет, гнилое нутро себя проявляет. А ты? Здоровый лоб, сила, здоровье есть, работал бы вальщиком леса или в колхозе. Нет! Ты картины малюешь за гонорар. Слово, заметь, какое — не зарплата, то есть заработанная плата, а гонорар. Будто за гонор свой деньги требуешь. Да так оно и есть! В детдом устроился тоже неспроста, там живые деньги государство платит. Хитер ты, брат, ох, хитер! Но не умен. В жены взял дочку священника, осужденного за контрреволюционную деятельность. Так что теперь в Романове образовалась вражеская группа: кулак, его сынок-тунеядец, захребетник на шее трудового народа, и поповское отродье. Пора вас разоблачить, пока вы дел не натворили...

– Зачем напраслину возводишь, Иван? Знаешь же, мы трудимся наравне со всеми, и если колхоз зовет подсобить на сенокос или на копку картохи — мы наравне со всеми. Ты, наверное, осерчал за то, что зимой у клуба я с парнями у тебя пистолет отобрал и выбросил, когда ты им размахивать начал и угрожать. Дак утром же нашли его в

снегу, вместе искали и нашли. И никто на тебя не пожаловался за превышение власти — дело-то пьяное и молодое, побарагозили и забыли. А ты зло затаил и теперь отомстить хочешь. Неправ ты. И насчет Зины неправ. Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает». И дочь не отвечает. Мы с ней комсомольцы. Так что не надо тут сочинять заговор. Прошли те времена.

— Прошли, говоришь? Да, война остановила великую чистку. Фашистов мы победили. Победим окончательно и внутренних врагов. Про дело врачей слышал? Не чета вам, кулакам. Но и до вас доберемся. Иди пока. Сухари суши!

Младший лейтенант ушел, поигрывая связкой ключей на указательном пальце. Кольцо с ключами для сохранности было прикреплено полуметровой цепочкой к поясной шлевке брюк галифе. Толя стоял у магазина, тревожно глядя вслед уходящему. Из оцепенения его вывел голос Клавдии:

— Слышала, чего он тут наговорил. Не вздумай догонять или вечером прийти поговорить по душам. Только хуже сделаешь. Угроза серьезная, к ней и отнестись надо серьезно. Ступай домой, зови Николая, приходите ко мне. Есть одна задумка, как сделать так, чтобы особист от вас отстал.

Часу не прошло, как отец и сын Елисеевы явились в кабинет председателя сельсовета.

— Ну, Николай, ты хоть осознаешь опасность угрозы? — спросила Клавдия.

— Сознаю, ох, сознаю, — сокрушенно вздохнул мельник. — Подведет он нас под статью, как пить дать, подведет! Себе звездочку на погон словит, а нас сгноит в лагерях всех троих. Я так понимаю, о ссылке даже мечтать нельзя.

— Правильно понимаешь. Я Попова в войну хорошо узнала. Никого не пожалеет. Поэтому давайте подумаем, как от вас беду отвести, как мельницу сохранить.

— Извиняй, Клавдия, мы сей час в смятении, мысли с пятого на десятое прыгают, — отозвался Николай. — Однако ж ты нас позвала. Чай, надумала что?

— Уточнить надо кое-что, Николай, — ответила Клавдия, — и тогда понятно станет, есть ли надежда на счастливый исход.

— Ну, дак это, уточняй, — запустил пальцы в бороду мельник.

— Слышала я, будто у вас есть родственник — боевой генерал.

— Есть. Мой двоюродный брат Василий — генерал-майор. Думаешь, и его могут к нашей «преступной группе» пристегнуть? Кишка тон-

ка! Хотя... В 37-м такие головы летели... Что-то дурно мне становится, Клавдия.

Лицо мельника посерело. Он потер рукой грудь, потом вытер ладонью пот со лба.

— Погоди пугаться. Генерал в отставке или служит?

— Служит, где-то под Москвой.

— Это хорошо. Я думаю, он нам поможет. И вам, и колхозу, и лесозаготовителям в Вогулке, Палашере и на других участках, и себе самому.

— Не томи душу, объясни!

— Генерал — человек видный. Если не сам лично, то через подчиненных и знакомства может подсобить нам с трофейной техникой. Нужны тракторы в колхозы, любая машинотехника сгодится. Чем больше, тем лучше. Особист увидит, что от вас для наших мест большая польза, да и отстанет.

— Да как же Василий сможет помочь? Там ведь все расписано по пунктам кому что из трофеев раздать. Да и роздано наверное уже все. Война четыре года как закончена! Какие трофеи?

— Сможет, если поймет, что его жизнь в опасности. Надо доходчиво объяснить. А трофеи, они есть. Где-то попользовались и хватит, можно перенаправить. И склады не все распечатаны.

— И как объяснить? В письме не напишешь — вдруг вскроют? Тогда очень плохо все кончится. Заказать переговоры на телефонной станции — телефонистки вмиг доложат куда следует.

— Ехать надо, Николай!

— Нет у меня паспорта, я же в колхозе числюсь. Или выправишь?

— Не выправлю. Попов сразу заподозрит неладное и меня в вашу группу определит. Больше врагов — громче дело. Толю пошлем. Как поступающего в художественное училище. Справку вместо паспорта и направление я сделаю. Похлопочу в Усолье и в Березниках. Думаю, от меня надежнее будет: сельсовет направляет на учебу! А в Березниках от какого-нибудь художника рекомендательное письмо взять — самое то. От Лехта, например. Должно получиться. Только тебе, Толя, экзамены придется провалить, чтобы спасти семью и себя самого.

— Да что я, маленький? — возмутился Анатолий. — У меня жена, родители, сестра, тут детдом с ребятами, друзья.

— Толя не подведет, — поручился за сына мельник. — Надо споро готовиться. Я, Клавдия, попрошу вместо Лехта кого другого о рекомендации попросить, с русской фамилией. А то неровен час нам еще и шпионаж подошьют.

— На том и порешим. Идите готовьте Толю в дорогу. Об угрозе от особиста чтоб ни одной записи не было. О просьбе насчет техники тоже.

Все только на словах. Когда с генералом договоритесь, отобьешь мне телеграмму с вызовом на телефонную станцию. Вот тогда можно будет обсудить детали по оформлению нужных документов о трофеях и прочем. А что было до того — умный не осудит, глупый не рассудит.

Вечером мельник позвал Анатолия с молодой женой посолонцевать. По этому случаю был принесен вяленый судачок. Вернее, две половинки рыбины, разрезанной вдоль — от головы к хвосту — и так завяленной.

Зина нарезала обе боковины поперек на куски толщиной в два пальца. Большое блюдо наполнилось с горкой. Головы и хвосты лежали в отдельной тарелке. Рядом стояла корчага с домашним пивом, из которой его разливали по кружкам. Молодожены выпили по кружке и принялись за рыбу. Посол был не крутым, поэтому судачок в пиве не нуждался. Упругое мясо рыбы было не жирным, но приятным на вкус. Мельник считал иначе. Он отрывал руками шкурку с чешуей, вгрызался крепкими зубами в упругую мякоть, а затем сдабривал удовольствие щедрым глотком пива.

Поблескивая чешуей в бороде, отец удовлетворенно крикнул и обратился к сыну с хитрой улыбкой:

— А ить и в самом деле, разнежилась мы, да, потомок? Питаемся деликатесами, лучше, чем в столичных ресторанах...

— Вот еще, — возразил Анатолий. — Судачок не с неба упал, его изловить надо, потом правильно завялить, чтоб не протух и мухи не съели.

— По-кулацки живем! — не унимался отец, смешливо прищурился.

— Кто не работает, тот не ест, — сурово отрезал сын. — Как потопали, так и лопаем.

Мельник с треском разгрыз половинку головы, с довольным видом обсосал кости и глотнул еще пива.

— Так-то оно так, да не так! Попов попрекал тебя за то, что лесорубом не стал. А у них как? Едят что дадут в столовой — никаких тебе разносолов с деликатесами. Живут в бараке, портянки с сапогами-валенками до утра просохнуть не успевают. В одной комнате две-три семьи или человек десять, если холостяки. Клопы, иногда вша заводятся. И что ты думаешь — они не работают? Или плохо работают, раз в таких условиях живут?

— Нет, там вкалывают до седьмого пота, — озадаченно ответил Анатолий. — Но погоди! Им же платят неплохо, награждают орденами и медалями, на днях вот многих наградили...

— От сияния медали клоп не убежит, барак в хоромы не превратится. А мы вот и дом смотри какой справный срубили, и живем в удовольствии в чистоте и порядке, не по указке сверху. Никто плана-разна-

рядки нам не спускает. Работаем? Да! Но не больше колхозников или, допустим, работников УЖД — узкоколейной железной дороги, по которой лес из Палашера к Яйве возят. По всему выходит, прав Попов — живем по-кулацки. И раскулачивать он нас будет старательно, потому что высунулись мы из общего стада.

— Но постой, и в Палашере, и в Вогулке есть такие, кто в лесу работает, а построили себе дома, ушли из бараков. Что, их тоже раскулачивать будут?

— Их — нет. Они план выполняют, рабочий класс не тронут. Я уж подумал, всем разрешат дома ставить, пришла пора. Поторопился. Он ведь как рассуждает? Рабочие чуть не строим по команде ходят, а я единолично с мельницей управляюсь. Твое увлечение живописью — это ж ты прилепляешься к гнилой интеллигенции. У Зины, опять же, происхождение подкачало.

— Не отвечают дети за родителей!

Ага, не отвечают. Ты это училке по русскому языку скажи. Спроси: «Где, Нина Петровна, ваши дети от первого мужа?». И она скажет, что в силу обстоятельств они воспитываются у бабушки с дедушкой. А я тебе скажу, что им очень-очень повезло, когда их бабушка с дедушкой усыновили, потому как обычно таких детей определяли в спецдетдома, там давали другую фамилию и воспитывали в духе ненависти к «врагам народа».

— Как, Адамеску!..

— Да. Ее девичья фамилия — Углева, она из Кизела родом. Первого мужа расстреляли вместе с Цифриновичем, директором Калийного комбината. Громкое было дело в Соликамске. А этот — с румынской фамилией, приехал в СССР спасаться от фашистского режима из Венгрии. Конечно, шпион! Я удивляюсь, как ее саму не расстреляли. У этой женщины просто дикое везение.

— Какое же это везение? — удивилась Зина. — Первого мужа расстреляли, второй погиб в Финскую войну. Оставил после себя Арика и сгинул, а сына воспитывать, поднимать надо.

— Да ей удача на каждом шагу улыбается, — возразил свекор. — Первые два пацана живы-здоровы, она их регулярно навещает, они ее мамкой, а не чужой теткой величают. Третий — Арнольд — смышленным мальчуганом растет. И я так понимаю, вскорости она распишется с учителем истории да и родит ему девочку. По пацанам план-то выполнила.

— Да с чего вы взяли?

— Что я, брюхатых баб не видал? И этот малахольный чуть не на руках ее носит. Я же говорю — везучая. Она. Но не мы.

В нависшем молчании Зинаида унесла грязную посуду к кухонному столу, быстро ее вымыла и принесла со двора горячий самовар. Мужчины вымыли руки и вновь сели за стол. Теперь уже почаевичать.

Настоящий чай, индийский или китайский, в пермской глубинке был диковинкой, поэтому местный люд заваривал лесные травы, коих в округе изобилие. Зверобой и клевер, мята и душица, лист смородины — все заготавливалось в летнюю пору, сушилось, а затем использовалось либо по отдельности, либо в смесях, по-аптечному именуемых сборами.

Зина, войдя в семью мельника, приятно удивила свекра умением обращаться с травами. Однажды, возвращаясь из похода по малину, она споро нарвала целый мешок листьев иван-чая. Мельник тогда пошутил, что коза Милка будет очень рада подарку от молодой хозяйки. Зина улыбнулась: «Вы, батюшка, за ради этого чаю Милке ни одного листочка не оставите!». Борода мельника затряслась от смеха: «Только не я! Пробовал иван-чай заваривать — сено оно и есть сено. Анатолия потчуй — ему из твоих рук все сладко».

А невестка вечером, когда перебрала малину, взялась за иван-чай. Подвявшие листья стала скручивать между ладонями рук в этикие веретенца. Потемневшие от выступившего сока скрученные листья уложила в эмалированный таз под гнёт. Через день Зина орудовала уже с чугунной сковородой. Сначала помешивала листья минут сорок на медленном огне, а потом добавляла дров в печь и доводила сушку до конца, следя за тем, чтобы не пережечь продукт.

Когда она впервые потчевала домашних новым для них чаем, мельник радовался, как ребенок: «Чай, настоящий чай высшего сорта! Кто тебя научил его делать? И почему он стал таким вкусным?».

Премудрости чайного дела Зину обучил папенька, пермский священник. Летом они часто переправлялись на лодке через Каму и бродили по окрестностям, иногда собирали ягоды, грибы, заготавливали травы. Отец Георгий был любознательный человек и своими знаниями охотно делился с дочерью. Он рассказал ей о ферментации. Если листик помять в руках, то часть клеточек лопнет, растение пустит сок. Внутриклеточные ферменты, выйдя из вакуолей, начинают активно изменять биохимический состав растения. Листья при этом темнеют, появляется другой, приятный запах. Больше суток-двух держать листья под гнетом нельзя — они заквасятся, как капуста. Ферментации можно подвергать любые лекарственные дикорастущие растения и на основе этого процесса готовить бесконечное множество чаев. Вкус и запах свежесушенных и ферментированных травок заметно разные. В чаи можно добавлять лепестки цветов, сушеные ягоды, фрукты.

Кроме технологических подробностей заготовки и приготовления чая священник рассказал дочери и не менее интересную историю этого напитка. Оказывается, больше всего такого чая заготавливали в селении Копорье под Петербургом. Поэтому и стали называть напиток копорским чаем. Сотни пудов этого продукта использовались в России. Позже он стал важнейшей составляющей российского экспорта. Его отправляли морем в Англию и другие страны Европы, где он был знаменит, как персидские ковры, китайский шелк, дамасская сталь. За границей копорский чай называли русским чаем. Уходя в дальнее путешествие, русские моряки обязательно брали его с собой, чтобы пить самим и для подарков в иноземных портах.

Недобросовестные купцы подмешивали к китайскому чаю листья дешевого копорского и выдавали эту смесь за дорогую восточную диковину, получая баснословные барыши.

Однако даже такие случаи не могли лишить копорский чай популярности, и уже в XIX веке он составил сильную конкуренцию индийскому чаю. В конце XIX века его популярность оказалась так велика, что стала подрывать финансовое могущество Ост-Индской чайной компании, торговавшей индийским чаем. Компания раздула скандал, якобы русские перетирают чай белой глиной, а она вредна для здоровья.

В итоге закуп русского чая был снижен, а после революции 1917 года закуп чая в России прекратился полностью. Копорье разорилось.

Вот такой чай Зина и подала к столу после солонцевания судачком. Тут же появилось смородиновое варенье. Чаевничали молча и с удовольствием. Наконец, Анатолий нарушил молчание:

– Что же теперь будет? Что делать?

– Девять из десяти — нас посадят, — «обрадовал» сына мельник. — Злоба и обида движут Поповым. Он хочет, чтобы его уважали, а вы ему в рыло, пистолет — в сугроб. И зависть. Он служит-служит, а такого достатка, как у нас, нет. Мог бы быть, но не положено. И многие в селе его поддержат, уверяю вас, тоже из зависти.

– А как же план Клавдии?

– Это единственная наша надежда. С очень большой вероятностью Попов постарается брата Василия привлечь к делу как соучастника. О, это будет его звездный час — можно всесоюзный процесс раздуть. В органах фантазия хорошо работает, а уж подследственные во всем признаются, во всех протоколах подписи собственноручно поставят, там таких героев ломали — не чета нам.

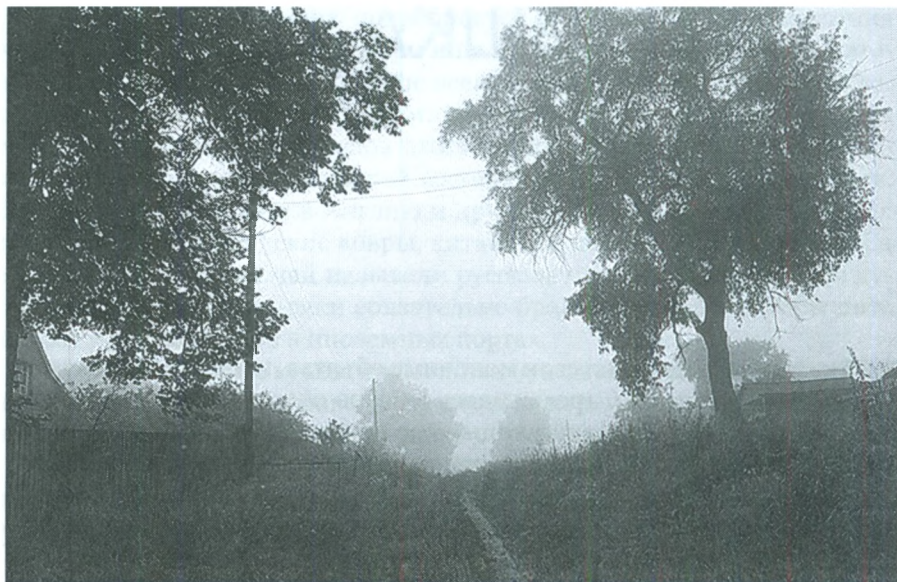
ЯШКА

Туман нехотя ослабил свои молочные объятия, медленно опускаясь к реке и на глазах превращаясь в белое облако-одеяло. В утренней тишине Тракторной улицы, еще не до конца освободившейся от туманной мути, слышался скрип тележных колёс и невнятный женский голос. Слова вязли во влажном воздухе, и до ушей доходил сначала тон, в котором странным образом соединились озабоченность, печаль и твёрдость, и лишь потом, с запозданием — смысл.

– Иди ровно, Борька. На-ка хлеба... Пойдём до кладбища... Не бойся, Черчилль!.. Олухи царя небесного, ни черта не смыслят... Но мы подберём и заставим отремонтировать. А завхоза к ответу, вредителя. Пусть им органы займутся... Кровиночка моя, ждёт меня под сырой землёй... Бога нет, надо жить во имя грядущих поколений. Жаль, моя Аннушка не стала грядущей. Не понравилась тебе мамка, а я для тебя же старалась... «Чтобы тело и душа были молоды, закаляйся, как сталь!»

Первой из тумана вынырнула женщина, решительно вышагивающая по сырой дороге. Серый платок плотно облегал голову, грубо выпячивая нос и надбровные дуги, придавая фигуре сходство с птицей. Это впечатление усиливалось одеждой — куцей дохой из чёрного плюша с выглядывавшим из-под неё серым подолом. Суконные боты тщетно пытались согреть тонкие ноги-лапки.

Заложенные за спину руки сжимали бельевую верёвку, привязанную к рогам козла, запряжённого вместе с собратом в самодельную тележку. Поклажа, видимо, была нетяжёлой: посреди тележки стоял старый сундук среднего размера, перед ним показывалась накрытая белым платком корзина, рядом на мотке бельевой верёвки лежала лопата. Время от времени козёл с верёвкой на рогах, упитанный, но элегантный, чёрный с белой бабочкой на груди — вылитый Черчилль, только с бородкой и без сигары — поддавал своим лбом по плотному заду хозяй-

ки. В ответ раздавалось хриплое покашливание, а затем прерванный монолог продолжался.

Туман, как только вышла из него козлиная упряжка, стёк к реке, лишь один белёсый клочок потянулся было за тележкой, но передумал и растаял на глазах. Жутковатая процессия двигалась в сторону кладбища, расположенного в лесу в двух километрах от села. Из ворот крайнего дома высунулась баба с коромыслом на плече, но, увидев, кто идёт ей навстречу, торопливо перекрестилась и задом ввалилась обратно во двор.

У скотного двора только что закончилось дежурство ночного сторожа, по совместительству убиравшего коровий навоз с фермы. Опрокинутая вагонетка, прицепленная двумя колесиками к рельсу над головой, скрипуче покачивалась над ямой. Деда Афоню менял Ганя — кормач и бригадир над доярками. Они важно дымили махрой и обсуждали политический момент, когда мимо них, поздоровавшись, прошла женщина с козлиной повозкой. Афоня сплюнул в ладонь, притушил в слюне самокрутку, а потом раскрошил окурок в металлическую, ещё довоенную, коробку из-под чая. Закончив наглядный урок экономии в быту, сказал:

– Клавдия-то, а?

– На кладбище, видать, тронулась.

– Умом она тронулась.

– Ага, это с той поры, как её председателем сельсовета не переизбрали.

– Да, пожалуй, поране будет. Помнишь, как она колокол церковный сбросила? На фронте без Бога трудно стало, вот Сталин и разрешил снова церкви открыть. Шибко ей не понравилось тогда, что люди молиться ещё не разучились. Как она орала тогда? «Я не позволю, чтобы поповское отродье дурманило мозги гражданам социализма!» И колокол, небольшой такой, кило на 4–5, с верхотуры прям по надгробию купеческой дочери так запустила, что от камня кусок отвалился, а колокол треснул. Народу было — чуть не всё село собралось. Тишина стояла — хоть на куски её режь. И бабка Нюня в этой тишине как из ружья: «Гореть тебе в аду за такое святотатство!» И рассудок у Клавдии в сей момент и помутился. Наказал её, значит, Господь прям на месте греха.

– Да был я там. Ничего у неё тогда не помутилось. Она такое завернула, что все чуть не бегом из церковной ограды рванули. На фронте, говорит, бойцы с фашистской гнидой сражаются, жизни своей не щадя для защиты идеалов коммунизма, а вы тут от работы отлыниваете. Забыли, что в стране всё для фронта, всё для победы? Марш, говорит, на рабочее место, или я оперуполномоченному НКВД звоню, что тут саботаж образовался. Всех как ветром сдуло... Рассудка Клавдия лишилась, когда народ ее от власти отрешил. Ни одного голоса на выборах не получила, все ведь помнили, как она в церкви угрожала. А потеря власти для нее непереносимой оказалась. Она и сейчас командовать пытается, хоть и понимает, что нет больше той силы, какая раньше была.

* * *

Кладбище встретило Клавдию тишиной и умиротворённостью. Где-то в чаще раздавался деловой птичий щебет, а здесь было пустынно и покойно. Солнце, осветившее поляну, лишь на четверть занятую могилами, обещало тёплый и ясный день.

Привязав Черчилля к ближней оградке, женщина сняла доху и, по-мужски поплевав в ладони, взялась за лопату. Когда яма была готова, Клавдия вынула из-под мотка верёвки узкую деревянную пирамидку с красной звездой на вершине, потом открыла сундук и поправила что-то внутри него, сказала: «Потерпи немного». Ухватившись за ручки, она отнесла необычный гроб к только что вырытой могиле, обвязала его верёвкой и, покраснев от натуги, медленно опустила груз в песчаное чрево земли.

Новый могильный холм Клавдия украсила букетом из нескольких астр, постояла в задумчивой тишине и обратилась к усопшему с последним словом:

– Ты был верным помощником и настоящим другом. Теперь ты будешь рядом с Аннушкой, позаботься о ней. Я сейчас скажу ей об этом, а пока прощай, Яшка. Навещать буду нечасто, но память о тебе будет всегда в моём сердце.

Спорым шагом Клавдия прошла в самое начало кладбища, к маленькой детской могилке. Пара вареных яиц, краюха хлеба и чекушка водки перекочевали из корзины на стол. Клавдия села на врытую рядом со столом скамейку, плеснула водки в железную кружку, выпила, неторопливо закусила. Посидела, упёршись локтями в столешницу, потом положила второе яичко на могилку, рядом поставила недопитую чекушку.

– Вот, Анечка, мамка твоя пришла. Тут рядом теперь и Яшка. Хорошо вам тут на поляночке. Я посижу немножко возле тебя.

Клавдия снова присела на скамейку, подставила лицо тёплому солнцу и, утомлённая работой и водкой, стала вспоминать свою жизнь с Анечкой.

В больнице радовались каждому ребёнку, — а кто в послевоенные годы не радовался детям? — но на председательшу косились: всем было любопытно, с чьим мужиком она нагуляла пузо. В Анечкиной метрике графа «Отец» являла миру жирный почерк.

Слухи по селу гуляли самые разные, были бабы, которые интересовались отцовством. Клавдия усмехнулась, припомнив, какой скандал в сельсовете закатила ей Гришиха. Той помстилось (или добрые люди постарались), что её благоверный слишком уж многозначительно крикает, когда новоиспечённая мамаша несёт в ивовой корзине свое чудо. С корзиной Клавдии было удобно: поставит ее на лавку у окна, и можно вести собрание или приём населения.

В тот раз Гришиха чуть не свалила Анечку на пол, когда с криком: «Я те шары-то бесстыжие выцарапаю, чтоб Гришаню мово не глазила! Я те мохнатку захлопну, чтоб мужиков у баб не переманивала!» — кинулась к столу, вся распаренная от быстрого уличного бега. Хорошо Петиха-истопница подмогла, заголосила истошно: «Дитё уронишь, дура!» Потом уж втроём поревели всласть, потужили над бабьей долей. Гришиха Клавдии подружкой стала, а девочке — нянькой, как поняла, что на Гришаню никто не зарится. Зачем Клавдии Панечкин Котях (кличка-то, тьфу!), когда с ней районное начальство на короткой ноге, да и в соседних Березниках знакомцами ходят заводские инженеры и опсос НКВД. Сейчас, правда, НКВД переименовали, но в селе органы называли по старинке. Нет ей резона путаться с навозным колхозником, на худой конец гегемон-пролетарьят сгодится, а ты, Панечка, совсем обезумела от ревности. И не ревность это, а самый обыкновенный страх

остаться без мужика, потерять гордость при виде зависти, откровенно читающейся в глазах одиноких соседа. «Истинно так, Клавдия, истинно так!» — радовалась Гришиха, готовно бросааясь к Анечке подать бутылочку или сменить пелёнку.

Никому не открылась Клавдия об отце кровиночки, и сам он помалкивал, не объявляясь свету, а новоиспеченной мамаше прямо сказал, что жениться не будет. Вокруг полно молодых и красивых, а с тобой это так было, для установления доверительных отношений. Какая-никакая, а все же власть. Всякий раз, вспоминая о дроле, сердце Клавдии проваливалось в пугающую чёрную бездну. В такие минуты она заходила в обморочном хрипе: как, как случилось, что любовь пришла к этому?..

Когда утвердился во власти усатый горец, в селе стали появляться новые люди. Сначала были раскулаченные из-под Тюмени, курганские горемыки, с Украины и с Кубани. Им определили место напротив соседней деревни Вогулки и заставили строить поселок, который потом стал называться так же, как и деревня. Но деревня стояла на высоком берегу Яйвы, а поселок — на низком в болотине. Рассуждали нехитро: если заболеют в сырости да повымрут — туда им, врагам, и дорога.

Но кулачье оказалось живучим. Наставили барак, прорыли каналы для отвода воды. Подсохшая земля оказалась на удивление плодородной, так что в поселке жили, пожалуй, даже лучше, чем в окрестных селениях. К войне поселок основательно разросся, здесь работали столовая, клуб, магазин, школа, общественная баня. А лесозаготовки давали хоть и трудную, но постоянную работу.

В войну местный люд удивлённо взирал на пришельцев с солнечного юга. По улицам бодро сновали узбеки в чудных халатах-чопанах, тут и там слышалась непонятная речь, раскосые глаза доверчиво смотрели на встречаемых мужиков и баб. Наследников Тамерлана партия мобилизовала на заготовку леса. Надо было есть, поэтому довольно быстро в селе налажился нехитрый обмен продуктами. «Хозяика-а! Картошка бар? Урюк на, кишмиш кушай. Сла-адкий!» — раздавался у ворот голос менялы. Баба выносила ведро картошки и получала взамен посылку, присланную по почте узбекской роднёй. Трудная, непривычная работа изматывала узбеков, а картошка, восстанавливающая силы гораздо лучше урюка и кишмиша, кончалась быстро. И тогда посланцы советского Востока стали предлагать местным валенки, ватные штаны и стёганки, выданные им по прибытии на лесозаготовки. Вёдра уступили место мешкам, но к октябрю и они опустели. И началось самое страшное: грянули морозы.

Садык и Камал сошлись с бабами, овдовевшими после Финской. В избы к ним перебралось по десятку друзей и родственников, которым нашлась одежка и обувь. Остальным пришлось туго. Гордость и незнание языка не позволяли просить милости у привыкших продавать. За три дня замёрзли насмерть двенадцать человек, сорок три оказались в больнице с обмороженными ступнями. Из этих двое умерли от гангрены, а восемь счастливицов после ампутации отправились на родину.

Клавдия заметалась в гневе и страхе. Усадила Спиру-хромого лапти плести прямо в сельсовете, а сама помчалась по избам, и с криком, матом, пинками, цепляясь в волосы баб хваткими пальцами, добилась, чтоб к вечеру в углу напротив орудующего кочедыком Спири образовалась гора платков, кофточек, пиджаков и прочего старья, пригодного для защиты от холода. Тряпьё рвали на портянки, наматывали узбекам на ноги, давали им лапти, просили поддеть под чопаны женские кофты. Смертность пошла на убыль: в неделю замерзло по одному-два. Но разговор с оперуполномоченным НКВД до сих пор хватал Клавдию прямо за сердце, медленно и неотвратимо сдавливая его до появления пота на лбу и одышки.

— Если ты, дура, не понимаешь, то объясняю: как только в сводке появится известие, что у вас за сутки замёрзло десять бойцов трудового фронта, то в течение сорока восьми часов ты и всё — подчёркиваю: всё население этого паршивого села за подрывную деятельность против советской власти будет отправлено на Колыму или Соловки.

Говорил это не высокий по чину сержант, но тихий голос, равнодушно передававший информацию («дура» в его устах было не ругательством, а простой констатацией факта), форма, сшитая из диагоналевой ткани, предназначенной комсоставу, и папироска в руке сломили Клавдию. Она поняла: всё так и будет.

С того дня председательша гнула подвластный люд в бараний рог, но и окружающие поняли обстановку, сами рвали жилы, лишь бы не случилось страшного. Господи! И так война идёт, горя в каждом доме выше крыши. Кто ж знал, что эти нехристи такие беспечные и глупые. Теперь каждый считал своим долгом проверить, как одет-обут встречный узбек.

Кладбище прирастало мусульманскими могилами до конца сорок четвертого, когда пришёл приказ отправить узбеков на родину. Уехали все, и Камал с Садыком, которых, оказывается, в Ферганской долине ждали законные жёны с многочисленными детьми. Живой памятью о сладком урюке подрастали Серёжка и Пашка — бойкие угланы с раскосыми, как у отцов, глазами.

Той же зимою в село прибыл присланный из Березников для вывозки леса мехотряд. Деловито урчащие моторами трактора-бульдозеры разровняли площадку под стоянку для техники аккуратно над узбекскими могилами. Когда Клавдия обматерила начальника мехотряда за излишнюю поспешность, тот пообещал впредь советоваться с нею, но могилы восстанавливать отказался. Да его об этом никто и не просил: мёртвые сраму не имут, а сродники их далеко.

После Победы в Палашер пешком пригнали репатриированных бывших военнопленных. Ещё раньше туда определили крымских татар. В других деревнях и в самом селе появились ссыльные — те, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами во время оккупации, среди них были полицаи, власовцы. И немцы появились тоже — трудармейцев из бывшей Поволжской республики перевели на «вольное» поселение с указанием места жительства. Прибалты добавили населения своими раскулаченными хуторянами. Теперь наряду с привычной русской и коми-пермяцкой можно было услышать украинскую, немецкую, татарскую речь. Работы хватало всем. Люди приглядывались друг к другу, истомившиеся без мужиков бабы прихорашивались перед выходом из избы. Сердцу не прикажешь, появились новые семьи.

По долгу службы Клавдия выезжала во все деревни и посёлки на территории сельского совета. Ей глянулся комендант в Палашере — младший лейтенант Иван Попов.

Клавдия очнулась от дремоты, оглянулась вокруг, заметила бодрого моховичка под горчичной шляпкой, румяную щёчку клюквы на болотной кочке за кладбищем. Пахло чуть прелым, но приятным. Приятно было вспомнить и первую встречу с Иваном.

Она постучалась, и, в ответ на «Войдите!», открыла дверь. Особист не торопясь закрыл на ключ дверцу сейфа, в котором хранил личные дела «этих сволочей», и сказал:

– Можешь не представляться, ты — Клавдия, председельсовета.

– Да. А откуда Вы знаете?

– Не смей меня, знаешь ведь, где служу. А там за красивые глазки не держат. Я всё должен знать, к чему приставлен. Ты вот всё о своих колхозничках знаешь?

– Ну... Знаю.

– А что про тебя мельник думает, знаешь?

– Да как же я могу знать, что он думать может?

– Хреновый, значит, ты председатель. Потому и в коровнике у тебя бабы молоко грязное сдают.

— Но я же не над колхозом стою, а в сельсовете. Пусть председатель колхоза за молоко отвечает!

— Врёшь! Раз ты есть советская власть, значит, ты и над коровником стоишь! Почему не «продрала» председателя колхоза, это же чистое вредительство? А если опасаясь чего, почему сигнал в органы не подала?

— ...

— Молчишь? А я знаю, почему. Жалость бабская! Как же — мужик с мудьями, да ещё фронтовик-орденоносец! А откуда ты знаешь, как он орден получил? Подвиг совершил? А ты знаешь, что за форсирование Днепра всем ордена давали — и героям, и тем, кто за их шинелями прятался? А может, он донос на командира настроил, чтобы его место занять, и потом всю роту в лобовую на пулемёты погнал, лишь бы перед начальством выслужиться?

От такого напора Клавдия сконфузилась и покраснела. Особисту это понравилось.

— Ладно, не робей! Мы же власть, должны друг дружке помогать. Если какой непорядок образуется, только позови — вмиг все в лучшем виде устроим.

— Да я уж в войну научилась...

— Тоже слышал! Вот это молодцом! А знаешь что? Давай мы вместе позавтракаем. Ты ведь точно еще не заправлялась?

И, не слушая возражений Клавдии, Иван подтолкнул ее к двери комнаты, в которой жил. Печь, кровать, стол, два стула, лавка у окна да рукомойник в углу. Рядом с кроватью тумбочка, на которой лежали свежие газеты. У двери к стене приколочена вешалка, на которой красовалась шинель и военная фуражка.

— Есть картоха с тушенкой и сладкий чай. Только умыться надо. Я татарчонка одного шуганул — чего он, зараза, в окно по вечерам заглядывает? — побегать пришлось, вспотел. Ты мне на спину польешь?

Клавдия глазом не успела моргнуть, как он стянул с себя гимнастерку и склонился над тазом у рукомойника.

— Ну, чего ты? На лавке ведро с водой, там ковшик...

Она набрала воды и подошла к Ивану. От него пахло потом, кожей от ремней амуниции и сапог, оружейной смазкой. Пахло мужиком. У Клавдии вдруг перехватило дыхание, а сердце забилось часто-часто.

— Эй, Клавдия, долго ждать? — Иван повернул голову, увидел обмершую председательшу, да какую председательшу — истомившуюся бабу, и враз все понял.

— Ну-ка, дай мне ковшик. А теперь иди ко мне. Вот, вот сюда, — и подвел ее к кровати.

– Знаешь, я все понимаю... Это дело такое, нужное... А баба ты видная, я даже удивляюсь, как ты без мужика такое дело на себе тянешь... Ты, вот что, не противься, просто не думай ни о чем...

И ловко снял с нее кофту и всю одежонку, мгновенно разделся сам, а потом обнял ее и поцеловал. Голова у Клавдии закружилась, ноги подкосились, и она ухватилась за шею Ивана. Потом он мял ее своим телом на скрипучей кровати, а она отвечала на каждое его движение всей выстрадавшей страстью, накопившейся в мечтах о мужской ласке.

* * *

Очнувшись от воспоминаний, Клавдия устыдилась, что мысль о грехе посетила ее на кладбище. Потом успокоилась и засобиралась:

– Вот, Анечка, тятку твоего вспомнила. Он сейчас далеко. Уехал. Но ничего, тебе теперь веселее будет. Яшка умер. Я его рядом похоронила. Будете вместе играть, как раньше. Будешь палку забрасывать далеко, а он лаять. А когда палку в зубах притащит — хвостом повиляет... Ну ладно, не скучайте... Я пойду завхоза школьного отругаю: он, паразит, списанные после уехавшего детдома алюминиевые миски все топором порубал. Боялся, что обвинят в воровстве, если в столовку передаст... Некогда мне. Прощай, доченька!

КРЕПИСЬ, ГЕОЛОГ!

Федор, бригадир отряда геологоразведки, шел из магазина с буханкой хлеба к дому, в котором квартировал весь коллектив бригады. Солнце уже садилось, настроение после трудового дня было превосходным. Он представлял, как после баньки попьет чаю, поболтает с друзьями и ляжет спать. Трактовая улица была пустынна, и взгляд его скользнул по окнам ближайшей избы. Вдруг помстилось, будто поманила его женщина. Чудно поманила — оголила на мгновение грудь.

От неожиданности Федор встал, как вкопанный, и зачарованно прикинул взором к окну. А женщина вновь раздвинула полупрозрачную накидку, обнажив большую белую грудь, повернулась слегка влево-вправо, давая возможность оценить свои прелести. И поманила Федора уже рукой — заходи, мол.

Сердце мощно погнало кровь, застучало в груди и в горле, Федор оглянулся. На улице никого. И он шагнул к калитке у ворот, затем поднялся в сени, а хозяйка уже ждала его, распахнув дверь в избу. Он вновь застыл в замешательстве — перед ним стояла не абы какая баба, а председатель сельсовета. Что сказать, как быть, он не знал. Она же улыбнулась зазывно и сказала неожиданно певуче, грудным голосом:

— Заходи, Федор, не бойся — не укушу. Вы в Романове своей бригадой квартируете месяца три уж, поди, а поговорить с вами некогда — все по лесам бегаєте, как прямо настоящие разведчики, не видать вас и не слышать. А тут смотрю в окошко — бригадир геологический идет, дай, думаю, приглашу к огоньку. Проходи, я тебя ужином накормлю.

Федор поменял направление мыслей. Наверное, померещилась грудь-то, четвертый месяц без жены, вот и лезет в голову всякая чепуха, а ведь так явственно привиделось... Он вошел в избу, снял фуражку, повесил куртку на вешалку и прошел вслед за хозяйкой к столу.

Клавдия, правда, была странновато одета. Платье на ней было будто из тюля. «Трофейное, видать, — подумал Федор, — европейской моды. Вон и трусы даже видно, а лифчика совсем нету, тьфу». Хозяйка меж тем наложила в тарелки чищенной картохи из чугунка и жареной рыбы со сковородки, быстро нарезала копченого сала на блюдо, выставила

хлеб и достала из буфета бутылку водки: «На-ка, обей сургуч да открой!»

А что ж не открыть, это за милую душу... Федор ухватил бутылку правой рукой, сунул горлышко в левую и раскрошил сургуч легко, играючи. Отнес крошки сургуча к ведру под умывальником, сполоснул руки и вернулся к столу. Клавдия уже разлила водку — себе в рюмку на ножке, ему сразу полстакана.

— Ну, за знакомство!

Нехитрый тост, простая закуска — все сразу расположило Федора к хозяйке. Поговорили о погодах, неисчерпаемых запасах Верхнекамского месторождения калийных солей и нефти, о войне вспомнили, как бойцы на фронте гибли, как в тылу бабы погибали от непосильного труда. И каждый раз при смене темы Клавдия наливала и наливала, и Федор пил, а Клавдия лишь пригубливала хмельной напиток. Этим она Федору понравилась — а как же, уважение мужику оказывает, так и должно быть. Молодец баба, даже платье это можно простить, и вообще... Согрешить можно, только с подходцем надо определиться, мало ли что она как председатель сельсовета ответит на ухаживания. А Клавдия, видя его желание и нерешительность, подливала ему «для храбрости» уже из второй бутылки.

Усталость взяла свое, и Федор как-то незаметно, поддакивая и кивая Клавдии на ее рассказ о планах строительства жилья в селе, задремал, а затем и вовсе уснул, уткнувшись лбом в стол.

— А и поспи, милок, поспи! — обрадовалась Клавдия, посчитав происходящее намеком на постель. Стесняется мужик словами сказать, вот такой выход из неловкого положения придумал, чтоб не уходить из избы.

Она споро подготовила кровать, помогла мычащему во сне Федору подняться, ухватив его руку и подставив плечо. Довела до ложа, разделала, как мальчика, и уложила, затем быстро разделалась сама и присела на кровать рядом, лаская мужское тело руками.

— Баской ты мужик, Федор, все при тебе... Давай, приголубь меня!

Но Федор, сваленный усталостью и водкой, на ласки не реагировал. Клавдия уж и прилегла рядом, и обнимала его страстно, распаяясь все больше и больше — уд лежал, свесившись к простыне, не думая наполняться упругостью.

— Это ты врешь, я тебя сейчас разбужу, игрушечку в пушечку превращу! — раззадорила Клавдия, вспомнив любовные игрища, которые молодежь вела зимними вечерами, собираясь у старой вдовы Ванихи на краю села.

Принесла катушку ниток и стала обматывать ими детородный орган от корня к концу и снова к корню, ласково приговаривая и припевая бормочущим, срывающимся от волнения голосом. Потом завязала узелок и потрогала слегка напрягшийся уд рукой.

— Вот, миленький, уже отзываешься. Сейчас так сделаю, что не утерпишь — будешь как камень...

И приникла к нему ртом сбоку, нащупывая нитку зубами. Раскусив нить, стала разматывать ее, перехватывая нить губами, слегка прикасаясь ими время от времени к набрякшему кровью, готовому к подвигу солдатику Федора. Управившись с нитью, Клавдия довольно улыбнулась и взобралась на кровать, встав на колени так, что бригадир оказался между ее ног, а головка вздыбленного члена смотрела прямо в щель волнительно приоткрытой влажной пещерки, готовой принять долгожданного гостя. Клавдия направила его рукой и с прерывистым вздохом насела своей мохнаткой на упругую плоть. Торжествуя вскрикнув, она чуть приподнялась и вновь прижалась к телу Федора всем низом, начиная скачку любви. Но только что твердый инструмент моментально обмяк и выскользнул из недр Клавдии непригодной к соитию теплой тряпочкой.

Уж и мяла его Клавдия, и озалупливала куколку, и теребила пальцами — все напрасно. Один лишь раз, когда Клавдия, отбросив стыд, всосала откряпую головку в рот, вновь набрякла плоть живительной силой и удалю, но хватило этой силы опять только на вход в истекающую соком желанья норку.

Раздосадованная неудачей Клавдия встала с постели, плеснула в рюмку водки, выпила и посмотрела на Федора уже другим взглядом — презрительным и холодным. Усмехнулась вдруг, накинула на плечи длинный жакет и вышла вон из избы.

* * *

Тишина в избе, сданной под ночлег геологоразведчикам, была нарушена громким стуком. Прохор поднялся с лавки, посмотрел в окно, но увидел лишь кончик палки, стучащей по стеклу. Пришлось вставать, накидывать фуфайку, зажечь фонарь и идти в сени.

— Кого лешак ночью носит?

— Бригадира свое заберите, а то проспит на работу!

Прохор посмотрел на женщину испытующе, спросил, что с бригадиром. Услышав, что Федор спит сильно пьяный, решил взять на подмогу Ивана — вместе сподручней будет вести старого друга, да и к сплетням он равнодушен, сам тем более слухи не распускает.

Картина, открывшаяся им в доме Клавдии, потрясла обоих. К причинному месту бригадира было привязано ботало — приличных размеров колокольчик, который обычно вешают на шею корове, чтобы пастух слышал, где ее искать, если не дай бог отобьется от стада.

— Это вот к чему такую надсмешку творить? — возмутился Иван, поворачиваясь к хозяйке.

— А к тому, что боле ни на что не годно его хозяйство, бабе мужска сила нужна, а не мягка колбаска. Вот и подвесила, чтобы проучить. Забирайте его скорее, не могу на это убожество смотреть!

— Эх, дура-баба, напоила до беспамятства, и еще подвигов мужских хотела... Он же по лесам ходил, за день ухайдакался, вот его от водки и развезло в сон.

Клавдия фыркнула, не желая признавать своей ошибки, и вышла во двор. Друзья тихонько отвязали ботало, одели Федора, как если бы перед ними был шибко сонный малец, а не мужчина за сорок, обхватили его с двух сторон и повели из избы.

На свежем воздухе Федор пошел сам, обрадовавшись невесть откуда взявшимся приятелям, пытался даже запеть, а добравшись до своей кровати, снова крепко уснул.

Утром, когда изба геологов-разведчиков наполнилась гомоном проснувшихся, встал и Федор. Вспомнил, что ночью привели его Иван с Прохором, подошел к ним поговорить.

— Не знаю, что и будет, бригадир, — начал Прохор. — Ты хоть помнишь, где был?

— У председательши. Чудно так получилось...

– Вот именно что чудно. Шибко она на тебя обозлилась — хотела с тобой в папу-маму сыграть, а ты окосел да уснул. Ну, она в отместку и выставила тебя перед нами в непотребном виде. Но мы-то молчать будем, можешь не сомневаться.

Федор, слушая описание увиденного друзьями, сидел на кровати весь красный от стыда.

– Спасибо вам, мужики, за помощь и поддержку. Но так понимаю, что задел я гордость Клавдии — не поднялся у меня на нее. И никто ей не сможет доказать, что это из-за усталости и от водки так получилось. Пунктик теперь у ней будет, как только меня увидит. Она, по-моему, с головой не дружит, когда хочет мужского внимания — я ведь ее с улицы увидел, она в окно голые титьки показывала, и вместо платья в тюль завернулась. Война женихов-то выкосила, но плоть требует... В общем, при каждой встрече будет она костерить да позорить меня перед всеми. Придется уходить. Буду проситься о переводе на другой участок по причинам личного характера. А до распоряжения начальства, ты, Прохор, побудь за старшего.

Через час Федор шагал по Трактовой улице в сторону Березников, ему предстояло отмахать тридцать верст, он надеялся вечером узнать о своем новом назначении.

ТАЙНЫЙ ЗАГОВОР

Прелюдия к рождению Зойки

Витька был глуповатый и некрасивый: глаза расставлены широко, скулы большие, уши в стороны — так и тянуло щелкнуть по ним! Когда Витьку о чем-нибудь спрашивали, он очень долго думал, а потом все равно отвечал невпопад. Интернатовцы прозвали его Рахитом, в этом он был виноват сам. Услышав от кого-то непривычное и загадочное слово, стал лепить его во всех случаях, когда был чем-то недоволен:

— Ложка попалась рахитосная, — разглядывал за обедом алюминиевую, изогнутую своими же приятелями ложку.

— Задачу опять рахитосную задали, — жаловался в комнате самоподготовки.

— Глянь, какой дядька рахитосный, — это он пьяного увидел.

Его били картами по ушам, хохотали над неуклюжими попытками пустить дым через нос или кольцо в кольцо — Витьку рвало и из глаз текли слезы, — но Рахит сносил все без злобы и никогда не мстил; возможно, понимал, что развлечений у интернатских мало, и ничего тут не поделаешь.

Интернат стоял в большом селе, жили в нем ребятишки из далеких деревень, где либо вообще не было школ, либо только до четвертого класса.

Однажды от скуки Колька Богатырев — авторитет, ибо умел крутить «солнце» на турнике, а соскок делал с двойным сальто да еще с поворотом на сто восемьдесят градусов! — придумал наливать в презервативы воду.

— Десять литров в один входит! — уверял он, для убедительности обозначая объем руками. И так заразил пацанву своей идеей, что весь вечер ушел на разработку вариантов добычи презервативов.

Воспитательница заглядывала в комнату для занятий, недоумевая, отчего «дети» сегодня такие взвинченные, но узнать причину не пыталась: лучше не трогать улей. Шла пить чай в столовую, которая находилась тут же, на первом этаже большого деревянного здания.

А страсти кипели! Было решено на завтра отправить Рахита в аптеку, чтобы он попросил внушающего доверие дяденьку сделать покупку или, набравшись наглости, купил «шарики» сам:

— Не отступай, Рахит. Прояви геройство!

На другой день после уроков собрались в школьном умывальнике, поджидая Рахита с задания. Аптека была недалеко от школы, как, впрочем, и магазин, куда бегали за папиросами «Прибой» — самыми дешевыми, по двенадцать копеек за пачку.

Рахит пришел быстро, никто и не ожидал. Вынул из кармана целлофановый пакетик с двумя презервативами и сказал, что купить их — раз плюнуть: продают свободно по три копейки за пару да еще смеются: «Почему тебя, такого маленького, послали?».

Школьный алюминиевый чайник стоял наготове. Колька Богатырев разорвал пакетик.

— Вперед! — на правах героя Рахит начал наливать в него воду. Когда чайник опустел, презерватив лопнул, и все пять литров ухнули на пол.

— Наврал! — кинулись пацаны на Богатырева. — Валенки только измочили!

— Чё вы, чё! — отбивался он. — Бракованный попался. Давай еще!

Другой лопнул, не вместив в себя и трех литров.

— Ну-ксь, где пакетик? — затребовал Богатырев. — Должен знак качества стоять!

Пакетик валялся под ногами, мокрый, и на нем не было ни знаменитого пятиугольника знака качества, ни вообще ничего. С этим требовалось разобраться, чтобы не вышло, что Колька Богатырев, который прыгает в высоту «перекатом», обыкновенный вун.

Явился Вовка-Ватерпас из девятого класса, наклонив голову и глядя под ноги, — он все время что-нибудь шарил глазами.

— Чуханы! Чё воды-то налили?! А-ааа! — разглядел белеющие ошметки. — Кто над полом-то наливает? Над умывальником надо!

— Точно! — дошло до Кольки. — Надо, чтоб непременно была опора! Короче, без всяких яких, пусть Проня идет в аптеку, у него валенки сухие.

У Прони были сухие валенки, но мокрые штаны. Колька дал ему свои, сам остался в трусах. Пронины штаны повесили сушить на батарее.

Пока Проня отсутствовал, Ватерпас наставлял:

— Медленно лейте, резина должна «привыкнуть», так в физике говорится.

— Про гондоны?!

— Ну, дубьё! Про законы!

Проня вернулся смущенный, потому что в аптеке сказали: «Девочкам, что ли, берешь вместо шариков?».

Эксперимент продолжился. Презерватив «на опоре» вмещал уже второй чайник.

— Ух, ты! — орал Рахит. — Три влезет, не меньше!

– Что-о-о?! — Внезапно вошедший завуч тряхнул Рахита за шкуру так, что чайник упал.

– Со мной пойдешь! Остальные — пол затереть!

От завуча Витька вернулся уже в интернат.

– Бил? — жалостливо спросил Проня.

– Не, только ухо покрутил. Забрал последний гондон... Рахитосный он какой-то. Сказал завтра еще купить и ему отдать. Во, рубль дал.

Все пораженно затихли.

– Западло ему самому в аптеку.

Проня внезапно захныкал:

– Жалко его Татьяну, она хорошая, а детей не будет...

– Мы вот что сделаем! Иглами все резинки истычем! — придумал Колька, которому тоже стало жалко завучеву Татьяну, она Кольку «Коровками» угощала. — Будут у них с Иванычем дети!

– Сколько дадут на рубль-то этих самых?.. Штук сорок?..

– Больше!..

Начали вычислять, сколько будет на рубль, если цена три копейки за два?.. Расклад оказался сложнейшим. Через полчаса насчитали шесть-десять шесть.

Следующий день прошел в подготовке: иглы, булавки и фантики от давно съеденных конфет, изъятые у девчонок. Кололи, смотрели, ровняли ногтями...

Отработанную технологию пустили в дело, и когда завуч пошел домой, вытолкали Рахита.

До дома Иваныча — сто шагов. Витька встал у калитки, не зная, звать завуча или ждать, когда он сам выйдет. К счастью, Иван Иванович вышел сам, в стеганой телогрейке и с фанерной лопатой в руках.

– Ван Ваныч!

Завуч повернул голову и подошел к калитке:

– Чего тебе?

– Как сказали, так я и принес... — Витька через забор подал горсть пакетиков.

– Ты... Ты... — Иван Иванович мгновенно вспомнил вчерашнюю историю и свой заказ.

– На рубль, чика в чичу! — быстрым шепотом заверял Витька, продолжая вынимать из карманов пакетики, которые как бы невзначай падали в снег: «Намокнут, тогда смотри не смотри — не узнаешь, что проколоты!» — ликовал Витька.

Опубликовано в 2010 г.

ЗОЛОТОЙ БОМЖ, ИЛИ ЗАПИСКИ ПРОХОДИМЦА

(Подражание Витольду Домбровскому)

Я — бомж. Ни кола у меня, ни двора. И кажется вам, что среда обитания моего уныла и мерзка, и нет просвета, и надежды никакой? Видел я, как и вы, собратьев моих по бездомному житию, но шарахаюсь от них, ибо руки у них опустились в мусорные бачки, а счастье их — в капле спирта. И спирта ли? Пойло в стаканах замызганных, что держат они в руках трясущихся, — не спирт. Отрава то, на смерть предназначенная.

Я бомж золотой. Читали ль вы охотно Апулея, как Пушкин некогда в садах лица? Там юноша цветущий был превращен в осла, и наблюдал за людьми, когда те думали, что их никто не видит. Ум человека у осла был сохранен, и он, гоп-гоп-гоп, быстрехонько местечко под солнцем себе присмотрел.

Так вот и я, когда понял, что крыша над продолжением шеи моей в обозримом будущем не предвидится, а работанная мною в разных ООО, ЗАО, ОАО и ЧП работа доход давала такой, что куры смеялись, махая на меня крыльями, то не заглядываться на помойки стал, а нашел-таки способ жить неплохо. Глупый все же народишко у нас, вот и решил я поделиться своими наблюдениями, как тот золотой осел; может, кто-то изменит судьбу-индейку свою злую, а кто-то просто посмеется.

Врачи все врут своим больным, потому и профессия их так прозывается, но в одном правы: надо Прогуливаться, Прохаживаться. А я добавлю: и глазом острым подмечать все вокруг и в газетах, и Прислушиваться, чтоб главное на сегодня узнать. А что главное? Презентации, вечеринки корпоративные, фуршеты и прочие мероприятия, где люд собирается приличный, занимающий Положение. Туда вот, гоп-гоп-гоп, свои копыта и направим. Главное, чтобы костюмчик сидел.

Уж солнце укатилось от города Б, чтоб не смотреть на лица масляные нашего гламурного люда, собравшегося на очередной Парад Тщеславия. У Центра Культуры начинают Прохаживаться приглашенные

Лица. Надо включаться в процесс. Прохаживание — важнейший элемент, прелюдия проникновения в Общество. Кивнешь головой одному, другому, и пока они морщат лбы, тужась вспомнить, а где же и когда встречались со мною, — гоп-гоп-гоп, — к скучающей матроне бальзаковского возраста:

— Извините за беспокойство, но Ваше лицо мне знакомо, а вспомнить, увы, не могу: что-то с памятью моей стало. Вы случайно не были на свадьбе дочери П.П.?

— Как же, как же, П.П. самолично вручил приглашение моему благоверному с наказом непременно быть. Без нас, сами понимаете, и свадьба не свадьба... Мой, правда, отвертелся, но меня отправил, чтобы приличия соблюсти.

— Именно, чтобы приличия. Это непременно, иначе что же получится! А я вас вспомнил: мы несколько раз вальсу с тангой сплясали и Вы очень смеялись.

— Да?..

— Премило беседовали, но потом Вас увел референт Самого, и я скучал до самого конца. Сегодня, лышу себя надеждой, Вы не оставите меня без внимания?

Надеюсь, все уже понятно: матрону будут мучить вопросы, кто же я такой, и не сделала ли она неприличного поступка на свадьбе П.П. Поэтому весь вечер она будет со мною. Общество это увидит и оценит — у меня появятся новые знакомые. А после она поведет меня в ресторан, а если ее Благородный Олень с чудесными рогами в командировке, то и вопрос с ночлегом решен. Что ж, теперь, не обращая внимания на ее болтовню (именно так, это важно!), предамся любимому делу — созерцанию.

Молодчики из охраны все поняли правильно, и я Прохаживаюсь уже в фойе. После обязательного сидения в креслах и выслушивания речей Депутата о себе хорошем начинается самое главное — Фуршет. Сегодня я спокоен, водку и закуски со столов собирать нужды нет. (Когда это делать приходится, то надо обязательно демонстративно, тесня жующих персон и приговаривая, что это по Распоряжению).

К столам, украшенным снедью заморской и выпивкой, Персоны мчатся, гоп-гоп-гоп, локтями друг друга распахивая, а потом наливают, выпивают, хватают что рядом и далеко, и одобрительно мычат с поднятыми бокалами, когда произносится очередной тост, расхваливающий нашего дорогого и любимого Депутата. Пока официанты столы на колесиках меняют на новые с новой же халявой, Персоны перекуривают и Прохаживаются. О, в этот момент решаются наиважнейшие вопросы

города Б. И судьбу свою в этот миг можно устроить кардинальным образом.

Вот смотрите: юноша бледный со взором горящим, мнящий себя акулой пера, держит в руках диктофон, семена рядом с Замом Первого Лица. Все, закончено интервью, и вдруг... Зам щиплет его за щеку и говорит, говорит что-то на ухо, сладенько улыбаясь. Покраснел и отпрыгнул юноша от Зама, а тот не унимается, снова шепчет что-то и поглаживает, поглаживает его по спине. Оглянулся вокруг стыдливо представитель четвертой власти, но никто ничего не видит, все о своем Прохаживаются. И тогда он отважился:

— Я сейчас тебе в морду дам, несмотря, что ты Зам!

— А ты дай, дай! Только подумай, ты у меня и карьеру неслыханную сделаешь, и денег много иметь будешь. Ну что, хорошенький?

Завращал юноша глазами отчаянно и сбежал из центра культуры. Эх, дурашка, а мог бы Жить. Ну да что там — рожденный ползать летать не может! А где же моя Матрона? Не перехватил ли какой проходимец? Пора, гоп-гоп-гоп, в ресторан!

Глава 2

**ЛИЦА
ПРОВИНЦИИ**

(очерки и газетные интервью)

ЗВАНИЕ ДЛЯ АЛЛЫ

25 мая, в День химика, пятерым азотчикам в торжественной обстановке были вручены свидетельства о присвоении звания «Почетный химик». Одна из «великолепной пятерки» — аппаратчица выпаривания цеха нитрит-нитратных солей Алла ШЕРСТОБИТОВА.

На «Азот» она пришла в 1977 году, сразу после окончания ПТУ № 8. Первая ее специальность — аппаратчик кристаллизации в цехе № 5. Уже летом того же года молоденькая девчушка освоила еще одно рабочее место — аппаратчика центрифугирования. Получается, что с самого начала работы на «Азоте» Алла проявляла любознательность, настойчивость, инициативу. Эти черты характера отличают весь ее рабочий путь.

С октября 1980 года Алла перешла в цех нитрит-нитратных солей, где и трудится по сей день. С этим цехом связана вся жизнь, с ее взлетами и падениями, радостями и горестями. Одно она знает точно: без крепкого и дружного коллектива успехов не добиться.

— В нашей работе технологический цикл таков, что все взаимосвязано, — говорит Алла Антоновна. — Здесь так важно чувствовать поддержку коллег. Поэтому рабочие отношения перерастают в дружбу. Ну что бы я делала без оператора Юлии ВАНЮКОВОЙ, аппаратчиц Ирины ВЫЧЕГДИНОЙ и Ольги ШЕЛГУНОВОЙ, мастера смены Людмилы Ивановны ТАРИБО? Да всех в нашей смене можно назвать мастерами своего дела, и не ошибешься.

Так и есть, потому что ежегодно цех ННС перевыполняет план производства калиевой селитры. В этом немалая заслуга и Аллы Антоновны ШЕРСТОБИТОВОЙ. Дело не только в том, что за успехи в труде она неоднократно отмечалась благодарностями и грамотами, в 1984 и 2004 годах ее портрет был на Доске Почета ОАО «Азот», а в 1999 году ей было присвоено звание «Кадровый азотчик». Алла Антоновна охотно

делится своими знаниями, навыками и опытом с молодыми рабочими. Свыше 20 человек прошли обучение и стажировку под ее руководством. Это ценный дар, особенно если учесть, что молодежь на «Азот», и в цех ННС в том числе, пошла.

— Я думаю, что новый собственник сделал правильный шаг, пойдя на увеличение зарплат, — считает Алла Антоновна. — Когда выпускница профессионального училища получает восемь тысяч рублей в месяц — это неплохо. А если план выполняется, то еще и премия добавляется. В августе вот ждем очередного повышения тарифов. Так что у молодых есть стимул, чтобы к нам идти, а мы им рады.

Казалось бы, можно спокойно работать и поживать на лаврах наставника, но Алла ШЕРСТОБИТОВА не из таких. В 2006 году для повышения эффективности производства калиевой селитры технологами цеха ННС был разработан метод одновременной работы на двух выпарных аппаратах. Алла Антоновна приняла активное участие в освоении этого метода и внедрении его в производство. Характер остался таким же, как в юности, только опыта прибавилось, уверенности в своих силах.

Порядок у Аллы Антоновны не только на работе, но и дома. Муж работает в БШСУ, сын — в ОАО «Уралкалий», дочери в эти дни предстоит защита диплома в Березниковском филиале Пермского госуниверситета. Сейчас главный человек в семье — внук, которому от роду год и семь месяцев. Бабушка то посянчится с ним, то носочки или костюмчик свяжет — чего для растущего человечка не сделаешь!

Присвоение звания «Почетный химик» Алле ШЕРСТОБИТОВОЙ в цехе было встречено на ура. Сама же она говорит об этом событии немногословно:

— Достойных людей у нас много. Что ж, если оценили, выбрали — так тому и быть. Но это высокое звание, ко многому обязывающее, и нести его надо с честью.

«НАШИ ДЕТИ НАС ПОЙМУТ»

Он коренной березниковец, скорее даже веретиец. На месте его дома сейчас новая проходная «Азота». Условия жизни были дикими: пыль, грязь, желтый смог... В школу пацаны ходили пешком — через лужи, ныряя под вагонами. Учителя числили его класс трудным, а сами ребята называли себя «неповторимыми». Но у него всегда находилось время, чтобы купить в киоске книгу из серии «Хочу все знать» или «Эврика». Хотел стать физиком. И стал — работал на ТЭЦ-4, сейчас ремонтирует бытовую электронику. Но друзьям и любителям авторской песни Виктор Ужегов известен как бард, чьи песни с удовольствием поют под гитару у костра. Другим нравится его прямота и искренность, живой интерес к тому, что происходит в обществе. Согласитесь, быть в группе «Неравнодушные», когда всех чуть не силком тащили в «Березниковский характер» — это ярко выраженная позиция. Но сегодняшний наш разговор — о поэзии и бардовской песне в Березниках.

— Здесь, в Березниках, живет очень хороший поэт Сергей Малышев. Физик. И Вы тоже физик. Парадокс? Или это вселенская тоска технарей по живому слову?

— Это Вы к известному спору о физиках и лириках? Я думал об этом явлении. И считаю, что физики на самом деле больше лирики, чем формальные гуманитарии. Потому что у них уже есть определенное мировоззрение, они представляют весь этот мир в целостности, у них философское восприятие действительности правильное, а не абстрактное какое-то. Не надуманное.

— А кого из поэтов Вы цените?

— Я слышал многих авторов, пишущих песни на чужие стихи. Когда я услышал песни на стихи Юнны Мориц, появилось желание глубже познакомиться с ее творчеством. Когда читаешь, совершенно другой мир открывается. Нравятся Давид Самойлов, Борис Пастернак — это

классика. Из березниковских поэтов очень уважаю Юрия Петровича Маркова. Понятно, что «наше все» — это Алексей Решетов.

— «Поэт в России больше чем поэт». С другой стороны, многие отмечают спад интереса к поэзии. Нет ощущения, что интерес к поэтическому слову вообще пропадет?

— А что мы понимаем под поэтическим словом? Можно ли отнести к этому понятию, например, рэп? То, что происходит в молодежной субкультуре, — это поиск новых форм, там присутствуют опыты в хороших образцах, есть и разные «навороты» поэтические. Не все это принимают. Может быть, пока. Для меня тот же рэп — не поэзия. Но все развивается. Вопрос в классическом понимании поэзии. Бардовская песня выросла из нее.

— Авторское исполнение — вещь уникальная, но есть и обратная точка отсчета. Галича, например, современная молодежь вряд ли будет слушать. А вот если его стихи почитать, то многое воспримется.

— Вряд ли. Время ушло, для них это не злободневно. Даже так скажу: молодежь просто не понимает, о чем писал Галич. Репрессии, реалии советского быта. Кто из молодых знает, что такое 101-й километр? Скоро дойдет до того, что молодые люди будут искренне считать, что в Великой Отечественной войне победителем были США. Но это уже государственная проблема — образования и культуры — которая не решается, несмотря на все заклинания и реляции высшей власти. Но, кто ищет, тот находит. Вот в этом отношении Березниковский Интернет-форум мне нравится. Люди выкладывают свои стихи, оставляют свои комментарии о прочитанном. Не только взрослые, много совсем молодых, 16-18-летних авторов. Есть интересная форма — поэтический ринг — топик, на котором публикуются стихи на близкие темы. Есть возможность сравнить внутренние переживания лирических героев, настроения авторов. И пусть здесь не мастера культуры, но если людям интересно, значит, поэзия жива.

— Иногда активность пишущих стихи в Интернете наталкивает на мысль, что Сеть — это лишняя лазейка для графоманов.

— Достоинство Интернета — в его доступности. Для пишущих стихи это не хорошо и не плохо. Так есть. Хорошо в том, что имеется возможность обсуждения. Если человек хочет получить реальную оценку своего творчества, он найдет способ. Допустим, Березниковский форум — это не показатель, там критики практически нет. Зато есть довольно много специализированных сайтов, где люди серьезно работают: подробно разбирают каждое произведение.

— Например?

— Я больше бардовской песней занимаюсь. Года три назад появился такой ресурс, с мастерскими авторской песни. В основном, конечно, идет разбор стихов, есть много поэтических форумов, на которых присутствуют специалисты. Другое дело, если человек способен адекватно воспринимать критику, посмотреть на себя со стороны. Некоторые, видимо, просто физически к этому не способны.

— А как Вам пришло в голову сочинять песни?

— Я много думал, откуда что берется. Видимо, это «пунктик» где-то в голове. Я вдруг когда-то еще в школе решил, что я это могу, что это просто. Но ямба от хорея отличить не мог. Самоуверенность детско-юношеская. Хотя я был довольно замкнутым по характеру. На гитаре уже после школы начал тренькать-бренькать. В музыкальном плане я не особо силен, не музыкант. Научился немного играть, придумывать музыку к стихам.

— Но ведь все равно какая-то компания нужна, чтобы песни кому-то исполнять?

— Появились пластинки доступные: Визбор, винилы Высоцкого, записи на кассетных бобинах. Потом я попал в туристическую среду. В начале 80-х из туризма отпочковался клуб авторской песни «Надежда». В общем-то меня туда практически за ручку привели. И там я получил то основное, что в жизни есть теперь. Это наша большая семья. Там я познакомился и со своей будущей женой. Нельзя сказать, что я целенаправленно что-то сочиняю. Пишу больше по поводу и для друзей. По клубным поводам, много песен посвящено походам. Жизнь меняется, у каждого работа, семья, но каждое лето мы стараемся выбраться куда-нибудь.

— Далеко выбираетесь?

— Нет. Сейчас это в материальном плане затруднительно. И все-таки это семейные походы. Чтобы не было каких-то проблем... Вишера, Березовая, Чусовая. Вполне удовлетворяет и южный берег Камы. У нас есть места, где можно очень приятно провести время. Даже больше: у нас свой круг общения, за который не стыдно:

*Переношены одежды
И долгов на шее жгут,
Но пока живёт «Надежда» —
Наши дети нас поймут.
По своим дорогам длинным,
Глядя на своих отцов,
Не пойдут в строй едином
Дураков и подлецов.*

— Есть клуб «Надежда». Значит, есть в Березниках и другие барды? У меня на слуху имя Олега Плотникова...

— Я бы не хотел о нем распространяться. Это, знаете, чертик из табакерки. Он не в этой субкультуре. Понимаете, я в свое время работал с клубной фонотекой. Прослушал сотни записей разных авторов, все это систематизировал. Поэтому имею полное представление о всем спектре авторской песни. А то, что делается многими авторами, которые не в теме, это настолько вторично. У них ярко выражен тот самый подростковый максимализм, чистейшее самовыражение. Это болезнь многих. В первую очередь нужно читать и слушать, потом что-то пытаться делать.

— А кого в Березниках Вы назовете бардами?

— У нас скорее не авторский клуб, а исполнительский. Музыкантов много, ансамбли великолепные женские. Были опыты написания песен у многих, но было и понимание высоких образцов. Поэтому выше головы не прыгали.

— Я слышал, что Вы исполняли свои песни на знаменитом Грушинском фестивале авторской песни.

— Однажды поимел наглость.. Наверное, надо дать пояснение, что такое Грушинский фестиваль. Начинаясь он с туристической авторской песни, но в последние 10 лет проявился кризис безмерного расширения рамок. Появились кришнаиты, панки, рокеры... Что-то совершенно невообразимое творится. Для того чтобы как-то традиционные вещи сохранить, группа энтузиастов под началом покойного Владимира Ланцберга, теоретика самодельной песни, организовала Второй канал — параллельный канал Грушинского фестиваля, где именно поэтическое начало превыше всего. Я ездил на фестиваль авторской песни Второго канала в 2002 году. Пробриться было сложно: прослушивания, выступления на вечерних площадках, но я попал в поле зрения.

— Что это значит?

— Лауреатом я не стал. Я именно «попал в поле зрения» — это определенная ступень, термин сродни званию дипломанта. Это почетно, для меня, во всяком случае. Потому что критерии оценки очень серьезные.

— Что дает творчество: деньги, славу?

— Не все живут с этого. Мы можем среди всех бардов только Окуджаву считать профессиональным литератором. Зато есть большая свобода в плане творчества, больше возможностей выразить именно свою личность. Если говорить о современной авторской песне, то зарабатывают деньги только те люди, которые сейчас на слуху, выступают. Но особых шедевров сейчас не наблюдается. Ну, а то, что дает творчество, я однажды попытался выразить в таких строках:

*Есть прекрасная идея —
Просыпаться до рассвета,
От прилива сил балдея,
Делать то и делать это...
Топором, рубанком, шилом,
Молотком, серпом, зубилом.
Чтоб была одна забота —
Вдохновенная работа!
Каждый божий день...*

Роза Ветров

Виктор Ужegov

*Если встать посредине мира лицом к востоку,
Справа будет обычный, залитый солнцем юг,
Растечётся туманом север с другого бока,
За спиной серый город — вечный железный стук...
Но, когда обнаружишь меня просто так стоящим,
Не крути пальцем у виска — я вполне здоров,
Это время пришло вставать безрассудно спящим,
Это место, где сквозь асфальт прорастает Роза Ветров.*

*Герцог Западный Ветер властелину востока
Предлагает за солнце плесневелый циклон,
Исчезает за лесом дождевая морока,
И светлеют холсты запотевших окон...*

*Не меняет мотив шарманка — семья, работа,
Телевизор на ужин, будильник на семь утра.
Всё разумно и правильно, разве ж тут спорит кто-то,
Но придёт новый день, с якорей нашу лодку сдуют ветра!
Так давай уже — носом к ветру, хвост пистолетом,
Чтоб с форштевня пошла волна, буруны с кормы!
Не болеть голове от зелёной настойки лета,
А болеть голове с ледяного вина зимы...*

*Конунг Северный Ветер с князем буйного юга
Посылают дружины на фронт грозовой...
Всё наивно и просто, золотая подруга —
Стоит выйти однажды под дождь проливной!*

ГАНИН БАТАЛЬОН

Позабыли поля плуг пахаря, зарастают молодыми деревцами.... Но живет все же в селе память о тех, кто и сам работал на совесть и других мог организовать. В Романово таким человеком был Гавриил Андреевич Овчинников — колхозный бригадир, награжденный за труд в годы Великой Отечественной войны орденом Ленина.

Должность бригадира в колхозе — самая трудовая в руководящем составе. Он вроде заместителя председателя именно в рабочем качестве. Председателя могут в Усолье вызвать, в райком или исполком на день-два, или в колхоз нагрянет какой-никакой инспектор — снова «голова» занят. За все работы ответственность ложится на бригадира, потому и военкомат на все Ганины заявления об отправке в армию отвечал отказом: «бронь» на бригадире.

Летние дни на Урале долгие, но времени все равно не хватает: мужики на фронте, главный работник везде — баба, а план выполнять надо. Вот и идет Ганя по улицам села в самую рань, стучится в избы, дает задания колхозникам, просит и детвору пособить, и стариков — работа всем найдется.

Ганя контролировал свой «женский батальон», сам не гнушаясь работы. С косарями помашет литовкой, потом направит всем косы и пойдет на ферму грузить фляги с молоком на подводу. И картошку кантарил и бревна из лесу зимой тащил — всю работу с бабами делил.

Осенью на сельском сходе поздравляли передовиков, секретарь райкома вручал грамоты лучшим работникам, а Гане еще и премию.

После схода Ганя попросил овощеводов собраться в избе-читальне.

— Тебе чего, бригадир, поручили политучебу провести?

— У меня своя политучеба. Собирайтесь, там скажу, чего надо.

В избе-читальне стоял накрытый стол. Три бутылки шампанского, стаканы и чайные блюда с карамелью-подушечками. Бабы замерли у двери, во все глаза пялясь то на стол, то на бригадира. Ганя вышел на середину избы, поклонился бабам в пояс и сказал:

— Вы хорошо, очень хорошо работали, а премию дали мне. Я и подумал — должен быть какой-то праздник. Пусть без мужиков — мы за них выпьем, и за павших, и за возвращение живых. Конфетки всем поровну разделил. Чтоб домой унести можно было, я в магазине кульков бумажных взял. Ну, это потом переложите. А сейчас к столу, мой славный батальон!

Романовские старожилы по сей день помнят Ганину науку с людьми работать:

— Главное, понимаешь, он душу человека чувствовал и с уважением к ней относился. Это в точку попали, что орден страны Гане дали. Пусть у него не было высшего образования, главное работяга он был и Человек.

На пенсии Ганя выходил на помощь совхозу, как и те старики, которых когда-то он звал пособить колхозу. Родных у него не осталось, но одиноким он себя не считал: двери дома всегда были открыты для друзей и знакомых. Со стариками можно и сто грамм поднять, молодые просили орден показать и рассказать «про жизнь». Ганя лез за божницу, доставал награду, давал просящему почувствовать тяжесть металла и неспешно рассказывал, как в войну командовал «женским батальоном».

...На бывших совхозных полях сегодня разрастается ивняк да березки с осинками. Нет и самого Гани, но память о нем живет. Добрая память.

ГВАРДИИ МИНОМЕТЧИК

В 1942 году бои под Тамбовом были жаркие. Пехоту то и дело поднимали в атаки на вражеские позиции. Потери были большие, но командование требовало во что бы то ни стало отбросить немцев от города. Поэтому, когда младший сержант Сергей Семейных с подразделением минометчиков прибыл на фронт, их сразу бросили на передовку, в помощь пехоте. В первом же бою у Сергея осколком разбило винтовку, сам он был ранен в руку. Боевое крещение обернулось месяцем госпиталя. А потом начались фронтовые будни.

Когда началась война, Сергей только-только закончил ФЗУ в Усолье и устроился работать на содовый завод. Но 28 июня он уже получил повестку в военкомат. Дальше была школа младших командиров сначала под Пермью, а потом в Актюбинске. А дальше — фронт.

— Тяжелее всего на войне доставалось пехоте, — вспоминает Сергей Ильич. — А мы — минометчики — обустроивали свои позиции в полукилометре от линии фронта. В этом отношении у нас было поспокойнее, пули до нас не долетали. Но и легкой нашу жизнь назвать было нельзя. Чтобы управлять со 120-миллиметровым минометом, нужна сила: плита весит 90 кг, ствол — 70. 16-килограммовую мину надо поднимать на высоту поднятых рук. А когда нужно вести плотный огонь, работать расчету надо быстро. Надо учесть еще и то, что по штатному расписанию в минометном расчете должно быть семь человек, а у нас было по два-три бойца на миномет. Но ничего, справлялись.

И еще как справлялись! 138-й минометный полк, в котором служил Семейных, заслужил звание гвардейского. Сергей Ильич особенно дорожит боевыми наградами, полученными на фронте.

Орден Красной Звезды — за форсирование Днепра. Немцы считали, что здесь наступление Красной Армии захлебнется. Артиллерия и авиация превратили реку в настоящий ад. Поэт подметил точно: «Кому память, кому слава, кому темная вода, — ни примет, ни следа».

— Мы переправлялись в 30 километрах севернее Киева, — вспоминает ветеран. — В лодку помещались только миномет и два-три бойца. Выжидали краткую минуту затишья и изо всех сил гребли на тот берег. И сразу начинали вести огонь. Со своей задачей мы справились.

Орден Отечественной войны II степени — напоминание о Польше. Бои под городом Ратибор были жаркими. Пехоту надо было поддерживать огнем. Командир полка был на передовой, смотрел, как работают его подчиненные. Точность и плотность минометной поддержки была такой, что фашисты не могли вести ответный огонь. В тот же день командир написал представления на награды.

Не менее дорога ветерану и медаль «За боевые заслуги», которую ему вручили сразу после Победы.

Война — тяжкий труд, сопряженный с лишениями. Боролись не только с врагом, но и со вшами: если бои становились позиционными, рядом с позицией обязательно строили баньку. Была и окопная жизнь, и дороги, по которым везли минометы на лошадях, а позже на «Студебеккерах». Выдержать суровые испытания помогал солдатский юмор и дружеская поддержка. Люди в батарее были со всех концов Советского Союза, а вот земляков не было. За земляка сошел Сергей Зуев из-под Архангельска.

День Победы гвардии сержант Сергей Семейных встретил на марше. Его часть спешила из Германии на помощь восставшим в Праге. А приказ о демобилизации из армии был в 1947 году.

Домой он вернулся с Западной Украины, где в то время дислоцировался полк. И сразу устроился на азотно-туковый завод слесарем в цех сероочистки. Отсюда, с «Азота», он и ушел на пенсию. Время не щадит ветерана: ушли из жизни сын и жена, уже восемь лет Сергей Ильич живет один. Но не чувствует себя одиноким. Его помнят на предприятии, есть верные друзья. Да и сам он в свои 86 лет в летнее время садится на велосипед — есть еще порох в пороховнице.

ДАР ЕЛИСЕЕВА

По дороге в Зуево на берегу речки Уньвы у запруды стояла мельница. Старые люди помнят, что значило для жизни села это на первый взгляд нехитрое сооружение. Работает мельница - значит, все в порядке. А сбой в работе или, не дай Бог, остановка приводили к напряженности, лишним затратам времени и денег, чтобы везти зерно на помол в Березники. Поэтому, когда из Соликамска командировали в Романово инструктора по водяным мельницам Николая Елисеева, то местные жители и власти сделали все возможное, чтобы он остался жить здесь.

У въезда в село, рядом с берегом Яйвы поставил мельник добротный дом, превратил песчаный участок в плодородный сад-огород и оставил после себя добрую память. Сейчас в этом доме живет его сын Анатолий — человек, известный не только в Романове, но и далеко за его пределами.

Дар художника проявился у него рано. Сам Анатолий Николаевич, улыбаясь, вспомнил, что первый свой гонорар получил, когда был учеником 4 класса, за лозунги к празднику, написанные для Кунгурской сберкассы. Был он самоучкой, хотя и ходил в кружки рисования и живописи. Частые переезды семьи, связанные с работой отца по налаживанию, ремонту пуска мельниц, не давали мальчику возможности учиться мастерству у какого-нибудь одного мастера: семилетку он одолел в 11 школах.

А потом началась война. Все планы по художественному образованию рухнули. Надо было получать практическую специальность и после окончания Соликамского ремесленного училища №10 Елисеев становится электромонтажником. Жизнь заставила его проявить себя в разных профессиях, пришлось побывать и заведующим клубом, и слесарем, и воспитателем, но дар живописца не пропал: в 1963 году Елисеев принят художником-декоратором на Березниковскую студию те-

левидения, а после ее закрытия работал художником оформителем на станции Березники, на титано-магниево комбинате.

Художник Елисеев как бы переполнен жизненными впечатлениями и выплескивает их на полотна своих картин. Удивительно точно схвачены особенности дивной уральской природы, а в портретах мастер передает глубокую природную силу и неповторимость своих героев. О творчестве художника были публикации в областной газете «Звезда», в газетах «Красное знамя», «Березниковский рабочий». Его картины почти все раскуплены, многие увезены в Италию, Чехию, Германию, а посетители выставок художника оставляют восторженные отзывы о соприкосновении с талантом.

Дар Елисеева проявляется не только в живописи. Его отношение к жизни — это душевное сопереживание.

В 1948 году жуклинские охотники убили медведицу. Анатолий пошел в Жуклино и вернулся с медвежонком — малышкой Тамарой. Два года Тамара жила в семье Елисеевых. Жена художника Зинаида Георгиевна вспоминает:

— Смышленная она была и забавная. Толю слушалась, как собака. Он ее в детдом приводил с ребятами играть. Очень любили с нами в лес по малину ходить: всегда к самым крупным ягодам приводила, но если заметит, что в ведерке уже набралось, попытается стащить... Когда выросла, ее шалости опасными стали. А пристроить в зоопарк или цирк

уже поздно было, да и раньше -как? Вот так Толя два года жизни медвежонку подарил.

Вместе с женой, дочерью расстрелянного в 1937 г. протоиерея Слудской церкви, что в Перми, Анатолий Николаевич вырастил четверых детей: «Своих трое родилось, и мальчика из детдома на воспитание брали». Все живут самостоятельно, но родителей не забывают.

Дар Елисеева — это способность вкладывать душу в любое дело, за которое он берется.

Страстный рыбак, он все снасти предпочитает делать сам. При виде набора блесен и мормышек, сработанного руками Елисеева, у других рыбаков в глазах появляется алчный блеск. А мастер не жадничает: «Надо — значит сделаем». Во дворе у Анатолия Николаевича можно увидеть чью-то старую лодку, которой он возвращает жизнь, или мужиков, которые слушают секреты правильного копчения рыбы.

Трижды Елисеев принимал участие в ремонте Романовской Сретенской церкви, и готов потрудиться еще, хоть давно уже на пенсии.

Дар Елисеева — это способность «не обраться мохом», готовность и желание воспринимать новое.

Весь август 1983 года Анатолий Николаевич и Зинаида Георгиевна провели на Байкале. В Ангарске у них живут знакомые, оттуда переехали на остров Ольхон, в самом центре озера. Подружились там с местными бурятами, угощавшими их водкой из коровьего молока (оказывается и так бывает!), ловили омуля, собирали травы. Пробыли там всего месяц, а впечатлений увезли на целую жизнь.

Весь образ жизни Елисеева — с его трудом, гостеприимством и открытостью — дар, которым он щедро делится с людьми.

ИЕРОМОНАХ ГРИГОРИЙ

После революции органами государственной власти проводился террор в отношении всего народа, в том числе и в отношении религии и церкви — основам русской духовности. Известно, что в 1917 году в России насчитывалось 78 тысяч православных храмов, в которых вели службу сто тысяч священников. В 1939 году в СССР осталось около 100 храмов, а на свободе — около 500 священников, подвергшихся дискриминации и преследованиям.

Сретенская церковь села Романово не только уцелела, но и продолжала действовать благодаря стараниям прихожан и их пастыря — иеромонаха Григория Михайловича Честикова (сам он подписывался фамилией Чистяков, что, вероятно, более точно, но в выданном ему советском паспорте значится фамилия Честиков), бывшего настоятелем храма с 1920 по 1938 годы с небольшими перерывами.

Родился отец Григорий в 1874 году в селе Беляево Осинского уезда, в селе Ординском учился в мастерской начальной школе. Иеромонах Григорий (Честиков) был последним настоятелем Белогорского подворья в Перми. Став послушником монастыря в 1896 году, в возрасте 22 лет, он начал совершенствоваться «по музыкальной части»: в 1902 году поступил учиться на народно-певческие курсы. Спустя два года архимандрит Варлаам постриг его в монахи, а в 1907 году епископ Никанор рукоположил в иеромонахи. В Перми о. Григорий окончил также трехлетнюю пастырскую школу. В Первую мировую войну он — военный священник, принимал участие в кампании при взятии Перемышля, награжден орденами Святой Анны II и III степени. В Белогорском подворье он исполнял обязанности регента, одновременно замещая священника, а последний год был игуменом подворья вплоть до его разгрома красногвардейцами 23 февраля 1918 года. То есть в самую тяжкую годину испытаний.

Служба в селе Романово продолжила череду испытаний для о. Григория. Сохранились некоторые документы, проливающие свет на события тех лет. Вот один из них, написанный исковерканным языком канцелярского стиля, который сам по себе характеризует его носителей:

24 февраля 1921 г. Священнику Романовской
№ 485 Сретенской церкви

Романовский Волотдуправления предлагает Вам очистить занимаемую в настоящее время Вами квартиру к 1-му Марта с/г а занять занимаемую квартиру в настоящее время просфорни а таковой же вмещаться с Вами или же на первом собрании союза верующих дать таковой квартиру а потому Волотдуправления предлагает Вам о перемещении уведомит Волотдуправления.

*Зав. Отделом: подпись
Секретарь: подпись*

Собрание верующих пыталось протестовать: «...бывшая квартира священника и так занята без всякого разрешения под ВолИсполком, ...нежелательно, чтоб квартира бывшего псаломщика (в которой жил в описываемое время о. Григорий) была испорчена, как и дом священника...» Пустовали первый этаж Нардома и бывшее волостное правление, но советская власть хотела отнять и отняла дом, принадлежавший церкви.

Крестьяне любили своего пастыря и потому, когда узнали о назначении нового священника, просили Владыку Сильвестра, епископа Пермского и Кунгурского, оставить им о. Григория, «так как за требы ничего не просит: кто что даст, тем бывает и доволен».

Зимой 1931 года райисполком и сельский совет дали священнику индивидуальное задание — рубить вицы для вязки плотов на лесозаготовках. Отец Григорий просил перевести его на другую работу, но взамен этого была произведена опись имущества — для продажи с торгов, а сам Чистяков был осужден на один год принудительных работ, которые отбывал в Соликамске.

После отбытия принудительных работ о. Григорий вернулся в Романово, службы в местной церкви возобновились. В 1933 году власти, кажется, добились своего: священника обложили налогом в сумме 2500 рублей, выплатить которые он был не в силах. С августа 1933 года по апрель 1936-го о. Григорий был певчим в пермских храмах, служил священником в селе Окуловка Оханского района. По просьбе верующих села Романово вновь возвращается в Сретенскую церковь, где служит до конца 1938 года.

Все же власти находят повод запретить службу о. Григория. В анкете, предназначенной для регистрации в райисполкоме, иеромонах сделал описку: год своего рождения указал не 1874, а 1974. Этого оказалось достаточным для запрещения службы в Романовской Сретенской церкви.

Отец Григорий ушел в странники. На пропитание зарабатывал ремонтом обуви, колкой дров, ремеслом переплетчика книг.

5 февраля 1940 года он был арестован в Перми по обвинению в антисоветской агитации (статья 58-10, ч. 11 УК РСФСР). При обыске у него изъяли паспорт и «церковно-монархическую литературу» — рукописный молитвенник на 31 листе, заботливо переплетенную самим монахом тетрадь.

Начались допросы, на которых 65-летний старик проявил твердость духа и любовь к людям. Никого он не хотел ставить под удар НКВД. Вот один из его диалогов со следователем:

— Расскажите, у кого Вы переплетали книги?

— Фамилии забыл.

— Что, разве так их много было?

— Да, их было много.

— Следствие настаивает назвать все адреса, у кого Вы переплетали книги?

— Не могу на этот вопрос ответить.

— Почему не можете ответить?

— Не могу ответить потому, что я фамилии забыл и при посещении их не спрашивал фамилий, имен и отчеств. Мне до этого дела нет.

— Следствие предлагает Вам дать ясный ответ по существу заданных вопросов, то есть назвать точно адреса и фамилии, у кого Вы бывали, как на ночлеге, так и для переплета книг?

— По слабости здоровья и по старости лет забыл.

Для дачи показаний вызывали романовских и пермских знакомых отца Григория. Можно понять, почему некоторые из них в угоду следствию подтверждали обвинение: слишком велик был страх самим попасть в машину репрессий. Тем большее восхищение вызывают те, кто не убоился остаться искренним, хотя в иных случаях следователь до пяти раз повторно задавал один и тот же вопрос, предлагая вспомнить эпизоды антисоветской деятельности арестованного. Даже слабоумный поймет, чего от него ждут. Семен Якимович Ильиных, Григорий Павлович Теренин, Ирина Александровна Бердникова — их слова помогли увидеть чистоту нравственного облика о. Григория перед Богом и людьми.

Виновным себя подследственный не признал, но суд вынес ему суровый приговор: 10 лет с поражением в правах после отбытия наказания сроком на три года. 26 июля 1940 года о. Григория этапировали в Соликамскую тюрьму № 3, а 30 ноября 1940 года он умер в тюремной больнице г. Перми и похоронен на Егошихинском кладбище.

Странник иеромонах Григорий ушел в Вечность.

ЗАНЯТИЕ, ДОСТОЙНОЕ ЦАРЕЙ

С древнейших времен люди интересовались миром растений. Сначала это был интерес практический: обеспечить себя пропитанием, лекарственными средствами. Затем стала привлекать красота флоры — одним из семи чудес света были названы висячие сады Семирамиды. И, наконец, появилось желание иметь в собственном саду невиданные растения, экзотику. А здесь без науки не обойтись. И доступна такая роскошь была только богатым людям, которых всячески поддерживали просвещенные монархи. Известно, что Александр Македонский в свои завоевательные походы брал группу ученых для взятия образцов растений.

У Петра I к растениям была особая охота до самых последних дней жизни. В начале XVIII века в московском аптекарском огороде он сам сажал травы и собирал гербарий. Из многих поездок Петр неизменно слал в Москву ботанические книги на всех языках и требовал перевести их на русский язык и приобщить к присланным ранее. Может быть, это единственный случай в истории — царская ботаническая библиотека. Знатоки мира растений были у царя в большом почете.

Соликамск (Пермский край) формировался не только как крупный промышленный, но и культурный центр на востоке России. Особое место в культурной жизни Соликамска и в масштабах всей России занимает Ботанический сад, созданный представителем уральских промышленников Григорием Демидовым в Красном селе в 1731 году. Он выделился в разряд настоящих научных учреждений и занял достойное место в ряду академических ботанических садов России и Европы в целом. Произошло это во многом благодаря тому, что начало создания сада совпало с приездом в Соликамск Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, в составе которой были учёные-естествоиспытатели Петербургской Академии наук Иоганн Гмелин, Степан Крашенинников, а позднее и Георг Стеллер (открывший миру «стеллерову корову»).

Они не только явились авторами проекта Соликамского ботанического сада, в течение долгих лет осуществляли научное руководство его деятельностью, но и принимали непосредственное участие в формировании его коллекций, обогатив их состав экспедиционными материалами сибирской и камчатской флоры. Благодаря учёным Петербургской Академии наук завязалась и активная переписка Григория Демидова с выдающимся шведским учёным Карлом Линнеем.

По разным сведениям, в саду Г.А.Демидова выращивалось не менее 1000 видов растений, из них почти полная коллекция древесно-кустарниковых видов Урала и Сибири. Особую трудность в условиях сурового континентального климата Урала представляло введение в культуру многих теплолюбивых растений из тропических и субтропических зон планеты. Григорию Демидову удалось успешно вырастить 17 видов алоэ, 18 видов кактусов, 2 вида ангавы, 3 вида амариллисов, 5 видов ананасов (их возили даже ко дворцу Елизаветы), 3 вида канн, пальму кариота, кофе арабский, 3 вида гиацинтов, 2 вида олеандра, 2 вида лавра, мирт с Азорских островов, лимоны, бананы и множество других экзотических растений. Для них были построены «ранжереи» (для заморских растений рубили избы, прорубали в них невиданно широкие окна, и даже часть крыши крыли стеклом).

Весь город дивился метёлкам пальм, колючкам кактусов, разнообразию цветочных высадок и отростков. Создатель сада, самоучка — ботаник, коллекционер экзотических растений, естествоиспытатель, ведущий изыскания по интродукции (введение в культуру инорайонных видов растений) и селекции растений, заразил страстью своей весь Соликамск. Не было видно ни одного купеческого дома в городе (в купцов в городе в то время насчитывалось больше тысячи), где бы не выращивали экзотических растений.

После смерти Григория Демидова в 1761 году владельцем сада стал его сын Александр. При нем часть наиболее ценных растений коллекции сада была вывезена в Москву старшим братом отца Прокопием, который был основателем Нескучного сада в Москве. В 1772 году сад был продан крупному заводчику Турчанинову. После смерти нового владельца сад стал приходить в упадок, а в 1824 году прекратил свое существование.

Таким образом, Соликамский ботанический сад Григория Демидова просуществовал 93 года и внес значительный вклад в развитие ботанической науки. Это был первый в мировой ботанической практике успешный широкомасштабный эксперимент по интродукции растений из всех географических зон Земли в условиях резко конти-

ментального климата северо-востока европейского континента. Лишь через двести лет после Григория Демидова северную границу интродукции многих теплолюбивых растений удалось продвинуть севернее города Соликамска.

В настоящее время в Соликамске зарождается новый ботанический сад — питомник-дендропарк, основанный опытным садоводом и цветоводом Анатолием Михайловичем Калининым. Идея возродить ботанический сад пришлась по душе местным краеведам и неравнодушным людям. Благодаря их «пробивным» способностям дендропарк стал достопримечательностью Соликамска, одной из точек туристских маршрутов, учреждением, в котором ведется серьезная работа по интродукции растений.

На участке земли площадью в шесть с половиной гектаров высажены деревья, цветы, кустарники. И все это цветет, благоухает запахами, опьяняет чистым воздухом. Тропинка парка выводит на мостик, перекинутый через ручей с прозрачной водой. На его берегу усталого путника гостеприимно поджидает беседка. Взрослые и дети надолго задерживаются у живого уголка, в котором степенно расхаживают куры в «штанишках», бородатые петухи, утки, цесарки, индюки. Невольно восхищаешься теми людьми, которые вложили душу и сердце в создание Красоты.

Создатель дендропарка — вот он, Анатолий Михайлович Калинин. Великан с золотыми натруженными руками и добрым взглядом. Он готов часами рассказывать гостям о своем детище — откуда привез женец, рассаду. А если растение приболело (не все выдерживают суровый уральский климат), то и с ним поговорит, постарается приободрить ласковым словом. Откуда у Калинина страсть к цветам? Сам он отвечает на этот вопрос просто:

— Из детства. В Соликамск и район в годы сталинщины сослали много народу — раскулаченных, репрессированных. Когда эти бедолаги обжились на новом месте,

построили собственные дома, это было в диковинку. Что было у нас, у чалдонов? Серые покосившиеся избы с одним-двумя окошками. А тут появились светлые дома, с палисадниками под большими окнами. И в палисадниках — цветы. Когда первого сентября их дети пришли в шко-

ду с цветами, это было для меня одним из самых ярких впечатлений детства. С тех пор я и «заболел» цветами на всю жизнь. Нет, ботаником-профессионалом я не стал, всю жизнь работал на оборонном предприятии, в командировках исколесил весь Советский Союз. И отовсюду вез семена, рассаду, отростки. Огород у дома превратил в цветник. И в какой-то момент школьные учителя стали водить детей к моему дому на экскурсию. А потом мне предложили воссоздать ботанический сад.

Сейчас в коллекции дендропарка более двух тысяч цветов (одних гладиолусов больше 200 сортов), 400 таксонов (видов) экзотических растений, которые работники питомника «приучают» к нашему климату. И в самом деле, взгляд невольно задерживается на пирамидальных тополях, розовоцветной яблоне и пенсильванской черемухе. Самих ботаников поразила змеевидная ель, которая в обычных условиях — карликовая, а тут добралась до воды и так «поперла», что все диву даются, слушая агронома дендропарка Алексея Берендеева.

Поддерживаются связи с ботаническими садами страны, налажен обмен посадочными материалами, а в планах — создать зимний сад с оранжереями, розарий, сад непрерывного цветения. Дендропарк расположен рядом с больничным городком, можно проводить здесь лечебно-оздоровительные прогулки-занятия. Все это требует больших финансовых вложений. А с этим как раз туговато: пока энтузиастов поддерживает только «Сильвинит», но не только поддержка нужна, а капитальные вложения.

Без преувеличения титанический труд иногда становится добычей варваров: когда очистили ручей, построили на нем два пруда и запустили туда форель и стерлядь, местные «герои» выловили рыбу для собственного стола.

работники парка руки не опускают: уже наработан бесценный опыт, есть неплохие результаты в интродукции растений, дендропарк де-факто стал достопримечательностью Соликамска. При правильной политике городских властей возрожденный Демидовский ботанический сад вновь станет одним из ведущих научных центров России.

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС ЮРИЯ КУДРЯВСКОГО

Э тот неутомимый человек просто фонтанирует идеями. Причём не только в «своей» узкой теме, каковой является радиационная безопасность, но и в «соседних». Однажды он, специалист в области ядерной химии, заинтересовался проблемой из области органической химии. Результат получился блестящим. Но последнее его детище — новая схема дезактивации сточных вод на Соликамском магниевом заводе — звёздный час учёного.

Визитка

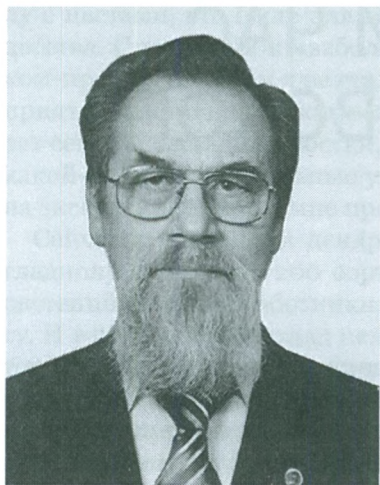
Кудрявский Юрий Петрович — генеральный директор научно-производственной фирмы «ЭКО-технология», профессор Березниковского филиала Пермского государственного технического университета, кандидат химических наук, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и заслуженный изобретатель РФ, действительный член шести российских и международных академий. Автор более 700 научных трудов, в том числе 9 монографий, и более 230 изобретений.

Основная область научных интересов — исследование физико-химических основ, разработка и освоение технологических процессов комплексной переработки, обезвреживания и дезактивации отходов производства с извлечением ценных компонентов и получением различных товарных продуктов.

За успехи в изобретательской, научно-исследовательской, организационной, педагогической и общественной деятельности Ю.П. Кудрявский награждён шестью орденами.

Наш позём — лучший

Да-да, то самое удобрение на основе куриного помёта, которое стало трамплином для успешной карьеры братьев Щёткиных на Родниковской птицефабрике. Борис даже докторскую диссертацию на этом деле

защитил. Кудрявский так заинтересовался проектом, что отложил на время свою любимую радиационную химию. Была в производстве удобрений из куриного помёта одна заковыка: традиционная сушка не обеспечивала качества конечного продукта. Вместе с ценным сухим веществом в почву попадали и болезнетворные микроорганизмы. Кудрявский и его коллеги и друзья Валерий Тетерин, Альберт Пенский и Юрий Трапезников нашли способ устранить этот существенный недостаток и сделали позём действительно качественным удобрением.

После испытаний завод по производству удобрения начал работать. К слову сказать, один такой завод братья Щёткины продали за 5 миллиардов неденоминированных рублей на птицефабрику «Комсомольская» — очень даже приличные деньги. Но... разработчикам «ноу-хау» не досталось ни копейки.

Но Юрий Петрович не унывает:

— Сейчас при министерстве финансов действует программа «Старт» для поддержки малого бизнеса. Я на свои изобретения получил патенты и вместе с друзьями решил организовать производство позёма на птицефабрике в Белокалитвинском районе Ростовской области. Условия хорошие: минфин даёт ссуду таким образом, что если годовая продукция предприятия оценивается в сумму кредита, то он автоматически становится безвозвратным. Теперь обман исключён.

История с позёмом доказала, что изобретательский ум можно приложить к самым неожиданным сферам деятельности. Во всяком случае, труд Кудрявского оказался не просто конкурентоспособным, а успешным и востребованным на рынке.

Куда силы приложить?

Спрашиваю Юрия Петровича, какие направления в своей научно-исследовательской деятельности за последние десять лет он считает наиболее значимыми.

— Всего за эти десять лет получено 110 патентов. Работать приходилось над разнообразными и очень интересными темами. Среди них — получение катализаторов, пигментов, сорбентов для радионуклидов,

переработка агропромышленных отходов, разработка технологии противоглолёдных препаратов, магнитная обработка углеводородного топлива. Каждая из этих разработок защищена 10-30 патентами. А наиболее значима получившая и общественное признание, и хорошую оценку промышленных предприятий технология переработки отходов, содержащих естественные радионуклиды. В этом направлении мы работали с Соликамским магниевым заводом.

Есть ещё одна область, в которой Юрий Кудрявский сделал и продолжает делать очень много. Это работа с молодёжью в науке. Его считают своим учителем кандидаты и доктора наук, он привлекает к исследовательской работе аспирантов и студентов. Личный пример руководителя, атмосфера творчества дают результаты. Подготовлено четыре кандидата наук, сейчас под руководством Юрия Петровича — более десяти аспирантов, соискателей и докторантов. Есть «звёзды» и среди студентов: впервые в научно-исследовательской практике уже третье положительное заключение на патент на изобретение получил шестикурсник Березниковского филиала технического университета Александр Серков. Кудрявский считает, что за создание творческой атмосферы надо благодарить директоров БФ ПГТУ — бывшего, Бориса Оверина, и нынешнего, Валентину Жуланову.

А отходы надо снижать!

На Соликамский магниевый завод поступают тысячи тонн лопаритовой руды в год. Лопарит содержит ниобий, тантал, титан и редкоземельные элементы. В качестве примесей — 0,6 процентов радиоактивного тория, это выше норм примерно в 600 раз. При переработке четверть руды уходит в отходы, они тоже радиоактивные. Их отправляют в специальное хранилище. Ежегодные затраты на захоронение этих отходов составляют 20 миллионов рублей. При этом теряется 6-8 вагонов лопарита вместе с ценными металлами.

Кудрявский придумал новую технологию с использованием того же оборудования, что имеется на заводе: он просто изменил химию процесса — соотношение реагентов, последовательность их подачи. Задача, которая перед ним стояла — сокращение массы отходов.

Откуда берутся тысячи тонн отходов? Не многовато ли? Начался скрупулёзный анализ всей технологической цепочки. Кудрявский и его команда буквально пролопатили все отчёты за последние 30 лет. И нашли-таки причину обилия отходов!

Оказалось, что вопреки устоявшемуся у специалистов мнению, 75 процентов отходов образуются от дезактивированных сточных вод. По

инструкции для дезактивации растворов используется огромное количество известкового молока, с большой массой кальция. Кудрявский предложил заменить известковое молоко на прозрачный щелочной раствор, изменив при этом все режимы и расходные нормы реагентов.

На промышленных испытаниях новой технологии он почти трое суток не выходил из цеха. Кончились бутерброды и сигареты, но процесс захватил создателя:

— На СМЗ отличные кадры: производственная дисциплина на высочайшем уровне. И мастера, и аппаратчики — грамотные специалисты, которые были заинтересованы в результате испытаний. Месяц работы в новом режиме эти результаты показал: объём осадка сократился примерно в 6 раз. Его влажность составила 20 процентов против 56 по старой технологии. И что самое важное — состав осадка оказался почти таким же, как у исходного лопарита. Зачем его отправлять в могильник? Вернуть на повторную обработку! В год таким образом будет возвращено в голову процесса до шести вагонов лопарита.

В итоге общее за год сокращение массы отходов в 4 раза даёт экономический эффект как минимум в 8,5 млн. рублей, а дополнительный выпуск товарной продукции — на сумму более 10 млн. рублей в год. На защите отчёта о проделанной работе не прозвучало ни единого замечания. А кто откажется от возможности такой экономии средств?

У Кудрявского есть и другие планы, связанные с Соликамским магниевым заводом, в частности, по дезактивации концентрированных солевых растворов. Он уже прикидывает, как сократить их объём раза в два-три. Заводчане не против. И знаете что? Я думаю, у Кудрявского и на этот раз всё получится.

ЛЕСНАЯ ФЕЯ

Бывает так, что обстоятельства выбивают человека из колеи, и он озлобляется на всех и вся. Жители «ничейного» поселка МК-24 имеют для этого все основания. Но наша героиня Надежда Латынцева опровергает все стереотипы: несмотря на превратности судьбы, она бодра, доброжелательна и гостеприимна.

С милым рай и в бараке

Симпатичная и смешливая Надюшка после окончания кулинарного училища стала поваром в школе № 21. Работа в ее руках, что называется, горела. Да и как могло быть иначе, ведь Надюшкина мама тоже была поваром. И заметил ее Саша Латынцев, механизатор из мехколонны. Он к тому времени уже отслужил в армии и, распрощавшись с родным Ишимом, приехал в Березники. Жил он в ту пору в общежитии, но после свадьбы предприятие выделило молодоженам квартиру в бараке.

С милым рай и в шалаше — на неурядицы быта внимания не обращали. А когда родились дочь и сын, Надежда поняла, что семейное счастье только крепнет. Александр был на хорошем счету в мехколонне, работал и на бульдозере, и на автогрейдере, и на экскаваторе. Заказов у предприятия было много, работники трудились вахтовым методом — месяц в командировке, месяц дома. Дела шли в гору, и скоро мехколонна построила многоквартирный дом по улице Льва Толстого, где Латынцевым дали на четверых однокомнатную квартиру.

Быт налажился, но городская жизнь была не по душе Надежде. Ее тянуло к природе, на чистый воздух. И мечта хозяйки стала сбываться: в поселке МК-24 началось строительство двухквартирных домов, где семье пообещали новую квартиру.

Горе — не беда

Беда пришла неожиданно-негаданно. Ранним сентябрьским утром у Александра случился сердечный приступ, и он скончался на глазах жены. Смерть любимого мужа потрясла женщину, ее не могли утешить родные и близкие. Помощь она нашла в церкви. Постепенно жизнь ста-

ла налаживаться, а Саша остался в сердце навсегда.

Однажды Надежда вместе родными приехала на кладбище устанавливать оградку. Работа затянулась до вечера, а когда засобирались домой, автомобиль не стал заводиться. Чего только зять ни делал, ничто не помогало. И тогда Надежда подошла к могилке и сказала: «Саша, отпусти нас, пожалуйста. Видишь, уже темно, и нам домой надо. Мы скоро опять к тебе придем, жди нас». После этого машина завелась. Все удивились, но вслух ничего не сказали, поехали домой молча, каждый со своей думой.

К концу 90-х годов в мехколонне дела пошли худо, строительство заморозилось, и Надежда решила достраивать дом самостоятельно. Пять лет она и домашние по вечерам и в выходные дни, как заправские строители, трудились и с мастерком, и с рубанком. В 2002 году семья справилась, наконец, новоселье.

Лесная фея

После банкротства мехколонны многие упали духом. Город отказывается брать на себя заботу о поселке, отключили водопровод и централизованное отопление, люди остались один на один со своими заботами. Но Надежда Викторовна не унывает. Ее дом всегда открыт для гостей, и каждый восхищается хозяйкиными разносолами. Секрет своего легкого отношения к жизни она объясняет просто:

— Со мной мои дорогие дети, внуки, любимая работа. А еще — лес. Это не только удивительная красота, но и кладовая запасов. Я люблю ходить в лес одна, знаю, где растут грибки, ягодки, потому и покушать всегда есть что. Надо только руки и фантазию приложить. А поскольку я повар, то с этим у меня все в порядке. Ну а заготовка дров, поход за водой — так живут во многих деревнях, и не жалуются. Бездействие властей? Бог им судья. А мы и без них выживем.

Наша справка

Поселок МК-24, что за Нартовкой, давно является головной болью городской администрации. Ну никак не хотят наши власти взвалить на себя заботы о бывшей собственности екатеринбургской обанкротившейся компании, несмотря на решения судов различных инстанций о передаче поселка в ведение города. Местные жители в недоумении: вроде бы штамп в паспорте указывает на березниковскую прописку, и депутатский округ тоже Березниковский (депутат Андрей Коробейников), но в остальном заботиться о себе приходится самостоятельно. На весь поселок одна единственная колонка, от централизованного отопления ввиду непомерной платы пришлось отказаться, и так далее, и тому подобное...

КАПИТАН ПИРАТОВ В АСТРАЛЕ

На юбилейном профсоюзном вечере «Вместе — сильнее», посвящённом 75-летию профсоюзной организации ОАО «Азот», случился конфуз. Когда нашу героиню пригласили на сцену для вручения Почётного знака ЦК Росхимпрофсоюза «За активную работу в профсоюзе» II степени отличия, по залу прокатился лёгкий шумок, а председатель президиума крайкома Алексей Клейн немного замешкался. В эффектной и элегантной женщине не сразу узнали старшего инструктора по физкультуре и спорту Нину Аникину. Всегда бодрая и энергичная, она превратилась в ослепительную красавицу. В шуме вспыхнувших аплодисментов кто-то выкрикнул: «Молодец, Нина!».

В представлении на награду её заслуги выражены скупой: «Под руководством Аникиной спортсмены предприятия неоднократно занимали призовые места на соревнованиях различного уровня». Каково это — быть организатором спортивной жизни на крупном промышленном предприятии, — знает она сама и её коллеги. Об этом и наша публикация.

Жажда новизны

Историю нашу лучше всего начать со школьных лет. Одноклассники в шутку говорили: «Нина упадёт — школа развалится». В каждой шутке есть доля правды. И в этой тоже. Потому что Нина старалась попробовать свои силы в самых разных сферах. И стихи со сцены читала, и в самодеятельности участвовала, и, конечно, в спорте. В итоге победил спорт, но черта характера, а именно любопытство, любознательность, осталась на всю жизнь. Ну вот, скажем, волейбол. Им она стала заниматься после тридцати лет, будучи уже мамой двоих детей. У неё всегда рядом настольный теннис и... шахматы. Вроде бы разные дисциплины, но, как говорит сама Нина Николаевна, мышцы в порядке, если с головой всё в порядке.

На «Азот» она пришла 18 лет назад, аккуратно после вступительных экзаменов на заочное отделение Челябинского института физкультуры. Молодую задорную студентку пригласил на работу знаменитый в городе тренер по лёгкой атлетике Владимир Лунегов. Опыт у Нины, пусть небольшой, но был: поработала инструктором по производственной гимнастике (вот так!) на швейной фабрике, год тянула лямку спортивного работника микрорайона (помните время дворовых команд, аэробики, атлетической гимнастики?). На заводе она пришлась всем по душе. А ей было у кого поучиться, например, у председателя коллектива физкультуры Владимира Шуварикова (сильнейшего прыгуна в высоту— его рекорд, 2 м 12 см, до сих пор в городе не покорён).

Положа руку на сердце, мы сейчас не представляем себе спортивную жизнь «Азота» без Аникиной «с моторчиком». Здесь она в своей стихии: спартакиада длится практически на протяжении года, один вид спорта сменяет другой, каждый раз всё по-новому. А ещё выезды на соревнования, организация групп здоровья, спортивные праздники... Что и нужно неутомной Нине. Впрочем, этого мало, поэтому она ещё взвалила на себя обязанности тренера-общественника женской волейбольной команды предприятия. Между прочим, на областной спартакиаде предприятий химической промышленности её подопечные выходили в призёры.

Позитив из негатива

Времена меняются. Ушла в прошлое славная история детско-юношеской спортивной школы «Азота». На производство стала приходиться молодёжь, в массе своей ориентированная на зарабатывание денег, им не до физкультуры и спорта. Да и спортсмены-профессионалы, воспитанные заводом, стали уходить под знамёна других предприятий. Туда, где больше платят. Так ушёл Саша Головкин, так ушла Света Бак. Теперь они прославляют имя АВИСМЫ. Получается, что мы растим спортсменов для наших соперников. Но Нина никогда не унывает:

— Я оптимист по натуре. Даже в неудаче можно найти позитив. Потому что отрицательный опыт — это тоже опыт. С другой стороны, самодество может уничтожить человека изнутри. Надо работать над собой, поднимать свою самооценку, ставить новые задачи. Я уверена, что «Азот», переживающий сейчас трудные времена, скоро поднимется и заявит о себе в полный голос. Культурно-спортивный центр не сдаёт своих позиций. Мы рады всем. Есть платные секции, а для азотчиков на лыжной базе прокат бесплатный. Проводятся дни здоровья, в Доме спорта есть все условия для занятий физкультурой и спортом. И не толь-

ко в соревновательном плане. Я рада, что наконец-то открылась группа здоровья для женщин. Мы работаем в таком режиме, чтобы не давать участникам спартакиады передохнуть: одно состязание сменяет другое. И это уже настолько привычная картина, что коллеги с других предприятий говорят: «Азотчики» голодные до спорта». Капля камень точит. Спорт вновь становится популярным. Очень обрадовало известие о том, что новый генеральный директор «Азота» готов стать участником спартакиады. Его примеру уж точно последуют и другие работники.

Память прошлых воплощений

Нина Николаевна — человек увлекающийся. Раньше читала много художественной литературы, сейчас от развлекательного чтения отошла. Стали больше интересоваться эзотерические книги, раскрывающие тайны души и сознания. Это серьёзный, вдумчивый труд, требующий изменения жизненных установок.

— Конечно, поначалу кажется, что это всё забава. Однажды ради интереса просчитала, кем я была в прошлой жизни. Сроду не догадаетесь — капитаном пиратской шхуны! Посмеялась от души, а потом задумалась. Я ведь на самом деле могу быстро организовать какое-нибудь мероприятие, будь это дружеская вечеринка или ответственное соревнование. И веду себя при этом решительно, никому и в голову не придёт отказаться от моего задания. Или другой пример: так по жизни получилось, что все заботы о садовом участке лежат на муже. Он выращивает огурцы, помидоры, капусту, ухаживает за ягодами. Даже с рыбалки (его любимый отдых) придет — сам рыбу почистит и пожарит. Скажете: повезло мне, и не ошибётесь. А я зато взялась за... ремонт в доме: выложила стенку в ванной комнате кафельной плиткой. И хоть бы в чём-то ошиблась, как будто всю жизнь строительством занималась. Может, я в одной из прошлых жизней строителем была? А вообще прикосновение к эзотерике заставляет переосмысливать многое. Это своего рода точка отсчёта для дальнейшего развития. И для осмысления происходящего. Одно время был бум увлечения восточными видами спорта. Я тоже не избежала моды. Сама обучилась, а потом вела группу в 40 человек. Занимались китайской гимнастикой Тайцзицюань. Знаете, в чём отличие наших традиционных тренировок от восточных? После занятия китайской гимнастикой получаешь такой заряд энергии, будто заново родился. Не идёшь после тренировки, а летишь. Потаскай «железо» по советской методике — устанешь так, будто вторую смену отпахал. Есть над чем задуматься.

Серьёзные книги привели к простой истине: когда мы умираем, мы не умираем. Значит, надо быть ответственным за каждое своё дело.

Нина Аникина может не стыдиться за свои дела. А профсоюзная организация заявила об этом во всеулышание. И правильно сделала.

Судью на мыло?

Не могу удержаться от вопроса.

— Нина Николаевна, на соревнованиях часто бывают ситуации, которые любого судью могут поставить в тупик. Как разруливаете?

— Хороший вопрос. Любое соревнование — дело азартное, поэтому от решения судьи зависит справедливый исход всего спортивного мероприятия, настроение игроков и болельщиков. Если судья ошибается, конфликт может вспыхнуть в любую минуту. И потом, в споре участвуют две стороны, важно проявить твёрдость и отстаивать свою точку зрения. Да, в спорте существует незыблемое правило: решение судьи окончательное, даже если потом выяснится, что он ошибся. Но в этом-то и кроется самое главное: нельзя ошибаться. Поэтому лучше, когда судья не один. Конечно, и в этом случае могут быть ошибки. И со мной они случались, я ведь всего-навсего человек. Не так давно подводили итоги кросса. Посчитали очки — между первым и вторым местом оказалась разница всего в одно очко. Объявили результаты, а потом пересчитали очки. А разницы-то и нет! Две команды показали одинаковый результат. Думаю, что тренер, организатор соревнований, спортивный судья должен быть ещё и психологом. Иначе кто к ним потом придёт? Вот в этом ключе работаем.

— Вы говорили о том, что нет, к сожалению, массового интереса к физкультуре и спорту. А что надо сделать, чтобы его возродить?

— Многое уже делается, но этого недостаточно. Во-первых, физкультура и спорт — это область досуга. Если человек достаточно зарабатывает, не ищет дополнительных приработков, у него появляется свободное время, которое можно и нужно заполнить спортом. Во-вторых, пропаганда здорового образа жизни должна быть не на словах, а на деле. Говорить мы все красиво умеем, а вот как помочь? Посмотрите, что у нас рядом с предприятием? Об этом, кстати, наша профсоюзная организация не раз вопрос поднимала. Заканчивается рабочая смена, люди идут к остановке, ждут автобус. Пока ждут, можно в магазин заглянуть. А там сервис на высшем уровне: водку продают и на закуску колбаску режут. Один предложит, другие согласятся. Какая тут культура? Приедет работник выпивший домой, ему разве захочется на секцию пойти? Он в другое место пойдёт. А приехал бы трезвым, может, и вспомнил бы о соревнованиях, на которых его друзья выступают. Всё с мелочей начинается. Так что, нашего труда — труда коллектива физкультуры —

в деле пропаганды спорта недостаточно. Надо, чтобы и другие подразделения к этому подключались. Это не только к «Азоту» относится, но и ко всему городу. Особенно в деле воспитания молодого поколения.

— Да, вопрос о спортивном судействе у нас перешёл в область человеческих отношений. Впору, как Чацкому, воскликнуть: «А судьи кто?».

— Совершенно верно. Спорт не обособлен от жизни. А руководители предприятий, депутаты городской Думы, власть — все по отдельности хорошие люди, очень положительно относящиеся к физкультуре и спорту. Наверное, у них на первом плане экономические показатели. Да, это важная составляющая в жизни человека. Но нельзя уподоблять его механизму по выкачке денег. Есть другие радости жизни, и спорт в том числе. Все с этим согласны, но делают для развития спорта пока маловато. Не берусь здесь оценивать кого-то, просто воспользуюсь газетой, чтобы пригласить всех руководителей взять за правило самим участвовать в спортивных мероприятиях вместе с тружениками своих коллективов. Не в элитной закрытой секции заботиться о своём драгоценном здоровье, а выйти на игровое поле, сесть за шахматную доску и завоевать очки для своей команды. Это и будет самая действенная пропаганда здорового образа жизни. В конце концов, это и экономически выгодно — для предприятий, для семей.

«О НИХ ВСПОМИНАЮ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ»

ГРЕБЕНЩИКОВ Георгий Иванович, 1882 года рождения. Русский. Город Пермь. Проживал там же. Арестован 1 июня 1937 года. Осуждён 25 августа 1937 года. Обвинение: контрреволюционная, повстанческая деятельность, антисоветская пропаганда. Приговор: Высшая мера наказания с конфискацией имущества. Расстрелян 31 августа 1937 года.

За этими скупыми строками из Книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора» скрывается трагедия семьи жительницы села Романово Елисейовой Зинаиды Георгиевны.

Когда арестовали отца, священника Слудской церкви города Перми, маленькой Зине было всего семь лет. Большая семья (шестеро детей) осталась практически без средств к существованию. Родные узнали об участии отца Георгия в 50-х годах, и то ложные сведения: в справке было сказано, что он умер в 1947 году. Лишь в 90-х годах стал возможен доступ к архивным документам, и Зинаида Георгиевна узнала о Двенадцатом километре Московского тракта близ Екатеринбургa, где захоронено около семи тысяч пермяков, расстрелянных в 1937–38 годах, «когда, обезумев от муки,

*Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки».*

Маховик репрессий, запущенный в эти годы, работал как до войны, так и после её окончания. Жертвы чудовищных подозрений и обвинений выселялись вместе с семьями подальше от Москвы, от своих родных мест. Так в 1945 году на нашей Романовской земле возник посёлок для спецпереселенцев — Палашер. В наспех построенных бараках оказались люди разных национальностей: крымские татары, поволж-

ские немцы, узбеки, украинцы и русские. Поневоле они стали единой семьёй. Березниковский поэт Сергей Белоглазов сказал об этом коротко, но ёмко:

*Я помню тот кусок конины,
Как брат сказал: «Берите — ваше».
Россия, Крым и Украина,
Вам общим домом стал Палашер.*

Ганн М.Ф.

Семья Ганн Марии Филипповны после начала войны была выслана в Казахстан. Поселились в землянке.

«Жилось голодно и холодно».

Попали в трудармию в Соликамск: заготавливали торф и возили в санях на себе.

«Летом босиком, зимой в лаптях, валенок не давали».

В 1946 году перебросили в Палашер на заготовку леса. Здесь Мария

Филипповна вышла замуж за Горна Андрея Андреевича, здесь родились и выросли их пятеро детей, которые в настоящее время почти все живут в Романово.

На территории Пермского края нет ни одного района, где бы не были созданы поселения подобные Палашеру. Так, недалеко от Палашера на правом берегу реки Яйвы был выстроен еще один поселок — Вогулка, который тоже в годы войны и после принимал несчастных, порой ни в чем не повинных людей. Кирпичный завод близ Пыскора, посёлок у деревни Белая Пашня и другие. Многие из спецпереселенцев остались жить здесь, связав свою дальнейшую судьбу с местными жителями. Для них наша земля стала второй родиной.

В наших краях прошли детство и юность семей Горн, Бассауэр, Шамбер, Энслингер, Зелениной Валентины Абрамовны, Семериковой Анны Ивановны, Лапаевой Лилии Васильевны. Наверное, во многих семьях в прошлом есть страницы, связанные с годами репрессий. От раскулаченных в период коллективизации до репатриированных военнопленных.

*... Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать ...*

.....

*... О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде ...*

ТРОЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Аппаратчица абсорбции цеха № 3 Татьяна ОТРУБИНА трижды счастлива: в ее семье растут трое сыновей. Для родителей дети не в тягость, а в радость. Это заметно по цветущему виду хозяйки дома.

В 1987 году после окончания профтехучилища пришла она на «Азот». Все было интересно: люди, производственный процесс. Аммиачная вода требуется для производства минеральных удобрений и бумаги, в других отраслях промышленности, а когда труд востребован, он в удовольствие. Молодость тоже брала свое. Однажды в цех по своим инспекторским делам пришел бравый пожарный. Перекинулся парой слов с Татьяной и... пригласил ее на свидание. А спустя некоторое время они сыграли свадьбу. С тех пор всегда вместе.

Их старшему сыну Владимиру уже 16 лет. Он учится в ПУ-31 на автомеханика. Практику проходил в автотранспортном цехе «Азота» — понравилось и ему, и руководству. Так что теперь он получает повышенную стипендию, а после окончания училища придет в уже знакомый цех. На наших глазах рождается новая рабочая династия.

Паша — средний — серьезно и обстоятельно готовится к школе. Осенью он пойдет в первый класс. Поэтому самые его любимые занятия — составлять из кубиков слова и рисовать. А трехлетний егоза Ромка обожает подвижные игры, ему бы побегать да покататься на папиных плечах. Папа этому только рад. Он сам раньше занимался велоспортом, а сейчас как командир отделения пожарной части должен всегда быть в хорошей физической форме. И детей тоже приучает к спорту. Лично соорудил турничок в дверном проеме, приохотил своих потомков к лыжам, учит плавать. А маме в этом серьезном мужском деле доверена не менее ответственная роль фотографа — все успехи надо отразить в семейной летописи.

В наше время родить троих приравнивается к подвигу. Татьяна с этим не согласна:

— Родить для любимого мужчины легко, в радость. Труднее их поднять. Но, если в семье мир и согласие, то все получится. Я только недавно вышла из декретного отпуска. Конечно, моему Андрею приходилось нелегко, он даже на вторую работу устроился. И ничего, выдюжил. Вообще, дети делают жизнь интереснее. Ну разве пошли бы мы на «Щелкунчика» или цирковое представление, не будь детей? Они смотрят на жизнь широко распахнутыми глазами, с любопытством, и нас «заражают» этой любознательностью. И потом, они все разные, хоть и братья. У каждого свой характер, свой темперамент. К каждому нужен особый подход. Но они — братья, вместе им легче будет становиться на ноги.

Хорошее подспорье семейному бюджету — садовый участок в районе третьего рудника. Далековато, но глава семьи предусмотрительно приобрел не какую-нибудь «Оку», а микроавтобус «Соболь». Никакой тесноты, домчит с ветерком! Земля на труд тоже отзывается щедро: на дворе уже март, а у хозяйки в запасе целая батарея закрученных банок с салатами, закусками, огурчиками-помидорчиками. А какое удовольствие выбраться всей семьей августовским днем на тихую грибную охоту! Нет, что ни говорите, а семье Отрубиных можно по-доброму позавидовать.

Приближается мамин праздник — 8 марта. Андрей позаботится о подарке; что это будет, Татьяна не знает, но большой торт на столе появится обязательно. Владимиру придется взять на себя все хозяйственные заботы по дому. Лишь одно дело Татьяна не доверит никому: обед приготовит сама, экспериментов с детскими желудками она не терпит. А праздник пройдет, как всегда в семье Отрубиных, весело, с играми и шутками.

2008 год объявлен в России Годом семьи. Давно пора было обратить внимание и на государственном уровне поддержать семью. Чтобы больше было таких симпатичных мам, как Татьяна. Чтобы молодые семьи находили в капусте не по одному ребенку. Чтобы во дворах стайками бегала ребятня, играя в индейцев или в обычные салки. Только в этом случае можно будет с уверенностью смотреть в будущее.

ПРАВДА АЛЕКСАНДРА ПОЛЕВЩИКОВА

Когда мы пришли на встречу с Полевщиковым, он вместе со своими сотрудниками работал на субботнике. А на праздники он с друзьями собирался порыбачить на Косью. Отойти от городских проблем, просто отдохнуть, поговорить.

России не нужна активная природоохранная структура. Может быть, это законы развития мира: все развивается циклично. Сначала никакого внимания охране природы, затем был пик поднятия этой структуры, вышли мощные законы, создали единую стройную систему, которая взяла под контроль все моменты развития промышленности. Госкомэкологии, при всех своих недостатках, был очень сильной природоохранной структурой за всю историю России.

Экологическая информация должна быть бесплатной и доступной для всех. Кто не дает эту информацию, тот нарушает Закон «Об охране окружающей среды». Такие структуры в городе есть, они владеют информацией, но не дают, хотя обязаны дать. Требуйте, отправляйте запрос в письменной форме, они обязаны дать вам ответ.

Путин с подачи правительства, на мой взгляд, сломал действующую эффективную экологическую систему. После 2000 года не создано ничего лучшего, идет только ухудшение. Идет раздробление организаций, раздробление функций; предприятия мечутся между этими многочисленными организациями, которые не оснащены достаточным образом. И не финансируются достаточным образом. Каждая из них ссылается на другую организацию: у меня нет, у другого есть. И по кругу вас пускают. Идет какая-то вакханалия, откровенно говоря, в природоохранной деятельности. Система есть, но она не та. Это система, которая ухудшает работу.

За 20 с лишним лет работы... Особенно последние 2–3 года идет массовый поток нормативных документов, которые практически парализуют работу по охране окружающей среды. Вот самый такой интересный

момент: специалисты-экологи и промышленники не знают, как реагировать на это дело. Вот, в соответствии с водным кодексом, со всеми законами об охране окружающей среды, каждое предприятие должно иметь лицензию, лимиты — разрешительные нормативные документы по воде. Если таких документов нет, они попадают под штрафы, против руководителей возбуждаются уголовные дела. Законы действуют. Один из этих документов — получение лицензии на сброс сточных вод. Чтобы разработать такую лицензию, нужно подготовить соответствующие документы. Чтобы подготовить эти документы, нужно использовать методические указания. По расчетам, соответствующим нормативам и так далее, и так далее. И вот Фрадков, председатель Правительства, выпускает Постановление от 30 декабря 2006 года № 881 «О порядке утверждения нормативно допустимого воздействия на водные объекты». Этим постановлением он действующие нормативные документы по разработке всех разрешительных документов аннулирует, ничего не предлагая взамен. То есть соответствующие методики разработки нормативов вредного воздействия на водоем аннулированы. В Постановлении сказано: до 1 июля 2007 года утвердить новые методические указания по разработке нормативов вредного воздействия на водный объект. Полгода в вакууме полностью. А это что значит? Все предприятия, у которых закончились лицензии, попадают под удар контролирующих органов — прокуратуры, судов и так далее. Вот как можно выпустить документ, аннулирующий старый, без разработки новых документов? Ну, Фрадков сам не специалист, ему подсунули такой документ. И мы вот сейчас сидим, голову ломаем. Промышленники ко мне обращаются — мы же готовим такие документы по приказам предприятий — что делать? А никто не знает, что делать. Мы делаем запросы госструктурам, они руки разводят: нет новых документов. А прессинг-то есть, прокуратуры, контролирующих органов, он же остался. Фрадков же не отменил законы. Он только отменил действующий нормативный документ по разработке, а нового ничего не создал.

И вот таких документов за последние год-два постоянно идут. Вот новый документ по разрешению на выбросы вредных веществ в атмосферу. Если раньше предприятия приходили в субъекты Федерации за разрешением на выброс вредных веществ в атмосферу (Есть государственные службы, которые отвечают за охрану атмосферного воздуха, они выдают разрешения предприятиям. У этих структур есть представители в субъектах Федерации, везде. Они эти разрешения выдают. У них были такие полномочия). Сейчас Пуликовский — это руководитель Федеральной службы экологического надзора — выпускает Распоряже-

ние, Приказ «Об утверждении порядка выдачи разрешений на выброс вредных веществ в атмосферу», по которому предприятия должны получать разрешения только после согласия Москвы. То есть документы должны попасть через субъект Федерации в Москву. Москва должна выслать представителя на место, проверить, правильно ли субъект Федерации выдал это разрешение, и после этого дать добро. Я лично не представляю, как может структура, которая находится в Москве, охватить практически всю Россию. Зачем тогда сидят люди на местах? Эти люди и сами владеют информацией не очень хорошо, потому что у них не возможностей приезжать на заводы, как у нас раньше. Мы же контролировали заводы. Приезжали, проверяли, инспекции проводили. Сейчас три инспектора всего на весь Пермский край. А у меня инспекция была 18 человек только на территорию от Гремячинска до Ныроба. Мы все предприятия контролировали. А сейчас 3 человека на весь Пермский край. И они не так владеют информацией, как мы раньше. А Москва хочет охватить то, чем представители на местах не в полной мере владеют. Это что за динамика? К чему она ведет? И на это все отпускается 45 дней. 45 дней субъект Федерации будет рассматривать, 45 дней Москва — 3 месяца решать вопрос, чтобы выдать разрешение на год. Это в лучшем случае три месяца. А через год опять надо крутить. Это что за вакханалия? Я не представляю, как они будут работать. Они захлебнутся, во-первых, если попробуют поработать по этой схеме. Или они должны создать мощнейший аппарат у себя в Москве, чтобы охватить всю территорию России. Она не нужна, эта система. Достаточно система представителей на уровне субъектов Федерации. Кому нужен вот этот приказ? Пуликовский решил взять все в свои руки. А что он возьмет в свои руки? Он реально ничего не сможет сделать.

На мой взгляд, в любой системе можно организовать работу таким образом, что и предприятия пойдут к городской службе. СТУЭК занимался всеми вопросами природоохранной деятельности. Чем он и был хорош. Была целостная картина, и любая организация могла прийти к нам, получить любую информацию. Когда нас сломали, ликвидировали, специалисты вынуждены были искать работу. И мы создали этот институт, куда перешли специалисты. И теперь мы занимаемся тем же самым, но уже на платной основе. База данных за все эти годы у нас мощнейшая накопилась. Предприятия нас знали, мы знали все эти предприятия. Отслеживаем все новые поступления нормативной документации. Мы можем и решаем все экологические проблемы, которые стоят перед предприятиями. Оформляем документы разрешительные по воде и по воздуху, по отходам; организуем разработку раз-

делов охраны окружающей среды в составе проектной документации, сопровождаем проведение экологической экспертизы. Предположим, предприятие хочет построить что-то на нашей территории. Надо сначала оценить возможность строительства этого объекта. Нанесет он вред окружающей среде или нет. Вот предприятие и приходит к нам. Мы делаем соответствующие расчеты, проверяем и говорим: нет. Так как вы собираетесь построить, нельзя, потому что будет загрязнение окружающей среды. А что надо сделать? Мы не можем сказать, что надо сделать по технологии, но мы можем сказать, какие параметры должны быть на сбросе, на выбросах в атмосферу. Мы даем эти параметры и говорим, что вот вместо 100 г/сек вы должны держать 65 г/сек. Тогда в селитебной зоне будет нормально. Как вы сделаете — думайте, у вас технология, у вас проектанты. А если не можете на этом источнике сделать, есть вариант на другом источнике использовать вашу технологию. Совместно если два источника будет, то ситуация будет лучше. То есть мы предлагаем предприятиям варианты развития их промышленности.

И город к нам обращается. По сути дела в городе ни объект сейчас не строится до тех пор, пока мы не проведем оценку. Перед тем как предприятие получит добро на строительство стоянки, предположим, парковки, мы проводим оценку (не экологическую экспертизу) предполагаемой деятельности на данной территории. И говорим: размещение данной автостоянки здесь при таком количестве машин нельзя, потому что будет загрязнение окружающей среды, шум в жилых комнатах выше нормы. Вы предполагаете 100 машин расположить, а здесь можно только 50. А если хотите 100, то вы должны сделать отбойную стенку, чтобы шума не было. Или сделать заезд машин с другой стороны.

После того, как мы эту работу проведем, они наши документы берут и идут с ними к контролирующим организациям, которые проверяют наши расчеты и говорят: да, так можно, и дают добро на разработку проекта. В проекте должны быть разделы, содержащие подробные разработки, касающиеся защиты природы. И мы готовим уже более подробный документ. В этом случае уже мы сами согласовываем с контролирующими органами эти документы, если от предприятия поступит такой заказ. За счет того, что они оценку предварительную уже прошли, то предприятие сокращает таким образом свои затраты. Это хорошая помощь предприятиям, а мы на этом деле зарабатываем.

Средств у нас достаточно, живем нормально. Начинали с 5 человек, как нас ликвидировали, сейчас уже 30 человек. Территория та же, и пермяки к нам обращаются, они начали вкладывать деньги в наши территории. Их устраивает наш уровень работы. То, что мы раньше делали

как контролирующая организация, мы сейчас делаем как помогающая организация. Это не говорит о том, что мы зарабатываем деньги любыми путями. Мы заказчикам сразу говорим, что ни на какие сделки не собираемся идти, потому что все мы бывшие государственные инспектора. Все что в пределах закона, мы поможем сделать с минимальными потерями в короткое время.

В атмосфере очень много всяких соединений, которые выбрасывают промышленные предприятия. Они вступают в реакции между собой, могут образовать более вредные соединения или наоборот. Вопрос глобальный. Можно разложить до атомов. Возникает вопрос — надо ли это. Мы, когда столкнулись с этой проблемой, решили идти не от того, чтобы разделить и найти весь спектр вредных веществ, который находится в атмосферном воздухе. Это очень затратно. Мы пошли от того, как окружающая среда влияет на здоровье человека. Мы не знаем, скажем, чем мы дышим, что мы пьем. Но человек болеет. Если мы выявим причину, от чего он болеет, тогда мы можем из всего этого спектра выделить определенный участок и по нему поработать. А как лучше организовать эту работу? Если изучать взрослых, то это проблематично: они работают на заводах, выпивают, курят, у них образ жизни такой. Мы решили начать с детей. Они ведут более здоровый образ жизни.

В свое время Пермский областной комитет, в состав которого мы входили, начал проводить такую работу. Мы собрали по территории городов детей с различными видами заболеваний и отправили в Пермь. Там у нас есть и сейчас существует Центр детской экопатологии (Зайцева Нина Владимировна). Финансировали эту работу за счет экологических фондов городов и области. Проводили обследование большого количества детей с различными видами заболеваний. У детей брали кровь, ногти, волосы, кал, мочу на анализ и определяли, какие вредные вещества находятся в организме детей. В частности, по городу Березники были выделены компоненты, которые в большом количестве находятся в организме детей. И которых не было в организме детей не из Березников. Мы нашли компоненты, присущие для нашего города. В частности, это был сероуглерод. Его у нас выбрасывает только одно промышленное предприятие — ОАО «Бератон». Поэтому наша инспекция получила задание отработать это направление на «Бератоне». Под нашим давлением предприятие разработало мероприятия и выполнило их. Количество сероуглерода в атмосферном воздухе резко снизилось. Завод, естественно, был против: почему только мы? Сероуглерод может быть в медикаментах, в выбросах автотранспорта. Мы провели исследования, так как всю территорию контролировали, на промпло-

щадке «Бератона», на наших магистралях перед городом, загнали машину в гараж, взяли анализ воздуха из гаража, взяли пробы в Соликамске. Мы доказали предприятию, что сероуглерод в городе — именно от «Бератона». Вот такое направление позволяло нам локализовать те или иные моменты воздействия на организм человека, принять меры воздействия по снижению выбросов.

То же самое у нас было по фенолу.

Следующий интересный момент, который мы начали проводить и не закончили в связи с развалом СССР, ликвидации нашей системы, — мы направляли наших специалистов в Центр подготовки космонавтов. Группа была 20 с лишним человек — представили контролирующих организаций, заводов из Соликамска, Березников. Они там учились анализировать ситуацию и обрабатывать информацию с помощью современных методов. Когда они приехали сюда, мы в основном этих всех специалистов взяли к себе в управление. И создали информационно-аналитический центр. Но, когда они учились там, каждый из них готовил реферат по определенному направлению. Кто-то — по влиянию на зеленые насаждения, кто-то — на атмосферный воздух. И специалисты Центра подготовки космонавтов, когда посмотрели все документы, которые мы им предоставили, сделали вывод, что по всему Советскому Союзу больше нет такой территории, где на таком небольшом участке площади скопились бы такие разнообразные промышленные источники воздействия. У нас и черная металлургия, и цветная металлургия, и горнодобывающая промышленность, и химия, и нефть есть, и большие запасы воды, большие полигоны отходов «Уралкалия» и «Сильвинита». У нас такой конгломерат промышленности и такие серьезные выбросы и сбросы, на маленькой территории, что больше нет нигде. И тогда возникла идея сделать эту территорию полигоном и будем проводить исследования одновременно на земле (предприятия делали анализы по выбросам, Гидромет брал пробы воды и атмосферного воздуха, брались пробы почвы), с воздуха (с самолета в это же время снималась наша территория с помощью своих приборов) и со спутника. Спутник мы предполагали вторым этапом запустить. Идея заключалась в том, что получался слоеный пирог информации. Обработать эти три слоя информации одновременно. Мы хотели, проведя серию таких наблюдений, найти взаимосвязь между фотографиями, полученными из космоса, из самолета. Если бы мы нашли эту взаимосвязь, то в дальнейшем не надо было бы проводить дорогостоящие наземные исследования. Достаточно было бы сделать залет спутника или спутника, и по алгоритму, который мы нашли на нашей территории, сказать: здесь идет

заболевание, загрязнение водоема, выбросы в атмосферу с этой трубы, предположим. И мы первый этап сделали. И предполагалось, что мы проведем серию таких вещей. Но, к сожалению, эта идея умерла. Хотя это очень перспективная идея, и она позволила бы выйти на совершенно иной уровень мониторинга окружающей среды. Это не утопия, это реальность. Ученые, работающие с космонавтами, подтверждают это. Финансирование шло из Москвы на эти вещи, город нес затраты только по наземным исследованиям.

Всегда возможно возобновить эту работу, было бы желание. Когда вы говорили, что город не может на промышленников влиять, — да такого быть не может. Предприятия находятся на территории города. И если я мэр города, хозяин этого города, если я заинтересован, я хочу это сделать, предприятие будет делать. Другой вопрос, надо ли это мне.

Раньше ведь тоже были городские структуры в охране окружающей среды. Были российские структуры. У нас были возможности работать с предприятиями только в дневное время. А выбросы шли в субботние и в праздничные дни. И уровень загрязнения был высочайший в городе. И когда мы пришли на эту работу, можно было как отнестись к проблеме? Я сделал что положено — все. Но Польшгалов в то время был руководителем санэпиднадзора. Мы с ним встретились и начали думать, что делать. Город в списке самых загрязненных, заболеваемость высокая. Давай создадим общественный совет. Включили в него промышленников, депутатов, журналистов, представителей контролирующих органов. Живем в одном городе. И все сделали. Добились снижения выбросов, но этого мало. Проанализировали ситуацию: в дни с НМУ загрязненность увеличивается. А кто дает группу НМУ? Пермь. Они объявляют по всей области. Но бывает, они никакой группы не дают, а у нас тут продохнуть невозможно. Начал я давать группу, а это же сокращение производства, потери. Предприятия стали проявлять недовольство. Допшло до того, что меня объявили в нанесении ущерба промышленности. На совещании у Агалакова мы фактами доказали свою правоту. И мы заставили предприятия снизить выбросы на 20, 40 и 60%. Мы рассматривали каждую ситуацию на общественном совете с привлечением всех контролирующих органов, включая рыбнадзор. Это все было построено на интересах людей. На таком энтузиазме мы долго держаться не могли. Решили, что надо разрабатывать какую-то более стабильную систему контроля. Понадобилась постоянно действующая круглосуточно работающая группа. Нужен оперативный отдел. И здесь нам помогла общественная организация «Экология и здоровье». Полномочия города и тогда были ограниченными, но мы пошли на создание оперативного отдела. Полномочия

проверять были, но не было финансовых ресурсов. А когда мы отдел создали, финансирование пошло из города. В то время пожелай промышленники, встань в позу — и не смог бы этот оперативный отдел работать. Но это же общественный совет, здесь наши дети. Начальники отделов охраны природы провели работу со своими руководителями, подключилась администрация города, партия. И создали отдел. Мы прошли обучение по ТБ на этих заводах. Это был первый в СССР такой оперативный отдел. До этого был в Москве и в Кемерове. Мы изучили их опыт. Но они отслеживали только городскую территорию (свалки, мусор), на территорию промышленников они не попадали. А мы создали структуру, которая контролировала и промышленников, и территорию города. В одной группе работали по совместительству специалисты лаборанты разных заводов. У нас не было приборов, реактивов. Но и из этой ситуации вышли. В заводских лабораториях делали анализы. Соль в том, что мы обнаружим нарушения и начнем давить на эти же предприятия. Но даже в то время предприятия шли на это.

Мне сейчас говорят, изменился менталитет, все хозяйственники, кто позволит? Но сейчас этого и не требуется, потому что сейчас экологический фонд города больше, чем экологический фонд области. СТУЭК в дальнейшем финансировался из экологического фонда города. Люди работали уже на постоянной основе. Приборы, машины, реактивы — все это было уже наше. И никто нас не мог «задавить». И не было никогда таких моментов, чтобы нас на завод кто-то не пустил.

Промышленники — не враги города. В любой ситуации можно найти решение, нужно просто желание.

Японцы в свое время просили выкупить солеотвалы, даже предлагали на свои деньги построить отдельную железнодорожную ветку, чтобы вывезти их. В них же чего только нету — и тяжелые металлы, и золото, и соли. Это для нас они отходы, а это сырье. Почему отказались? А я откуда знаю? Я в этом не участвовал.

Мне лично развал системы Госкомэкологии и нашего СТУЭКа был даже к лучшему. Плохо работать мне не хотелось, а хорошо работать — это значит постоянно идти на конфликт с директорами. Были напряженные ситуации с промышленниками. А зарплата была копеечная, 2,5 тысячи. В личном плане из развала я только выиграл. Сейчас у меня деловые хорошие отношения с промышленниками. Иногда мы даже в суде их защищаем от своих коллег, в пределах закона, конечно. Работаю на себя, ни от кого не завишу.

Столько лет отдано этому делу, очень большой объем работы мы проворачивали. Эту геоинформационную систему сделали для города. Там

были классные спецы. Мы собрали всю информацию из геокома, от УК, от нефтяников, из экспедиции буровиков, все данные исследований, которые когда-либо по городу проводились, собрали. Мы создали банк данных всего, что находится под городом. По всем слоям земной толщи. Это что позволяет делать. Вот надо было построить новый полигон ТБО. Надо проводить исследования грунта и так далее. Это большие расходы. А у нас все эти данные уже есть! Что изменилось с тех пор? Порода-то не изменилась. Мы в компьютере все данные взяли, проанализировали и сказали: в этом месте строить полигон нельзя. А вопрос строительства подземного газохранилища! Все дали добро: институты, промышленники и УК. Но они исходили из своей информации. А нефтяников не запросили. Но когда их информация пришла к нам и мы ее проанализировали, выяснилось, что в том районе есть нефтяное месторождение. А нефть находится там, где есть трещиноватые породы. Значит, газ может каким-то образом куда-то попасть. Мы эти вопросы выкатили на научном совете в Перми, где и Галургия присутствовала, и другие специалисты, которые раньше давали добро. Когда мы полностью показали раскладку в компьютере, все сказали: да, вопрос не изучен. И Поликша сразу же дал отбой, потому что рядом шахты. Поэтому проектантам рекомендовали разрабатывать ситуацию до конца. Но это можно было сделать только имея наш слоеный пирог информации. Это же сумасшедший рычаг: город не потратил на это ни копейки. И мне жалко, что вот такие наработки, нас же не просто звали на симпозиумы, научные конференции, мы же были впереди по всей России. И когда нас разваливали, у меня не было возможности людей сохранить, я сам не знал, куда пойду. Выкинули, и все. И плевали на нас, что мы отработали десятки лет. Я не мог этим людям сказать: ребята, пойдете со мной, я не мог им дать денег. Я городу сказал: возьми людей, Мошкин. Это же обученные спецы. Я не знаю, почему Мошкин не взял, но это была его серьезнейшая ошибка. Надо было этих людей брать и использовать в интересах города. Людей не взяли, они разошлись. Где эта вся информация? Сейчас я знаю, что эту же информацию заказывают в Перми. Готовят подобные наработки. Что их готовить? Они уже были готовы. Мы в России постоянно, что меня поражает. Каждый новый руководитель считает, что до него были дураки. И начинает все заново строить. До конца все ломаем, а затем построим как надо. Зачем ломать то, что было хорошо? Убери минусы, возьми плюсы, развей их дальше. Но все же потеряно.

СТУЭК развалили. У 2,5 миллиона было финансирование. Из них только 150–180 тысяч мы получали из бюджета. Все остальное мы зарабатывали.

Мы взяли полномочия не только по охране природы, но и по природопользованию. Когда начали делать карту города, мы нанесли туда полезные ископаемые, зеленые насаждения и обнаружили, что у нас 24 га городских лесов бесхозные. Руби кто хочешь! И мы подняли вопрос: давайте лесхозу дадим деньги, заключим договор, пусть контролируют. Так и сделали. И это все можно было дальше развивать. Мы городу показали возможности, как нас можно было использовать по строительству, развитию города. Мы собрали информацию по одному микрорайону — обо всех коммуникациях, количестве жителей с разбивкой на пенсионеров, детей, женщин, когда дом был построен, все это заложили в компьютер и показали депутатам, мэру. Представляете, какие возможности для возможных застройщиков. Программа сама выдаст оптимальный вариант расположения магазина или другого объекта. Или поиск места для размещения штаба предвыборной агитации. Сколько трубопроводов нужно поменять? А тут вся информация есть. Эта информационная система дает грандиозные возможности для управления городом. Можно заложить не только экологическую, любую информацию.

И когда людей, способных выполнять эту работу, выставляют... Жалко, что не нужна оказалась гигантская работа. Когда из Москвы к нам специалисты впервые приехали, отношение было выжидательным. Но когда они увидели, что мы тут наворочали, они за голову схватились. Директор НИИ атмосферы сначала даже не поверил, что у нас наработки такие есть. Мне откровенно жалко, что наш труд выкинули. Обидно не за себя. Это совершенно неправильное решение и со стороны Правительства, и со стороны города.

УКРОТИТЕЛЬ ЧУМЫ

Имя выпускника школы № 1 им. А. С. Пушкина Юрия Сучкова внесено в энциклопедию «Лучшие люди России»

Чума, холера, туляремия... — одни только названия вызывают чувство страшной опасности: в прошлые времена эпидемии этих болезней уносили сотни и сотни тысяч жизней. И представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что один из создателей противочумной вакцины — березниковец Юрий Сучков. Сейчас он живет и работает в Москве. Его двоюродная сестра Александра Федоровна Корнилова (до выхода на пенсию работала заведующей отделением в городской больнице № 1) любезно предоставила нам телефон Юрия Григорьевича. Представляем вашему вниманию интервью со знаменитым земляком.

— Юрий Григорьевич, что для Вас значит город Березники?

— Очень многое. Здесь прошли мои детство и юность, а в зрелые годы я работал здесь хирургом под руководством Вагнера. По большому счету, Березники дали мне необходимую закалку, отличное образование, что в дальнейшем так помогло и в науке, и в жизни. Достаточно сказать, что после окончания школы я выдержал семь конкурсных экзаменов (10 человек на место) и поступил в Военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде. Всегда помню такие названия, как Чуртан, Веретия,зырянка,заячья горка... и окрестности: Ленва, Дедюхино, Усолье, Огурдино, Орел, Пыскор и близлежащие деревни Семино, Кропачево, Абрамово, Быгель, Петрищево — особенно любимое зимой место катания на лыжах, даже в военное время.

— Расскажите, как жила Ваша семья?

— В Березники мы приехали в 1933 году из города Чистополя Татарской АССР, где я родился в 1928 году. Жили на Ждановских полях,

а затем на улице Пятилетки, 2 вместе с семьей папиной сестры. Отец работал бухгалтером на химкомбинате, мама оспопрививательницей, а после учебы — лаборантом в СЭС до выхода на пенсию в 55 лет. Папу призвали в армию рядовым и в 1943 году он пропал без вести где-то около Харькова.

В 1936 году я начал учиться в школе, с 1937 года ей было присвоено имя Александра Сергеевича Пушкина. Там же училась моя двоюродная сестра Аля (Александра Федоровна Кукушкина — Корнилова), с которой мы всегда дружили.

— Эта школа взрастила многих известных людей. Какой Вы ее запомнили?

— Помню любимую школу и учителей: Антонину Петровну Ришар, преподавателя литературы, завуча старших классов, Якова Игнатьевича Аладушкина — директора школы, учителя биологии, Галину Ивановну Падерину — учителя физики, Екатерину Фридриховну Дик — преподавателя немецкого языка, и многих других.

Первой моей учительницей была Александра Петровна Злобина — пожилая и одинокая, строгая и требовательная, но справедливая. В четырех первых классах — А, Б, В и Г — учились больше ста человек. Окончили нашу школу в 1946 году шестнадцать, и только пять из поступивших в нее десять лет назад. Сестра закончила учебу на год раньше и поступила в Пермский мединститут.

— Ваши школьные годы пришлось на военное лихолетье. Каким оно было в Березниках?

— Видимо, мало кто знает, что в самую суровую первую военную зиму, в ноябре, когда немцы подошли к Москве, мы, 13–15-летние подростки, рыли в замерзшей земле щели-бомбоубежища в остатках хвойного леса между школой и кинотеатром «Авангард». Обильные снегопады и, главное, разгром немцев под Москвой, остановили эту тяжелейшую и, к счастью, ненужную работу.

Учились во время войны в три смены, так как более новые школы были госпиталями. Во время каникул выращивали картофель на своих огородах, заготавливали дрова для школы и дома. В сентябре работали на подсобных хозяйствах в поселке Мосягино, где строился магниевый завод. Учеба начиналась с 1 октября.

Помогали пережить это трудное время школьная дружба, спектакли Ленинградского ТЮЗа и еженедельные новые кинофильмы в кинотеатре «Авангард». Мама работала в две смены, виделись мы только поздними вечерами и в воскресенье. Читать приходилось по ночам в теплой кухне, когда все засыпали. Художественную литературу брал в

библиотеке ДК и у приятелей. Это Олег Макарьев, сын режиссера и актера ТЮЗа, профессора, заслуженного деятеля искусств; Гелий Чернов, сын репрессированного главного инженера Содового завода; Володя Вятченников, сын Мининой Галины Ивановны, известного в городе врача-невропатолога. Она вместе с Марией Петровной Ришар создала нейро-психиатрическую службу в городе и до ухода на пенсию фактически возглавляла ее.

Володя и Олег после окончания высших военно-морских училищ служили на Северном и Балтийском флотах. Сейчас в отставке — капитаны второго ранга. И я в 1951 году с дипломом врача начал службу во Владивостоке на кораблях эскадры Тихоокеанского флота. Так три школьных друга стали моряками.

— Как Вы пришли в науку? Какими конкретно исследованиями занимались?

— Специализировался я по хирургии, а после увольнения в запас из-за болезни в 1957 году вернулся с женой и сыном в Березники. Работал в больнице, но потом по ряду причин переехали в город Ставрополь, где сменил хирургию на научную работу с особо опасными болезнями: чума, холера, туляремия и другие. Работал в Научно-исследовательском противочумном институте Кавказа и Закавказья, затем в Ростовском-на-Дону институте того же профиля. Все научные исследования этого периода посвящены, в основном, лабораторной диагностике и профилактике чумы, холеры и возбудителей других особо опасных инфекций. Среди результатов можно назвать создание варианта вакцинного штамма с устойчивостью к наиболее употребляемым антибиотикам. Это даёт возможность применять живую вакцину против чумы и одновременно проводить экстренную профилактику с помощью антибиотиков.

— Можно узнать о Вашем карьерном росте?

— В 36 лет стал кандидатом, в 46 — доктором медицинских наук и профессором. В 50 лет назначен директором Ставропольского института, где начинал научную деятельность. Одновременно заведовал отделом чумы и холеры. Через четыре года меня перевели на административную работу в Союзминздрав заместителем начальника одного из крупных главков, откуда вновь вернулся к работе с другими особо опасными инфекциями в Научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи Академии медицинских наук. В трудные для науки времена в 1994 году перешел в научно-прикладное учреждение — Испытательный лабораторный центр по дезинфекции и стерилизации, где продолжаю работать. В 1998 году по конкурсу

избран членом-корреспондентом Российской академии естественных наук. Опубликовано более 200 научных трудов, в том числе соавтор двух книг по чуме.

— Впечатляет. Юрий Григорьевич, Вы не раз приезжали в наш город, навещая сестру. Мы увидим Вас в дни празднования 75-летия Березников?

— Очень хочется еще раз в дни 75-летия города побывать в нем. Но... слишком много «но». Поэтому я заранее поздравляю березниковцев и с Новым годом, и с юбилеем. Уверен, что развиваться город будет к лучшему, и даст миру еще много славных имен. Здоровья всем и успехов!

«Березниковский рабочий» №6 от 18.01.2007

ALMA MATER ВЕРХНЕКАМСКИХ «ШКРАБОВ»

Спасибо, Пушкин!

Долгое время датой основания Соликамского педагогического колледжа имени Алексея Раменского считался 1921 год (с момента открытия техникума для подготовки учителей начальных классов). В 1996 году «раменцы» отпраздновали 75-летие своего учебного заведения. Но, работая в архиве, преподаватель колледжа Екатерина Ивановна Трусова, обнаружила любопытный документ — «Положение XIX чрезвычайно-го Земского собрания Соликамского уезда от 5 марта 1898 года». В тот далекий день земцы обсуждали вопрос о чествовании памяти великого русского поэта. И решили: «Ознаменовать 100-летие со дня рождения А.С.Пушкина учреждением в Соликамском уезде женской прогимназии... Окончившим четыре класса прогимназии предоставлять звание учительницы после полугодовой практики в должности помощницы учителя».

Так была восстановлена историческая справедливость: прародительницей сегодняшнего педагогического колледжа была прогимназия, открытая 26 августа 1900 года во втором этаже здания городской Управы. И пришлось нашим современникам осваивать новую историю. В 2000 году колледж им. Раменского отметил настоящий столетний юбилей!

Традиции плюс инновации

Старейшее педагогическое учебное заведение Верхнекамья — одно из лучших в Пермском крае. Главная из причин успешности колледжа — опора на добрые традиции.

Ушло в прошлое пионерское движение, но 19 мая в колледже прошел торжественный сбор. Как положено, под звуки горна и барабана, с рапортами председателю дружины. На линейку собрали тех, кто закончил отделение вожатых, и, конечно, студентов. Для одних — волнительный момент встречи с собственной юностью, для других — знакомство

с опытом старших. Зачем нужны подобные мероприятия? В колледже отчетливо понимают, насколько важно в век наступления индивидуализма сохранить (или уже возродить) присущие русскому народу общинность, готовность прийти на помощь ближнему. Зимой в одной из газет они разместили объявление об оказании тимуровской помощи пожилым людям. В итоге около тридцати бабушек и дедушек получили бескорыстную заботу.

Дни самоуправления в школах нередко проводятся формально, с ревнивой подстраховкой учителей. В колледже все по-настоящему: ни одного преподавателя в такой день не увидишь. Студентам здесь доверяют. Так же серьезно относятся к житейским «мелочам». В школах курение запрещено, но это мало кого останавливает. На территории колледжа сигарета вне закона: не курят ни дети, ни преподаватели.

У «раменцев» прекрасный спортивный зал, кабинеты с современной «начинкой», передовые технологии обучения, общежитие, недорогая столовая — это как бы само собой. А вот походы и экскурсии по Уралу и по самым разным местам России далеко не все могут организовать. Здесь — это дело обычное. И все с пользой для будущей работы. Исследовательская деятельность в ведется на высоком уровне.

Авторитет колледжа привлекает не только абитуриентов. Налажена связь с вузами Пермского края. За опытом сюда едут сотрудники отделов образования всего Верхнекамья, доклады студентов и преподавателей всегда вызывают интерес на научно-практических конференциях. Колледж давно вырос из рамок подготовки учителей для начальной школы. Здесь могут получить образование учителя-предметники, социальные педагоги и менеджеры по туризму.

Приоритеты Владимира Штибена

Колледж им. А. Раменского стал одним из престижных учебных заведений края во многом благодаря своему руководителю — кандидату педагогических наук Владимиру Константиновичу Штибену. Личности неординарной и постоянно находящейся в поиске новых творческих идей.

— Владимир Константинович, почему вы решили связать жизнь с педагогикой?

— Родители мои из немцев Поволжья, были высланы в Соликамск. Я уже родился здесь. Учился в школе № 3 и параллельно — заочно в математической школе при МГУ. В школе было очень развито коммунарское движение, оно и дало мне навыки управления. В математики

я не пошел. Привлекала история, первые знания о которой получил от деда, когда мальцом, сидя под столом, слушал, о чем он говорил с друзьями. Во время службы в армии меня на лето отправили в военно-спортивный лагерь командиром взвода «трудных» подростков. Это, наверное, был первый серьезный опыт педагогической работы. Я называю его «теплым летом 69-го года», потому что встретил в лагере свою жену — она была медработником. И в работе все тогда получалось. А потом заочно учился в Кемеровском государственном университете и работал школьным

учителем на станции Тайга. Был классным руководителем. Из моего выпуска все двадцать шесть детей поступили в вузы с первого захода. И куда — Томск, Новосибирск, Красноярск, Москва, даже школа КГБ! Я очень гордился ими. Потом вместе с женой вернулись в Соликамск. Сначала поработал в школе № 1, а после окончания университета меня назначили директором родной третьей школы. За шесть лет, что я там был, коллектив возродил макаренковское детское движение. Мы нашли погибших выпускников школы, открыли мемориальную доску. А в 1981 году меня перевели на должность директора педучилища.

— В смутные постперестроечные времена учебные заведения были на грани выживания. Да еще программы гуманитарных дисциплин перекраивались, стали внедряться новые предметы. Не боялись наделать ошибок с инновациями, зарубежными технологиями?

— Всякий русский интеллигент увлекается какими-то идеями, они могут вывезти на кривую. Я тоже человек увлекающийся, но стараюсь осмысленно, даже критично воспринимать все новое. В 1992 году я выезжал на месячные курсы в Германию. Побывал в Вальдорфской школе. Интересно, но ее опыт мы не реализуем. Дело в том, что создатель школы Рудольф Штайнер был близким другом Блаватской, отсюда прививаемый ученикам эзотеризм, идея реинкарнации душ и прочее. Другой пример — валеология. В полном виде это учение мы тоже не

стали брать, взяли как инновацию — здоровьесбережение. Несомненную пользу принесло знакомство с Монтессори-педагогикой. Ее смысл в том, что ребенок сам выстраивает свою деятельность с помощью тех предметов, которые ему нравятся. Ребенок сам учит себя, когда спрашивает: «Как это делать? Помогите мне это сделать самому». Сегодня через площадки Монтессори-педагогики прошли в Соликамске два детских сада, колледж, детский дом. В Березниках Татьяна храм, где родители приходят на службу, а дети занимаются с благословения ма-тушки Ариадны. Четвертый детский сад в поселке Яйва и седьмой — в Александровске. Три года работала по этой программе до своего закрытия Усольская неполная средняя школа.

— Вы осознанно приняли крещение в Православии. Не было соблазна ввести как учебный предмет Закон Божий?

— Я стою на позиции государственного служащего. Есть закон: церковь отделена от государства. Мы приглашаем батюшек на классные часы. В течение семестра идут беседы на самые разные темы, из которых студенты узнают православный взгляд на современные проблемы. В аудитории могут сидеть представители разных конфессий. Религия — это те ценности, которые не выбирают коллективно, поэтому никакое принуждение здесь неприемлемо. В целом же большая часть преподавателей колледжа к религии относится благосклонно.

— Что Вы считаете главной педагогической проблемой нашего времени?

— Культивирование индивидуализма. Это, с одной стороны, хорошо, но теряется сущность русского народа. Идеальный вариант — сочетание индивидуализма с коллективизмом. А коллективизм крестьянства был уже разрушен. Вот почему я так бьюсь за коммунарное, тимуровское движение. Нельзя допустить, чтобы через пятнадцать-двадцать лет сегодняшние дети стали организовывать другие митинги и движения. В некоторых местах мы уже наблюдаем нечто подобное.

Глава 3
ОБЛАСТЬ
ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ

(из Живого Журнала
Алексея Зайцева)

27.04.2009 г.

Добро пожаловать в журналчик Алексея Z

Здесь я делюсь впечатлениями об этом лучшем из миров (других не видел). По большому счету, эти записи важны в первую очередь для меня. Увидишь мысль запечатленную, и отношение к ней уже иное, а если кто-то прокомментирует, то появляется возможность диалога, приближения к истине (где-то рядом, гы)). Так что я из племени рефлексирующих. Но не пугайтесь, мой уровень скорее бытовой, чем заумный.

Аватарку по моей просьбе нарисовал maljar77. Штучная работа, ценю.

Ну, творческих потуг я тоже не чужд, хотя работа моя по своему статусу — ремесло. Я о журналистике. Провинциальной. А еще я был школьным учителем, колхозным завгаром, вкалывал на заводе, служил в армии.

Да, у меня можно похулиганить. Но в меру, без всяких порнографий. Редактором я тоже был, поэтому свой журналчик буду содержать в чистоте. Девственной:-)

В общем, добро пожаловать!

О себе

Алексей Зайцев.

Несмотря на зверскую фамилию, дружелюбен к заглянувшим в журнал.

Многое в моей жизни произошло по воле случая. Случайно занесло в сельхозтехникум, в армии повезло служить в РВСН, в институт вообще на спор поступил. И ничуть ни о чём не жалею.

24.05.2009 г.

Музей истории Усольлага

Впервые о том, что в Соликамске в управлении местных зон есть музей, мне рассказал председатель правления Пермского областного отделения общества «Мемориал» Александр Михайлович Калих. Вдруг там есть материалы о политических сидельцах, осужденных по «бытовым» статьям? Например, о Льве Разгоне?

Нет там ничего о заключенных, Александр Михайлович. Все здесь посвящено исключительно работникам управления. Железный Феликс бдит.

А что мы знаем о племени охранников? В уме сразу всплывает образ

этакого вертухая, готового на любую подлость. Но... Они охраняют тех, кто преступил закон — бандитов, насильников, убийц. Работа неприглядная, но нужная обществу. Чем и как жили и живут сотрудники «учреждений»?

Заведует музеем Александр Васильевич Ряшко, бывший начальник медицинского отдела, полковник в отставке, председатель Совета ветеранов управления. Музейный фонд небогат. Если вы подумаете, что это всамделишный музей с научными сотрудниками, то ошибетесь. Чистая самодеятельность. В основном фотографии, наградные удостоверения, альбомы и книги памяти. Зато есть подшивки газет «Борьба за лес» (орган политотдела и управления Усольлага НКВД СССР). Я с интересом ознакомился с номерами газеты за 1941 год.

Наверное, не погрешу против истины, если скажу, что Усольлаг был большим трестом по заготовке и транспортировке леса, использующим дармовой рабский труд заключенных. Поэтому был план, ответственность за него, изобретательство и рационализаторство, и охрана, роль надсмотрщиков, впряженных в ту же лямку плана. Жены сотрудников баклуши не били — заготавливали ягоды и грибы, учились на курсах медсестер, пахали, как все. А вместо признания и наград запросто могли угодить на нары. Массовые репрессии коснулись и их. Так, первый начальник АМ-244 Завен Алмазов был расстрелян.

На войну Усольлаг отправил 3900 человек. Двое из них стали Героями Советского Союза — Константин Шувалов и Алексей Флоренко.

Условия работы сотрудников таковы, что все время надо быть готовым к любому повороту событий. Пять фотографий на отдельном стенде. «Они погибли от рук заключенных, — говорит Ряшко. — Этого ударили заточкой в живот, этого зарубили топорами на делянке, а двое ребят погибли в Грозном».

Но озлобленных среди ветеранов учреждения нет. Удивительно было узнать о том, что некоторые из них пишут стихи, воспоминания, встречаются с молодежью и исследователями. Кстати, после 12 июня в Соликамск приедут москвичи, им покажут действующую узкоколейку в Чепце и Пылёво.

Да, музей создан в 1993 году на общественных началах.

20.06.2009 г.

На рыбалку без сетей, удочек и динамита

Рыбалка — это нечто. Сам бывал много раз в ночном, ловил сомов (вернее, сомят; взрослый сом потянет кило на 300 — такая акула люби-

телю не по зубам), готовил уху на костре, слушал, каких чудищ вылавливали рыбаки:-)) А как же без этого?

Русский мужик ухитряется ловить рыбку самыми неожиданными способами. Меня всегда поражало умение местных ловить рыбу. Вот как об этом писал Николай Рерих:

«Лучение рыбы самое коренное деревенское развлечение. Основано оно на том, что ночью рыба останавливается, так что не представляет особого труда ударить её острогой; но для этого надо осветить её, и вот на носу лодки разводят костёр; чтобы пламя было ярче, дрова выбирают сухие и смолистые, или же накапывают еловых и сосновых корней — такие дрова называются смольё...

Я занимаю моё обыкновенное место на руле, лесник — у вёсел, и Михаил Иванович — с острогой. Незаметно двигается лодка.

Вёсла работают почти без шума. Смольё на носу разгорелось. Тысячи ярких искр рассыпаются кругом и вместе с дымным столбом поднимаются вверх. Пламя уничтожает дрова.

Точно кости в зубах зверя, трещит дерево, пожираемое огнём. Смотрите, как быстро бегают огненные струйки, как жадно впиваются они в дерево. Оторвёшься от костра, оглянешься, а кругом опять сгустилась тьма; наступает она, словно рассердилась, зачем на огонь засмотрелся и её позабыл. На водной поверхности освещается светлый круг.

Река мелка. Дно ярко освещено. Вода не спит. Тихо течёт она, точно тончайшая кисея движется. Контуры камней дрожат; прямая веточка, словно змейка, извивается.

Коряга разбухшая, будто чудовище, лежит на дне. Рыба остановилась, как мёртвая стоит она у дна. Чешуя мелкими искрами отливает. Михаил Иванович не мешкает; наметился; чуть слышно хлестнула острога, и судорожно забила хвостом рыба в предсмертной агонии. Началась ловля. То и дело в ведре появляются новые жертвы. Михаил Иванович прекрасно знает глубину реки и бьёт без промаха...»

Но лупить несчастную рыбу вот такой штукой, насаженной на древко, — сейчас браконьерство. Если охотник не так ловок, он множество особей покалечит, так и не поймав. Хотя в законодательстве сделано исключение для подводной охоты. Подводное ружьё — по сути та же острога.

В станице Вешенской (там, где Шолохов жил) спрашиваю у двоих пацанов-казачков:

- На что рыбку ловили?
- Ни на что.
- Сетью, что ли?
- Ведром.
- Каким еще ведром?
- Без дна!
- ?
- А пошли вечером с нами, покажем.

И вот вечером я наблюдал потрясную картинку. Пацаны идут по песчаному берегу Дона, один светит на воду мощным фонарем. Рыба, подплывшая к берегу, действительно стоит на свету! Другой стремительно опускает ведро, накрывает ее. А, поскольку дна у старого ведра действительно нет, сует туда руку — и вот он, трофей!

Сам я однажды ловил карасей... ногами. Дело было так. Возвращались мы с ночной рыбалки на велосипедах с Чира. Это река в Ростовской области, в ней как раз сомы водятся. Улов был небогатый: на двоих кг 5-6. Проезжаем мимо старого русла Чира, а там народу...

Старое русло превратилось в озеро км в пять длиной. Долгое время рыбаки не обращали на него внимания. А тут вдруг кому-то невтерпех стало искупаться, поленился пройти еще 200 метров до свежей воды. Ну и потопал по илу. А там — они, родимые.

Просто идешь, наступаешь на карася, наклоняешься и берешь. К вечеру по мешку на рынке продали.

27.06.2009 г.

Чёртики в лукошке

Наше село вполне себе современное. У многих тарелки спутникового телевидения, народ в основном работает на нефтепромысле, молодежь зависает в этих ваших интернетах. Но... Есть еще вера в потусторонние силы, в то, что всякая нечисть охотно идет на контакт с обычными смертными. И в то, что есть люди, повелевающие духами и прочей inferнальной живностью. Вот об этом я сейчас и расскажу.

Тетя Валя вернулась из сарая расстроенная: молоко у коровы оказалось горьким и вдобавок подкисшим, а теленок ничего не ел и не пил, только жалобно мычал.

— Это снова Кузьмовна за старое взялась, — сокрушалась тетя Валя. — Я уж и ветеринаршу вызывала, лечили скотинку по-всякому — ничто не помогло. Как же эту ведьму уговорить, чтоб сняла хворь? Жалко животинку!

Про соседку тети Вали и ее способности знает все село. Поэтому каждый при встрече обязательно поздоровается с Кузьмовной, но чтобы поговорить или в гости зайти — ни-ни! Вдруг порчу какую наведет или сглазит. Лучше держаться подальше.

— Одна ведьма осталась на всю округу, зато силу приобрела большую, — говорит тетя Валя. — Раньше-то несколько их было, старались поменьше себя проявлять. То ли побаивались друг дружку, то ли еще что, но пакостей больших не устраивали. Так, больше на шалости походило. Вот Исаев был, он покойный уже. Так тот колдовал на берегу: свернет кору в кулечек, пошепчет в него, и готово дело. Часто помогал людям, при хвори какой или сглаз снять. Ну, а если обидит кто, мог и наказать. Как-то трактористы над ним посмеялись, мол, с бабой только при помощи колдовства управиться может. Пошутковали, да и поехали в лес за сеном. На поляне сани загрузили, а трактор не едет. Как ни старались, ничего не получается. А зима, мороз, мерзнуть стали. Часов шесть так промаялись. Старик пожалел их, запряг лошадку, да и приехал на полянку. «Ну что, — говорит, — будете еще насмехаться надо мною? В другой раз следите за своими словами, мало ли кого обидите. Я-то добрый, прощаю вам. Ну, чего стоите, рты раззявили? Езжайте на ферму, там вас заждались уже!». И уехал. Мужики репы почесали, в трактор сели и тоже поехали. Не было никакой поломки, колдун их держал. Во как было. Сын у колдуна, Жора, тоже любил припугнуть приятелей, особенно когда выпьет. Знамо дело, его тоже побаивались. Но Жора не колдун, ему дар не передан. А вообще в каждой деревне были знахари или ведьмы, или колдуны. Даже простая баба могла заговором скотину и людей лечить. Вот в Разиме, почитай, в каждом доме знали, чем и как хворь снять. Сейчас не то — надеемся только на таблетки с уколами, а как нечистой силе противостоять, не знаем. Ох, что ж я сижу, разговоры разговариваю? Надо бежать к Кузьмовне, узнать, чем я или мои разозлили ее, да прощения попросить. Скотину жалко — страдает ведь! — и тетя Валя метнулась прочь со двора.

Сказать, что Кузьмовна ни с кем не общается, было бы ошибкой. Она, как и все, ходит в магазин и даже в церковь(!), летом выгоняет свою корову и двух коз в общее стадо, судачит о том о сем с соседями и другими сельчанами. Просто первым заговорить с ней никто не решается. А Кузьмовне палец в рот не клади, сама может пристать с разговорами так, что не отвяжешься. Но, если вдруг разговор переходит на ведовство, сразу или меняет тему, или уходит. Не любит этого.

Летом в селе появились студенты из университета, собирали фольклор: записывали народные песни, былички, традициями интересова-

лись. Жарким днем проходили мимо дома Кузьмовны, попросили воды попить. И та проводила их в сени, где прохладной тени стояла фляга с ключевой водицей. А на дальнем конце лавки, в темном углу стояло прикрытое рогожей лукошко. Явственно слышалось тихонькое попискивание, похрокивание, и вроде бы рогожка легонько так пошевеливалась.

— Ой! Что это? — любопытная студенточка уже держала в руках тряпицу и удивленно заглядывала в лукошко. — Они на меня смотрят!

В наступившей тишине будущие светила филологии разглядывали рассеявшихся в древесной стружке... чертенят. Были они в точности такие, как их рисуют в книжках — с носиками-пяточками, хвостами и рожками. Только очень маленькие, не больше мизинца. Из серовато-коричневой шерстки антрацитово блестяли глазки-бусинки.

— И чего лезете куда не просят! — досадливо воскликнула Кузьмовна. — Идите отсюда. И слухи всякие не распускайте — показалось вам. Рассудок с жары помутился, вот и видения всякие. Идите, идите...

Поговаривают, что если ведьма чертенят вырастит, то те потом у нее в услужении, любое ее желание стремглав исполняют.

Но это все так, по слухам и байкам. Для меня загадкой остался случай с проклятием священника. Эта история происходила на моих глазах, и за каждое слово я отвечаю.

Батюшку очень донимали подростки, которые гоняли по ночам на мотоциклах, спать не давали. А еще повадились его донимать — камешки в окно бросали, дразнилки кричали. Однажды он к ним ночью вышел и начал воспитательную беседу вести. Нехорошо, мол, священника обижать, плохо может кончиться.

— А что будет? — спросил один из них.

— А вот рука отсохнет у того, кто бросит камень в священника! — стогряча брякнул батюшка.

Пацан усмехнулся, поднял камень и запулил его в окно. Стекло разбилось. Все сразу разбежались.

...Через пару месяцев этот парнишка попал под трактор, поскольку знулся в грязи, и рукой аккуратно под заднее большое колесо. Рука отсохла, висела плетью.

А через несколько лет этого парня зарезали в Березниках за карточный долг.

Батюшка, кстати, до сих пор переживает за свою несдержанность, считает свой поступок грехом.

Вот такие у нас страсти случаются.

4.08. 2009 г.

«Приходи к нему лечиться, и корова, и волчица»

Самый уважаемый человек в селе — ветеринар. Скотинка-животинка — тварь бессловесная, пожаловаться не может, что болит. А ветеринар посмотрит, пощупает, головой покачает, языком поцокает, и поможет бедолажке. Скотинке облегчение, хозяину радость. Благодарность не имеет границ. Но работа у ветеринара отнюдь не сахар.

В юности был у меня друг-ветеринар, иногда он просил меня помочь или я просто оказывался рядом, с изумлением наблюдая за его манипуляциями.

Однажды он попросил меня помочь ему при заборе крови у коров на колхозной ферме для анализа на туберкулез. От меня требовалось держать корову, чтобы она не дергалась, пока он втыкает ей иглу в шейную вену и наполняет кровью пробирку.

Вы можете себе представить, как удержать это чудо природы весом в три-четыре центнера? Учтите, что она подозревает что-то нехорошее. Подозрение переходит в уверенность после первой процедуры. В коровнике начинается рев, тревога передается всем животным, они пытаются слинять по-быстрому. Но привязь не дает. Беспокойство усиливается, коровы начинают противодействие: не дать этому гаду подойти, зажать его своими тушами, вернуться от иглы... Одна буренка даже села (как собака). А вообще они или стоят, или лежат, сидеть им очень неудобно.

Однако удержать, заставить корову стоять неподвижно можно. Итак, я залезаю в ясли (кормушку), хватаю кормилицу правой рукой за рог (или за ухо, если она комолая), а пальцами левой вцепляюсь ей в ноздри (большой палец в одну, три других во вторую, мизинец манерно оттопырен), и слегка выворачиваю шею, прижимая голову к яслям. Все. Корова не двигается, иначе ей будет больно.

Два часа такого изуверства, и работа окончена. У меня тогда впервые на рубашке соль от пота появилась. Витек получил удар копытом в бедро, и пару раз буренки его зажимали чуть не в лепешку. В общем, стресс был всеобщим.

Иногда происходили забавные случаи. Идем как-то с Витьком вечером в клуб. Он нарядился по последней моде: брюки клеш (90 см! — это при его росте в метр с половиной на коньках с поднятыми руками), кримпленовая рубашка в желтых тюльпанах и зеленых листочках, аромат «Красной Москвы» метров на десять. И нам навстречу аллюром три креста баба Маша: «Виктор Васильевич! Спаси, родненький: моя

Майка ничего не ест, не срет, только плачет вот такими слезами!».

Зашли во двор, 19-летний Виктор Васильевич осмотрел животинку, приготовил с хозяйкой какое-то пойло, поставил ведро перед мордой коровы, что-то ласково ей сказал, поглаживая шею, и Майка выпила все. Потом эскулап взгромоздился на табуретку, засучил рукав и засунул руку по самую ключицу корове в задницу. Чего-то там пошурудил и выдернул руку, едва увернувшись от мощной струи навозной жижи. Мне тоже пришлось отскочить в сторону, хотя я стоял в двух метрах от источника.

Баба Маша вздохнула с таким облегчением, как будто это у нее был запор. Витька она сразу проводила в летний душ, быстренько выстирала ему рубашку и накрыла такой стол...

Я в этот вечер оказался халывщиком. Хорошо быть другом ветеринара!

11.08.2009 г.

Пионер — всем ребятам пример!

А пионервожатый — всем примерам пример.

Так получилось, что в пору тяжелого безвитаминожного детства, отягощенного влиянием улицы, я ни разу не был в пионерском лагере. Зато в студенческие годы мою шею украсил таки галстук «цвета одного».

Сборы в дорогу были стремительными, потому что предложение халывно съездить на море поступило внезапно. Я заглянул в общагу после завершения работы в коммунистическом отряде. (О, это стройотряд, в котором пахали за бесплатно — деньги перечислялись на строительство детского дома.

Правда, форму и кормежку нам обеспечили дармовую, а потом еще и турпутевки подогнали в награду. В общем, не так уж и бесплатно мы вкалывали на домостроительном комбинате славного города Таганрога). В общаге на меня с остервенелой радостью накинулась группа товарищей специального устройства (в юбках) с требованием сей же час собирать манатки и рвать с ними на Черное море, потому что один вожатый не приехал, а я — вот он. Санитарная книжка у меня была (в учебное время подрабатывал в столовой), поэтому мое появление пред очами начальницы лагеря вызвало бурный восторг. На следующий день мне представили напарницу, девушку с завода «Прибой». Мы приняли из рук облегченно вздохнувших родителей бывших пятиклассников (30 штук

обоего пола), загрузили их вместе с барахлом в вагон и поехали к морю.

Пионерлагерь «Чайка» раскинул свои владения где-то между Джубгой и Новомихайловкой. От ворот до моря — метров 100. Красота! Но у меня была одна проблема: не было плавков. А показываться перед мелюзгой в протертых на коленках семейниках как-то влом. Сказал напарнице, что не умею плавать. Она обрадовалась. Зря! Несмотря на жаркое солнце и теплую воду, к концу купания наших огольцов она замерзла до зубостука. Вечером я купил плавки в одном из ларьков у дороги и сообщил ей, что чудесным образом научился плавать, нырять за рапанами и, буде возникнет надобность, спасать готовых к борьбе за дело коммунистической партии Советского Союза.

Кстати, у нас был очень неоригинальный плаврук. Каждый вечер выпивал не менее литра водки. Но! Всех пионэров, боящихся воды, научил уверенно барахтаться в волнах за три(!) дня. Все остальное дневное время возился с будущими чемпионами. Вот так-то: талант не пропьешь...

А напарницу мою с подружкой заставили собрать чемоданы и ехать домой. Они отпросились на полдня съездить к тете в Сочи и пропадали там два дня. Вместо них пригласили подработать отдыхающих с турбазы. Их дети как раз в нашем лагере были. Со мной стал работать инженер-мосткич, четырежды папаша. Золотой человек! Когда старшая пионервожатая привела его в отряд, я муштровал мелюзгу на раскаленном асфальте. Готовил их к смотру строя и песни. Медуза Горгона ушла, и он спросил:

— А что это вы тут делаете?

— Дык вот, чытобы не осрамиться...

— А оно им надо? Они зачем сюда приехали?

Я почесал тыковку: а и правда — зачем?

— Отдыхать.

— Ну и пошли отдыхать, а то не дай Бог солнечный удар у кого приключится.

И с той поры мы дружно забили на официоз, при каждом удобном случае линия к морю или в поход по горам. (А на смотре мои орлы были вторыми, уступив только отряду старшекласников. Те, кого замучали муштрой, смотрелись жалко).

По вечерам вожатые собирались своими группками и отрывались кто во что горазд. Пели песни под гитару, купались в ночном море, лопали мидии... Выпивали, конечно. Но с выпивкой были сложности. Спиртное продавалось в Джубге, и только с 14.00. Очередь к заветному окошку изгибалась змеей на полкилометра. Надо успеть затариться до окончания тихого часа. Проблема.

И вот сидим, обсуждаем, как быгть. Вдруг в комнату заглядывает пионэр:

— А вы меня пошлите!

Подслушивал, гад, хотя в это время должен лежать в койке и изображать здоровый сон утомленного обедом ребенка.

— Я тут вторую смену, меня вожатые всегда с собой брали.

И рассказал, почему они так непедагогично поступали. Мы согласились с доводами разумного спасителя. Итак, картина маслом:

Автобус выплевывает из своего жаркого чрева обуреваемых жаждой понаехавших отдыхающих. Я (без галстука) вручаю деньги и объемистый портфель Пете (в галстуке), и тот бодро чешет вдоль очереди прямо к окошку.

— Дяденьки! Меня вожатые за водкой послали, купите мне, пожалуйста, а то меня купаться не пустят.

Очередь кипит от возмущения: надо же, до чего охамели, это ж думаться надо, куда страна катится, надо бы этим извергам морду набить! Я опасливо прячусь за столбом. Петьку пропускают без очереди и заставляют продавщицу отпустить товар несовершеннолетнему, да не положенные две бутылки, а сколько скажет. Передача портфеля произошла, во избежание эксцессов, в автобусе.

Пионер Петя, естественно, был самым привилегированным ребенком в «Чайке».

Эх, веселое было время!

15.08.2009 г.

Маленькие детки — маленькие бедки?

Маленький человечек полностью зависит от родителей, от них набирается ума-разума, старается им подражать. Учится потихоньку (на самом деле — со страшной скоростью) жизненным премудростям. Хотя кто его знает, как он воспринимает окружающее?

И в один прекрасный момент вдруг проявляет свои знания и умения, да так, что по прошествии многих лет вспоминает об этом со стыдом и силится понять: почему он так поступил? maljar77 в своем журнале кручинился о маминем красивом рисунке, который он исчеркал карандашом. Ваня, ты просто ангел по сравнению со мной!

I. Помню, бабушка купила суточных цыплят. Накрыла их ситом и оставила на столе, а сама пошла во двор ловить курицу, которая уже несколько дней пыталась заняться киднеппингом. У нее проснулись материнские инстинкты, поэтому она повсюду таскалась за квочкой с ее выводком. Вот для нее бабушка и купила цыплят, теперь осталось только познакомить будущее счастливое семейство.

А что же я? Мне было ужасно любопытно — какие они, эти новые цыплятки? И почему они все время попискивают и шебуршатся под ситом? В общем, я приподнял сито с одной стороны. Естессна, среди желтых пушистых комочков тоже нашелся любопытный — сунул головку из-под сита посмотреть, как тут дела. У меня в мозгу сразу заверещал alarm: вдруг это побег. Хлоп! Это я припечатал сито к столу. Желтопузый герой спрятаться не успел. Пришлось затолкать бездыханное тельце обратно.

Кстати, как там остальные — живы-здоровы? А как же? — высунулся еще один храбрый. Хлоп! Новая жертва пропихивается пальцем к своим братишкам-сестренкам.

Когда бабушка поставила на стол курицу (смотри, Ряба, что у нас есть!) и подняла сито, то увидела, что цыплятам (всем!) никакая мамаша уже не требуется.

II. А эту историю мне рассказала мама, я ее совершенно не помню. На третьем году жизни отец научил меня зажигать спичку и подносить ее к папиросе. Папа прикуривал, после этого я задувал горящую спичку и клал ее в пепельницу. Этот номер имел бешеный успех у папиных друзей, когда они заходили на рюмку чая, приходилось бисировать.

В тот вечер друзей не было. Но папа все равно решил покурить и позвал зажигалку. Я зажег спичку, дал ему прикурить, задул огонек, а потом... воткнул обгоревшую спичку отцу в глаз.

Слава Богу, попал не в зрачок. Отец сам выдернул ее из глаза, а мама подсуетилась с каким-то компрессом. Она пыталась меня побить, но папа запретил. Он вообще никогда меня и пальцем не тронул. Самым страшным для меня было услышать от него в пятом классе: «Я что, Митрофанушку вырастил?» Я тогда пытался не выучить домашнее задание по истории, мол, в классе все запомнил.

Отца я любил, к животным отвращения не испытываю, и по жизни очень даже миролюбивый человек. Но собственную детскую мотивацию неосознанной жестокости понять не могу. Да и стоит ли? Надо просто помнить.

24.09.2009 г.

Сеанс магии с последующим разоблачением

Миссия выполнима. Успех гарантирован.

Я, как гоголевский исторический человек Ноздрев, частенько попадаю в истории. Это живенько так разнообразит жизнь.

С полгода назад подошла очередная пора получения компенсации за разъезды по заданиям редакции. И вдруг ответственная за это дело тетка заявляет, что в кризис все предприятия затягивают пояса, так что кончайте таскать мне троллейбусно-автобусные билетки. Тем более что расходы у вас небольшие, можно и так обойтись.

Вместо того чтобы благоразумно промолчать в тряпочку, я вынул из-за пазухи топор применил безотказное в таких случаях средство.

Топаю на рабочее место, давлю клопов тыкаю пальцами в клавиатуру и негромко бубню под нос:

— Да я чо? Я ничо! Только вот как Вы себя будете чувствовать после визита к Вам моей жены? Я за нее не ручаюсь...

В офисе все стихает.

— А в чем дело?

— На ней вся домашняя бухгалтерия, она за недоплаченную копейку всех тут порвет, как Тузик грелку.

— Неужели такая грозная?

— Шрам на лбу видишь?

— Она?

— Сковородкой. Чугунной. Но меня-то она любит, а тут развернется во всей красе.

Щелкоперы откровенно хихикают. Ответственная тетка пытается сохранить лицо:

— Врешь поди... Ты вроде не мелкий...

— И она такая же. Только кулаки — каждый, как моя голова...

Тетка ретируется в свою каморку и через пару минут приносит мне всю причитающуюся сумму.

Веселится и ликует весь народ.

Разоблачение

Мир тесен, и все тайное рано или поздно становится явным, как и то, что Волга впадает в Каму. Анатольевна (та самая тетка) вернулась вчера из парикмахерской очень возбужденная и сразу вылила на меня ушат помоев поделилась потрясшей ее новостью:

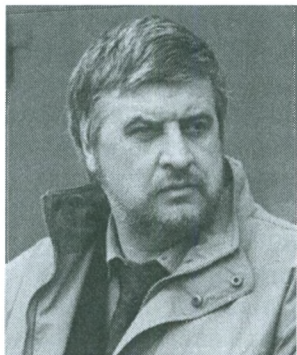
— Представляете, как он [ткнула пальцем меня в глаз в мою сторону] нас всех обманул? Делаю стрижку, и зашел у нас с мастером разговор о нашей газете. Оказывается, этот гад ее в школе учил. Хвалила его, а особенно его жену. Такая, говорит, стройная, миниатюрная, и человек хороший — никогда слова дурного от нее не услышишь. А этот чего здесь напел! Я вообще думала, что в редакцию может ненароком Терминатор заглянуть...

Веселится и ликует весь народ 2.

А я чо? Я ничо! Главное, чтобы костюмчик сидел...

29.10.2009 г.

Что в имени тебе моём?

Муки творчества. О, это такое состояние, весь кайф которого не сможет объяснить даже самый отъявленный графоман! Однажды мне тоже пришлось испытать эти муки. Дело было так.

Примкнув к ремеслу шелкопера журналистики, я чего-то там отображал. И настал момент, когда в номере газеты две полосы из трех (четвертая рекламная — не в счет) заняли сочинения вашего скромного слуги. Редактор вызвал меня на ковер.

— Алексей, это непорядок.

Везде одна и та же фамилия под материалами стоит. Тебе, может, и приятно, а читатель сделает неправильные выводы.

Почему до сих пор псевдоним себе не придумал?

Я скромно поковырял в носу и выразился в том духе, что надо подумать.

— Некогда думать! Сейчас надо! Возьми девичью фамилию матери.

— Я ее фамилию ношу, они с отцом не расписывались.

— Тогда бери фамилию отца!

— Я согласен. Пишите: Бородавко.

— О, нет, извини, немного неблагозвучно... Давай девичью фамилию жены!

— Кобелева.

— Ну и семейка! Ой, извини... А по месту рождения?

— Петрович, ты гений! С этого момента я — Ключевский!

— С каких это щей?

— Хутор Живые Ключи — моя родина.

— Не, с Василь Осипычем себя на одну доску ставить — нескромно, брат!

— Ладно, у нас там речка Калитва недалеко, буду Калитвинским.

— Годится. Иди, придумай еще один, только быстро, по-журналистски!

Мысль в воспаленном мозгу забила фонтаном. Я решил переплюнуть всех местных писак загадочностью, но такой, чтобы ее можно было объяснить. Следите за ходом мысли.

Мама у меня удмуртка, поэтому я решил сделать этностилизацию своего настоящего именованья. Получилось — Лёкса Кэч. Красиво, правда? Кстати, «кэч» по-удмуртски обозначает и зайца, и козла, что меня несколько изумило. Неужели мои предки не видели различий между этими животными? Ну, никто на это внимания не обратит. И сделал распечатку статьи с новым псевдонимом.

Через некоторое время шеф ворвался в кабинет с этой самой распечаткой:

— Что за ...ня?! У нас что, чукчи появились?

В общем, пришлось попотеть над новым вариантом. Зато потом для меня никаких проблем с поиском псевдонимов не было. Потому что их есть у меня.

Один даже женский (прикальываюсь иногда, когда надо).

23.10.2009 г.

Короли трассы

Приближается праздник водил, автослесарей, механиков, диспетчеров и блондинок за рулем. В годы оные (Боже, как давно это было!) я работал колхозным завгаром, поэтому праздник немножечко и мой. А посему — махонький мемуар.

Сразу по окончании техникума меня немедленно забрали в армию, что породило уныние в умах руководства славного на Дону колхоза «Победа». [Каждый год это чудо советского хозяйствования увеличивало свой долг на мильён рублей, но с началом очередной пятилетки щедрое государство долги списывало. Райская жисть!]

Оне думали, что бывший колхозный стипендиат после примерки солдатских сапог на законном основании начхёт на отработку.

Отдохнув месячишко после тягот и лишений воинской службы, дембель Лёха раним июньским утром 198.. года явился в правление колхоза. Вместе со мной на randеву с председателем прибыл выпускник Азово-Черноморского(!) института механизации и электрификации сельского хозяйства [пестня, а не название! АЧИМЭСХ, апчи... А шаз не звучит — АЧГАА, прости, Господи]. Ни Азовским, ни тем более Чёрным морем в райцентре Черноград не пахнет, только степью, но это неважно. Мой техникум зовется Донецким, а расположен в другом райцентре — Миллерово, и отнюдь не на берегу Донца. Главное, пред светлые очи начальства встали плечом к плечу спецылисты!

А он (начальство) сразу нас мордой об косяк предупредил: «Забудьте всё, чему вас учили». Вот те на! А что же делать, как же быть?

Очень скоро выяснилось, что главная наша задача — добывать кровь из носу запчасти. Иначе в моём гараже застынут в бездвижности стремительные 50 автотранспортных единиц, без которых урожай, молоко и навоз останутся на месте, а кому это нужно?

Да, в гараже была своя мастерская, и многое делалось подручными средствами. Например, столляр одинаково легко соорудить кузов или гроб. А в темном пространстве ремонтного бокса был чудо-станок с ременным приводом ДИП-300. Вот это я понимаю название: «Догнать и перегнать». Никита Сергеич придумал на страх мириканцам. На этом станке столько взяток было легализовано...

Как вы знаете, в СССР дефицит был перманентным явлением. А что касаемо запчастей — особенно. Небольшая прокладка с игривым названием «паук» имела официальную цену 15 копеек. Но за такие смешные деньги найти ее было не-воз-мож-но. За 15 рублей — пожалуйста. Или вот, скажем, задумали вы сдать в капремонт чихающий еле ковыляющий по балкам «Газон». Нет ничего проще! Цепляйте развалину — и в Сальск, на авторемонтный завод. Там из обменного фонда в тот же день получаете излеченный экземпляр. Правда, потом неделю будете его всем колхозом таскать по полям в надежде завести. Чтобы всё было тип-топ, надо дать 100 или 300 рублей, в зависимости от желаний (допустим, хочу коленвал нерасточенный или кабину новую). Но где ж денег на взятки брать?

О! Техническая мысль на то и техническая, чтоб решать такие проблемы технично. За год я поднаторел в сочинении душщипательных актов и нарядов на экстренные якобы работы. ДИП-300 «ремонтировался» раз 20, но чаще изумлённый главбух читал что-нибудь этакое:

«23 июля сего года, согласно командировочному предписанию, я убыл в город Каменск-Шахтинский. На 240-м километре трассы Ростов — Воронеж правое колесо автомобиля ЗиЛ-130 пробило на выстрел. Благодаря мастерству водителя XYZ никто не пострадал. «Запаски» у нас не было, поэтому колесо в сборе было приобретено за наличный расчёт у проезжавшего водителя Пупкина И. П. за 600 (шестьсот) рублей в присутствии тех-то и тех-то». Текст обычно был щедро разбавлен паспортными данными и местами работы указанных в документе лиц.

Взятки давались не только деньгами. На личное подворье завсклада Станции техобслуживания автобомилей три фляги обрат (это такой молочный продукт) завозились каждое утро. Мясо, зерно, масло — всё шло на подмазывание нужных людей.

В общем, всё как у всех. Но был у меня водитель, из-за которого коллеги мне люто завидовали. Женщина! По закону ей полагалось каждые 5 лет предоставлять новенькое авто. А это в эпоху нескончаемой очереди было приятно.

Конечно, колхозник на трассе с мечтой поглядывал на дальнбойщиков. Короли шоссе! Однажды нас приняли за них. Гы! Дело было так. Тащили мы в уже помянутый Сальск древнюю машинку ГАЗ-51, остановились у придорожного кафе. На стоянке — с десятков фур с московскими и краснодарскими номерами, с надписями «Совтрансавто». Но мы втроём переживали насчёт пожарть. И вдруг к нашему столику подваливают две волоокие нимфы:

— Мальчики, вам компания не требуется? А то мы не против с вами покататься!

Бедный Атамась (фамилие такое) аж затрясся от возбуждения. Месяц назад его прогнала жена, натурально человек страдал без женских знаков внимания.

— Да! Да! Да! — Валера (это имя его) кинулся подсовывать плечевой стул в порыве галантности. — Или пошли сразу, пока ребята кушают...

— Смотри, как оголодал! — удивилась жрица любви и дорожной романтики. — Ладно, уважу страждущего. А у вас какая машина?

— ЗиЛ. Ну пошли скорее! — багровая физия Атамася чуть не лопалась от подскочившего давления, а в зрачках отражались пикантные сцены из порнофильмов, которых он в то время видеть не мог.

— ЗиЛ?.. Где вас х.. носил? — уничтожила нас поэтическим даром только что готовая на все, но уже несбыточная мечта Атамася. — Ехай в колхоз, к Дуньке Кулаковой!

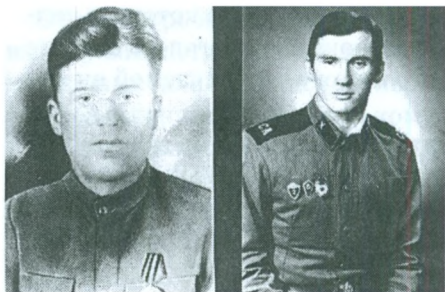
Вот так мы были опозорены.

Хорошее было время. Я вскорости взалкал студенческой жизни, и завгоровская стезя осталась в прошлом. Но шоферню уважаю.

1.11.2009 г.

30 октября

Этот день стал для меня важным. День памяти жертв политических репрессий. Размышлял, стоит ли писать о том, что будет изложено ниже. Наверное, все-таки стоит. Иначе представление обо мне будет неполным.

Дембельский альбом. Слева мой отец Бородавко Алексей Елисеич, здесь ему 30 лет, в таком виде он ходил на уроки в школу. Справа я, мне 21 год.

Отец умер, когда мне было 12 лет. Поэтому я знал о нем мало. Был на войне. Офицер. Сидел за что-то (родственники напускали туману, а потом быстро переводили тему на якобы случившуюся драку, то есть на «бытовуху»). Повзрослев, я вдруг понял, что почти ничего о нем не знаю. И начал писать письма, отправлять запросы в военкоматы, архивы, отделы кадров.

В Красную Армию его призвали в 1938 году с должности заведующего начальной школы. Войну он встретил в звании старшины. В петлицах по 4 треугольника — «пила». Должность — оперуполномоченный особого отряда НКВД. До июля 1942 года был на Волховском фронте, а потом поступил в Ростовское артиллерийское училище (г. Молотов), после его окончания — командир самоходки СУ-76. Уволен в запас в 1946 г., и снова в школу.

Не знаю, что он там в НКВД делал, но в 1949 г. его по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР уpekли на 7 лет ИТЛ. После смерти Сталина, 27 марта 1953 г. так же Указом Президиума ВС РСФСР, судимость была снята.

После лагеря отец в школу не вернулся. Работал мотористом, бригадиром путейцев на железной дороге. Стал попивать, последние годы жизни был пастухом в колхозе. В общем, жизнь сложилась не так, как он задумывал.

После этого темой репрессий я заинтересовался. А в Пермском крае палку кинь — в репрессированного попадешь. Однажды даже грант выиграл по этой теме. Вымотался тогда — широко размахнулись: 4 отряда школьников (Романово, Усолье, Орел, Пыскор) собирали «устную историю» о спецпереселенцах в Усольском районе.

Зато и с людьми познакомился просто замечательными.

Кому-то такой мой интерес не нравился. Один наш знатный краевед сказал, что я предал память своего отца. Я так и не понял, почему. Может потому, что я раньше был коммунистом?

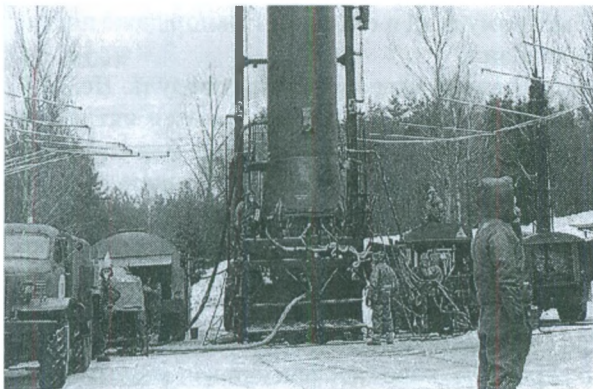
Но это другая история, и я о ней обязательно расскажу.

14.11.2009 г.

Самоволка

Со службой в армии мне повезло. Впахивать приходилось много, потому что батарея дивизиона РВСН — это не кот чихнул... Но ужасная дедовщина, о которой с ненавистью вспоминают многие бывшие и нынешние солдатики, у нас была больше юмористической, для отсчета времени.

Скажу больше — и командиры у нас были отнюдь не дураки! Шутка ли, когда я прибыл в полк, наша батарея считалась лучшей в виде войск. Вполне официально, по итогам чего-то вроде соцсоревнования. Служили мы в лесу километрах в 20 от города Алуksне в Латвии. Но я как-то успел побывать кроме Латвии в Литве, Эстонии, Белоруссии, участвовал в пуске двух ракет на полигоне Капустин Яр в Астраханской области. Есть что вспомнить.

Подобные снимки нам делать было нельзя. Секретность! Поэтому фотка взята из Интернета. Момент заправки ракеты.

Но случаи бывали всякие.

Однажды я ушел в самоволку. Ситуация для командования дичайшая. Дивизион по периметру обнесен электрозаграждением (1650 вольт на «сетке»!), за ней — мины-путанки. Уйти из части можно было только через КПП со свирепым прапорщиком, сержантом и караулом, они останавливали для досмотра каждый въезжающий-выезжающий драндулет. Но я ушел. А потом вернулся.

Дело было так. Мама как-то написала письмо — жаловалась на тотальный совковый дефицит. Нет стирального порошка, нет даже спирали к электроплитке, приходится каждый раз печь растапливать. Ну, и прочее в подобном духе...

Я метнулся к лейтенантам-срочникам: ребята, помогите посылочку отправить, деньги у меня есть, вот адресок и список покупок. Нет проблем, говорят. И каждое утро потом виновато прятали глаза при встрече: извини, друг, на выходных отрывались... Замполит начал ко мне приставать — чего тебе от офицеров надо? Объяснил ситуацию ему. Я, говорит, лично все сделаю, а этим салагам лишь бы побеситься на танцульках. Ха! С ним та же волынка началась. Через месяц мое терпение лопнуло.

С вечера я предупредил дежурного, что меня надо разбудить пораньше — отправляют в город на строительство многоэтажки. Тот никакого подвоха не почувал. Утром я сходил в столовую с той же легендой, основательно заправился и двинул на КПП.

Попросил вызвать прапорщика, а потом сказал ему, что командир дивизиона разрешил мне сгонять в город на «нейтралке» (типа водовозки) в увольнительную. А бумаги у меня нет, потому что в этом месяце в увольнительные официально отпускают 3-й дивизион, не наша очередь. А мне можно по-быстрому туда и обратно. Прапор даже подсадил меня, когда я в кабину залазил.

В городе я первым делом нарвался на шмасовский патруль. Не, ну в самом деле — топает солдат не в парадке, в старой шинели пятьдесят последнего размера (свою новенькую я дембелю отдал, мне на гражданку весной уходить), да еще и с черными погонами! Не знаю, почему летуны к нам херово относились. Или это черта всех патрульных? Запахло «губой». А вот шиш! Язык у меня подвешен правильно, и через пять минут старлей уже очумело мотал головой, потом махнул рукой: сгинь с глаз!

В общем, я спокойно прочесал магазины, сходил на почту, отправил посылку маме, погулял по городу, не торопясь обследовал местный музей (вы знаете, что Екатерина I родом из Алуksне? Правда, тогда он назывался Мариенбургом).

Вечером я пришел к пункту отправки офицеров, заступающих на дежурство. Немая сцена с выпученными глазами. Мы, говорят, думали, ты домой решил рвануть. Пара человек отправилась на перехват к ж/д станции, твой начальник отделения — в Рижский аэропорт. А ты даже водки не напился.

Вместо казармы меня доставили прямиком к командиру дивизиона. Пуздрон (пузо у него и впрямь было выдающимся, но на турнике он склепку и замок делал легко, только перекладина сильно прогибалась) сразу начал орать о месяце на гауптвахте в лучшем случае или дисбате в худшем. Когда я рассказал о цели вояжа, со своей арией выступил зам-

полит: эта гнида (я) украл защитный комплект и отправил его по почте, чтобы потом на рыбалку ходить. О как! Тотчас квитанция об отправке посылки перекочевала на стол командира, и тот отправил меня в казарму — все равно посылку для досмотра привезут только утром.

На следующий день целая комиссия — командир дивизиона, замполит, комбат и старшина — приступила к вскрытию вовремя перехваченной посылки. Стиральный порошок со спиралью, другой мелочевкой и даже баночкой варенья породил уже вторую для меня немую сцену. Пуздрон вдруг снял гимнастерку и начал подшивать воротничок (он был на дежурстве, поэтому одел полевую форму).

— Что ж ты сразу не сказал?

— Я говорил, только вы не верили.

— А, ну да, ну да... Ладно, ты иди с комбатом, занимайтесь, что там у вас по расписанию..

И служил я дальше без всяких последствий за самоволку. А люлей, и нехилых, досталось замполиту и прапорщику с КПП.

18.11.2009 г.

...тот здоровеньким помрет

Первый раз я закурил, помнится, во втором классе. Шел посреди улицы (центряк!) и пыхтел сигаркой, воплощая собой непревзойденную крутость для корешей, которые громко и завистливо одобряли мой новый имидж.

Откуда взялась маман, я не понял. В руках она держала отгадку загадки «Без рук, без ног — на бабу скок». И от души приложилась этим деревянным к моему вместилищу умища так, что искрами из моих глаз можно было запросто сжечь танк. Слава богу — я мгновенно отключился, а придя в сознание, осознал вред курения.

Но в шестом классе эксперимент был более удачным. Маман смирилась перед фактом, попросила лишь не прятаться по сараям и прочим укромным местам (противопожарная профилактика).

А на третьем курсе техникума моя телка знакомая девушка решила испытать силу проявляемых к ней чуйств. И я повелся: шесть лет не курил (даже в армии ни единой затяжки!).

Правда, в институте в общаге девчата так дымили — хоть топор вешай. Пришлось в целях защиты здоровья закурить вновь. Полегчало.)

— Курение — физиологически необходимый для организма человека процесс.

— Никотин убивает 36 видов микробов, из них восемь вредных.

- Под действием никотина первыми погибают старые и ослабленные клетки головного мозга.
- Смолы, осаждаемые при курении на внутренней поверхности легких, затрудняют доступ воздуха к альвеолам, чем принуждают организм к благотворному усилению кровотока в лёгких.
- Без курения аналогичный эффект можно получить лишь интенсивными занятиями спортом или сложными дыхательными упражнениями.
- Сам по себе процесс затягивания дыма, а также кашель курильщика является естественной и необходимой дыхательной гимнастикой.
- Некурящий человек преждевременно изнашивает свой организм работой без перекуров.
- А никотин убивает в человеке лошадь.
- Да и перекур — большое подспорье в профилактике серьезных психических расстройств.
- Курящие отвлекаются от производственных проблем, шутят.
- Каждая улыбка, как известно, продлевает человеческую жизнь на минуту, а
  - каждая сигарета — сокращает на три минуты.
  - Следовательно, достаточно за время перекура три раза улыбнуться и мифический вред табака и вовсе сойдет на нет.
  - Кроме того, временное отсутствие кислородной подпитки мозга заставляет его после перекура работать с удвоенной — эффективностью, что не может не сказаться положительно на качестве работы. Этого нельзя сказать о некурящих, мыслительные способности которых к концу дня экспоненциально снижаются из-за монотонной нагрузки и кислородного перенасыщения.
  - Что именно курить — каждый выбирает сам, перепробовав множество сортов сигарет, папирос, трубочного и нюхательного табака. Некурящие лишают себя такой широкой гаммы ощущений, обедняют свой внутренний мир.
  - Как курить — очень важный вопрос. Если вокруг курящего клубы и запахи дыма, то это дымит дилетант, изводящий в воздух ценный продукт.
  - Истинный курильщик глубоко затягивается, долго держит дым в своих легких, где осаждаются и впитываются все ароматные компоненты. Такой человек экологически безвреднее некурящих, поскольку потребляет меньше кислорода. Чтобы не выбрасывать вместе с окурком часть ценного микрохимического состава сигареты, лучше предварительно оторвать и выбросить фильтр. А когда огонек догорающей

сигареты начнёт обжигать пальцы, следует насадить бычок на спичку и докурить его без остатка, держа за эту импровизированную ручку.

— Курящий человек лучше приспособлен к жизни. В критическую минуту в его кармане всегда найдутся спички чтобы развести костер или осветить путь в темноте.

— У курящего нет проблем, если он хочет с кем-то заговорить, познакомиться. Стоит только попросить огоньку. Поэтому курение особенно рекомендуется девушкам, страдающим стеснительностью.

— Курящий мужчина напоминает женщине так милого её сердцу со-суночка. Правда, мужчина думает, что он напоминает супермена. Как бы там ни было, успех в любви ему, недалеко ушедшему от мамкиной титьки, обеспечен.

— Есть и экономический эффект. Ведь за вопрос к прохожему «Денег не найдётся?» можно крупно схлопотать. Аналогичный же по смыслу посыл «Закурить не найдётся?» ни у кого не вызывает нехорошей реакции.

— Только американская табачная промышленность дает работу двум миллионам человек — и это не считая врачей, медицинских сестер, рентгенотехников, пожарных, служащих химчисток, фармацевтов, гробовщиков и могильщиков.

Исходя из вышеизложенного следует призвать к бесплатной выдаче сигарет на предприятиях и в школах. Шире вести пропаганду курения. Наладить массовый выпуск дешевых удлинённых сигарет с махоркой без фильтра. Заодно победим безработицу — работы больше, а работников всё меньше.

Текст стырен www.joyous-life.ru/cgi-bin/index.cgi

Ну, раз 19 ноября, то я, пожалуй, попробую бросить курить. Просто так. Штоп имидж поменять. Поэтому теперь мне предлагать вместо сигарет конфеты, леденцы, ириски, пряники, семки и жувачку.

26.12.2009 г.

Год завершается. Для меня он, без сомнения, прошел под знаком ЖЖ. Чрезвычайно интересное место. Здесь я пытался что-то сказать миру и открыл для себя много замечательных людей. Вы все разные, друзья мои. Мы шутим, говорим о серьезных вещах, иногда ругаемся. Но я вас всех люблю.

И дарю вот это чудо: (далее следует видео и перевод песни участницы британского конкурса талантов (Britain's Got Talent) Конни Талбот)

*Где-то над радугой высоко-высоко,
в стране, о которой я слышала в колыбельной,
там голубые небеса.*

И все мечты, что у тебя есть, сбываются.

*Однажды я загадаю на звезду
и окажусь в облаках надо мной,
где все неприятности растворяются,
как лимонные капли.*

Там над радугой летают голубые птицы.

Они летают над радугой.

Почему не могу этого делать я?

*Если счастливые голубые птицы
могут летать над радугой —
почему не могу я?*

09.02.2010 г.

Жареха на бобровом жире

Когда служил я в армии и в сапогах ходил, бывало в жизни всякое...

И, знаете, иногда бывали сладостные моменты свободы, когда над душой не стоит старшина, рядом друзья, которые всегда знают, как сделать бытие еще краше.

Как-то раз после проведения регламентных работ выдался свободный час, и мы решили соорудить жареных грибочков. Быстренько насобирали лисичек, подчистили картошечки... А ни сала (ефрейтор Буйный, хохляцкая рожа, сожрал!), ни хоть какого маслица не обнаружилось. Но мы же ж солдаты, кашу из топора сварить можем!

«Старички» уж давно рассказали нам о чудесной смазке ЦИАТИМ-221. По их словам, она более чем полностью состоит из бобрового жира. А это жутко полезная и даже лечебная штука — мало того что активно профилактирует всякие гриппозные простуды, еще и достоинство укрепляет очень положительно. Вот мы баночку на сковородку и вбухали.

Какой шикарный у нас был стол! Свежий воздух, божественный аромат и зверский аппетит запомнились на всю жизнь. Очень вкусно пообедали.

И вот теперь, в эпоху интернетов, решил я поинтересоваться на предмет состава этой чудодейственной смазки. Знакомимся:

Смазка ЦИАТИМ — 221

Однородная мазь, гладкой структуры от светло-желтого до светло-коричневого цвета. Нерастворима в воде, гигроскопична, сохраняет стабильность даже при кипячении. При поглощении влаги упрочняется, имеет низкие противоизносные характеристики, химически стойкая, инертная к резине и полимерным материалам. Работоспособна при остаточном давлении 666,5 Па в интервале температур от минус 60 до плюс 150°С.

Представляет собой синтетическое масло, загущенное комплексным кальциевым мылом с добавлением антиокислительной присадки. Содержание механических примесей отсутствует.

Однако...

19.03.2010 г.

Собачья радость

Пятница... мозг уже буксует работу работать. Чтоб не утруждать себя изобретением мысли, решил предложить вашему вниманию опус из раньшего. Однажды, будучи под сильным впечатлением от прочтения «Красной Бурды», я решил блеснуть в газетке эпигонством.

Итак, первоисточник:

Иркутский собаководческий совхоз «КО МНЕ, К КОММУНИЗМУ!» предлагает щенков породы РУССКАЯ ПЛЯСОВАЯ Тел. 332-22-23 (д.)
www.redburda.ru/собаководство-ударный-фронт

Эпигонство:

Выбери друга!

Опыт екатеринбургского клуба кинологов «Красная бурда» не давал покоя березниковским собаководам. Несколько лет они упорно трудились над созданием новой породы лучшего друга человека. И вот теперь в парке культуры и отдыха проводится выставка достижений селекционеров. Организатор выставки и наш гид — председатель городского общества биоинженеров-любителей Артемон ПУДЕЛЬЦОВ.

— Перед нами стояла трудная задача: вывести исключительно березниковскую породу собаки. Мы шли путём кропотливых исследований, скрещиваний и специальных диет, говорит Артемон Сцепивонович. — Когда появились первые экземпляры, мы стали испытывать их, так сказать, в полевых условиях. То есть в городских и заводских условиях. И вот тут в эксперименте образовался побочный эффект. Наши подопечные стали скрещиваться направо и налево с собачками-аборигенами. Их потомство показало превосходные результаты. Чистота экспе-

римента нарушилась, поэтому мы не можем с уверенностью сказать, как возникла та или иная порода, но зато теперь у нас есть уникальные экземпляры, перед которыми бледнеет книжка рекордов Гиннеса. Это, если можно так выразиться, узкие специалисты, профессионалы. Такого нет нигде в мире.

Да, действительно, увиденное поражает воображение. Из-за нехватки места на газетной полосе мы познакомим читателей лишь с несколькими породами собак. Нам они показались лучшими, но есть и другие, не менее интересные и полезные. Итак, знакомьтесь:

ХИММЕЛЬШНАУЦЕР — появился на свет в будке у проходной ОАО «Бератон». Нюх отсутствует начисто. Лаять и рычать не умеет. Выть, наверное, тоже. Только при еде издаёт звуки вроде: «шнау-шнау-шнау». Отсюда и название. Особо любим экологами, поскольку жрёт лишь вредные для человека и окружающей среды вещества, перерабатывая их своим организмом в ценное сельскохозяйственное удобрение. Недолюбливает химиков, потому что те не пускают его в производственные цеха. Недостаток один: на чистом воздухе страдает одышкой. Но для Березников это несущественно.

МЯСНАЯ СТОРОЖЕВАЯ — весит около двух-трёх центнеров. Если привалится к двери, ни один грабитель не откроет. Любит работать в охране мясокомбината, у фермеров. Несмотря на то, что жрёт много мяса, очень выгодна для хозяев — в случае невыполнения плана её саму можно пустить на колбасу.

ТУХТЕРЬЕР — с помощью биополя, границы которого обозначены прыгающими блохами, влюбляет в себя хозяев, и те души в ней не чают. Всегда рада гостям: задирает на них лапку, играет с брюками и юбками, не пускает в туалет. Обладает громким визгливым дискантом и незабываемым амбре.

ОХБЕРНАР — первоначально воспитывался как спасатель, но проявил страсть к охоте. Может плавать за подстреленной дичью по Белому морю (шламоохранилище) и Толычу (в речке вся таблица Д.И.), пьёт из них. Много потеет. Капли слюны, попадая на пол, разъедают палас, линолеум, доски, поэтому необходимо подвязывать слюнявчик из резины. Например, от лопнувшего надувного шарика.

БУЛЬБЕРДОГ — компанейская собака, любит хорошо выпить и закусить, попеть хором. Неразлучна с хозяином даже в выгрезвителе. Неприхотлива: пьёт всё, что горит, ну и так далее. С похмелья помогает хозяину занимать в долг.

РУССКАЯ ПОЛИГОНЧАЯ — ещё одна порода, любимая экологами. Гоняется за живностью (мышами, крысами, кошками, мутантами) на

полигонах бытовых и промышленных отходов, то есть по всему городу и окрестностям. Друг химвельшнауцера.

На выставке представлено ещё несколько десятков выведенных нашими собачками Менделями пород. Приходите, и, может быть, в вашем доме появится друг с необычными способностями. Вы будете гордиться им!

Да, этот пост посвящаю собачкам, которых отстреливали отравленными дротиками в Ульяновской области. Стыд-то какой... :-)

14.06.2010 г.

Галка-сказочница

Праздник располагает к лени, поэтому я попросил Галю Елтышеву подарить для моего ЖЖ одну из своих сказок. И вот вам пожалуйста!

Примечание: рисунки к сказке тоже Галины.

Жил-был на свете Директор железобетонного завода, где делали железные бетоны или бетонные железы, кто знает, но что-то очень большое и очень-очень нужное. Завод был огромный, а Директор — маленький, толстый и в очках. Когда он бежал со своим крошечным, толстым портфелем с золотым замочком — то казалось, что катится колобок-очкарик с дамской сумкой. Директора все мучали: дылды-заместители, Танька-секретарь и еще незнакомые личности, приезжавшие за какими-то железно-бетонными глупостями, которые они грузили в здоровенные машины и увозили навсегда.

Каждый день к Директору на совещание приходила целая толпица этих мучителей. Они подолгу сидели в кабинете, кричали, курили ужасные вонючие папиросы, выпивали воду из всех графинов, бутылок и даже из чашечки, из которой Танька-секретарь поливала какую-то зеленую закорючку в горшке, о которую Директор всегда кололся и поэтому ненавидел.

Во время этого ужаса Директор грыз карандаши, болтал ногами под столом и грустил. И в момент, когда в кабинете становилось темновато от дыма, а морды лица делались у всех красно-мокро-злые, он падал с директорского стульчика и бежал к секретному сейфу. На бегу он выхватывал из кармана секретный ключик и с размаху совал его в замочную скважину. После этого он засовывался вовнутрь по ремень и замирал.

Все сразу понимали, что человеку нельзя мешать. «Там, — думали они, — лежит страшно-ужасно-важная бумага с печатями, штампами и подписями, без которой всё пропадет, и всем будет «крышка», а то и вообще «кердык!»» Поэтому они тихонечко расползались от греха по-дальше.

А на самом-то деле... Возвращался однажды Директор, весь измученный, домой. Была осень, почти ночь, шёл дождь, не тот теплый летний, мелкий, как туман, под которым так хорошо бродить по спящему городу и хочется завтра стать хорошим-прехорошим: не грызть ногти, не плевать и не называть Таньку-секретаршу «проклятый Чингачгук», а злой, колючий, пронзительно-холодный, от которого хочется быстро-быстро бежать домой, и, спрятавшись под одеяло, горевать о себе несчастненьком и о том, что всё пропало.

В общем, шёл он, шёл и вдруг видит — лунный блик на чёрном лопуховом листе мигает, как сигнальный фонарь: «СОС, СОС, СОС!» Директор удивился и остановился. А из-под листа высунулся нос, потом глаз, потом еще глаз, потом ухо — там сидела мышка. Шёрстка у нее намокла, слиплась в ежовые иголки, глаза были мокрыми от дождя или несчастья, а капли с хлюпающего носа, стекая по повисшим усикам, падали на озябшие красные лапки. Дрожала она так, что зубки щелкали и с травы летели брызги. И ни Директор, ни тем более мышка не успели сообразить, как оказалась она в сухом теплом кармане, где лежали обкуски карандашей, ручка с золотым пером и ключ от секретного сейфа.

Дома у Директора их ждали неприятности: две тётки — жена Тама-рица и ее мама Цецилия Генриховна — вспрыгнули вдвоём на одну табуретку и завизжали так, что захлопнулась форточка, баздакнула лампа в прихожей, а соседи подумали, что опять разоралась сигнализация на джипе Димки-бандита. В общем-то, были они люди не злые, но отношение к мышкам-крыскам было у них, как почти у всех тёток на свете.

Так вот мышка и поселилась в секретном сейфе огромного завода. Директор звал ее Крыся и каждый день торопился из дому, неся в кармане гостинчик для своего друга: кусочек печенья, сыра или мармеладку.

Он подарил Крысе свой галстук, чтоб ей было тепло и уютно (дома-то он, конечно, находчиво наврал, что его отняли злые разбойники), налил в графинную крышечку воды (из-за пропажи этой крышки Танька-секретарь до сих пор кричит, что пошёл не посетитель, а прямо какое-то «ворьё проклятое»), и свет из замочной скважины освещал все это мышкино счастье, как торшер.

Когда находилась свободная минута или было всё плохо — Директор шел к Крысе. Мышка терлась своим мохнатым личиком о толстый директорский нос, крохотными ручками-лапками перебирала его усы, и её глазки-бусинки сияли в стеклах его очков. А Директор сопел и хлюпал носом, поглаживая мышку по пушистой белой шубке с серым пятном на спине, и глаза его за тёмными стеклами становились мокрыми, как в детстве, когда было жалко ослика в зоопарке.

И снова можно было жить! И снова хотелось стать хорошим-прехорошим и, может быть, даже полить ненавистную зеленую закорючку в горшке.

Иногда Директор доставал Крысю из её домика, и они устраивали себе праздник. Крыся загорала под настольной лампой, раскачивалась на проводе, плескалась в поливательной чашечке и даже пиццала — беседовала с телефонной трубкой. Они в сотый раз смотрели «Тома и Джерри», жалея бедного котяру-обормота, играли в догонялки так, что стулья разлетались по всему кабинету, и Танька-секретарь, прислушиваясь к шуму, думала: «Во, блин, шеф работает, аж мебель трещит!»

Теперь их одиночество не было одиноким. В разлуке они были счастливы ожиданием встречи, а встречаясь, грустили о предстоящем расставании.

Вот так они сейчас и живут, ужасно довольные друг другом — Директор огромного завода и маленькая мышка Крыся.

И теперь, когда кто-то бежит мимо меня, ничего не видя и не слыша вокруг, то я знаю — в его руке крепко зажат ключ от заветного места, где скучает и всегда ждет его друг — мышка Крыся или крыска Мыша или просто знакомый паучок.

18.06.2010 г.

Про ЭТО

Ать-два, левой!

По телеку транслировали концерт в честь дня рождения Ракетных войск стратегического назначения. А я как раз там и служил. С чувством

глубокого удовлетворения прилегал на любимый диванчик послушать в качестве благодарного зрителя. Репертуар располагал к полудреме и воспоминаниям.

Да, повезло мне с видом войск, один товарищ как-то даже обозвал меня «интеллигентом» Советской Армии. Гыгыг...

Самое крупное везение — спецнабор. Я относился к весеннему призыву, хотя забрали меня 5 июля. Уволился в запас 5 мая. То есть самые поганые для новобранца первые два месяца службы прошли, так сказать, заочно. Да, народ отбирали здоровый и образованный, способный к усвоению высокотехнических премудростей и нарядам через день, поэтому никакой речи о мерзостях дедовщины даже не предполагалось. А в остальном — все как у всех.

Даже, страшно сказать, патриотизм в наших рядах бил через край. Заступая на боевое дежурство, батареи маршировали под оркестр. Три хилых трубача и усатый азербайджанец с большим барабаном на пузе неизменно вызывали горловой спазм при поднятии флага.

Пофилонить желания не возникало — себе дороже. Ну вот, к примеру, взять себе противогаз большого размера было бы приятно для бега по пересеченной местности: сунь между щекой и резинкой спичечный коробок да и дыши себе полной грудью. В целях профилактики товарищ старшина периодически загонял нас в бомбоубежище, кидал тудой дымящую хлорпикриновую пашку и, довольный, задраивал дверь. Он был из кондовых старшин и не понимал, что желающих шутить с противогазом, зная о чудесных свойствах веществ для заправки ракеты просто не было. Навскидку: 5 мг окислителя на кубометр воздуха — смертельная для человека доза. Так что старшина сам шутил, сам смеялся.

Но солдату все равно надо...

Женского внимания, например. А где его взять, если лес кругом? Конечно, в обеденный кисель коновал из лазарета ежедневно всыпал лошадиную дозу брома для успокоения жеребьячьего нрава. Но желание все равно было. Офицерам оставалось лишь мудро распределять нас по нарядам, чтоб руки были заняты полезным, а не... Картоху почистить можно машиной, но лучше вручную — отцам-командирам спокойнее.

Впрочем, зоркий глаз офицера, как и корректорский, иногда «замыливается», контроль теряет бдительность, и тогда... Однажды в прекрасную летнюю ночь я внезапно проснулся: пора, брат, пи-пи. Сортир, что в казарме, разрушил ремонтом хоззвод. Пришлось мне нащупать большие свои сапоги. Вот шествую важно, в спокойствии чинном, на воздух чешу я в трусах, иду я по важным делам. Но что это? Возле курилки толпится толпами солдатский народ. А там, на скамейке, и вздо-

хи, и стоны, и что-то там, братцы, не так. «Здорово, ребята!» «Ступай себе мимо!» «Пусть в очередь встанет», — вдрот кто-то курящий сказал. «Давай, только тихо!» «Да что здесь дают-то?» «Дают здесь, салага, п-ды!» «Нет, лучше я тихо схожу, как и думал, в сортир». Утром я узнал, что же там на самом деле происходило. Но без преамбулы не обойтись.

Служил я в Латвии, в советской, так сказать, загранке. Образ жизни там был несколько иной, нежели в остальном совке. И воспитание тоже. Еще с царских времен в Латвии сохранилось исправительное учреждение — интернат для девиц легкого поведения. Их отлавливали по всей республике и принудительно лечили трудовой терапией от сладострастного порока. Заведение было закрытого типа, с охраной, согрешить там было затруднительно. Но за примерное поведение и ударный пошив трусов для армейских нужд раз в неделю можно было рассчитывать на увольнительную. Правильных девиц вывозили в город, чтоб они могли там повысить свой культурный уровень. Вот они и повышали... по старой памяти, с изголодавшимся рвением. Две такие бабочки чудесным образом притопали не к кинотеатру, а к КПП воинской части. Дежурный прапорщик в тот миг вкушал пищу в столовой, а два сержанта быстро смекнули, что делать, когда звучит вопрос: «Ну что, мальчики, поразвлекаемся?» Более того, они их спрятали на территории режимной части на целых трое суток, организовав ночные праздники для страждущих. Скандал потом был... Пуздрон на плацу рвал и метал. Из его криков можно было разобрать только «Ёпт, ёпт, ёпт!» Развлечение было то еще.

Кстати, о развлечениях. Надьсь эти ваши интернеты были взбудоражены поражающей воображение картиной турецкого ягненка с человечьей головой.

И вспомнилась мне армейская жестокая шутка. В части было собственное небольшое подсобное хозяйство, где на столовских отходах возвращалось энное поголовье свиней. Естественно в наряде надо было их кормить, чистить клетки. И вот группа товарищей, закончив эти нехитрые дела, села перекурить и поговорить. Ну, про что могут говорить солдатики кроме цитирования наизусть уставов? Натурально, про это. Заметим, что в наряде были русский, хохол и представитель Востока. С какого переляку славянам пришло в голову шутить, не знаю. Но один из них предложил... поиметь свинью. Товарищ из Азии был поражен: как это? Ну, типа у вас ишачки да овцы для этого дела, а свиней и нету вовсе, у нас же, наоборот, ослиц немае. Мы для тебя, как люди привычные, свинку подержим, доверим первому. И ведь уговорили! Поймали свинью, связали, но когда увидели, как парнишка свои галифе расте-

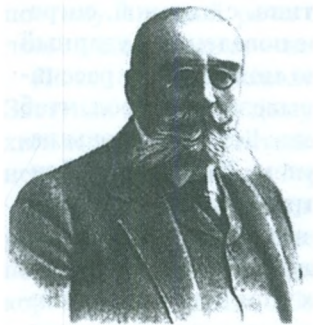
гивает, не выдержали, рассмеялись. И хорошо, а то не хватало еще уголовщины за скотоложество.

Господи, что только не вспомнится! Начал за здоровье, а кончил за упокой... Концерт, штоле, был не очень?

Все равно ракетчики — молодцы!

17.07.2010 г.

Ситцевые бочки

Собираю материал для сборника о селе Романово. Будет внушительнее первого.

Читал Василия Немировича-Данченко о посещении наших мест. Весело.

«Из Усолья мне хотелось проехать в глушь. Исполнить это было легко, и я отправился за Каму по направлению к верховьям Яйвы.

Какие дивные хвойные чащи на пути. Не верится, что едешь по прикамским захолустьям, где леса вырубаются жадно и неумолимо не знающими устали промышленниками. Кое-где попадаются черные,

обугленные стволы сожженных молнией, но их отовсюду словно хочет спрятать свежая зелень всякой цепкой поросли, сочно поднимающейся здесь, на этих пока еще щедро облитых солнечным светом полянах. По лесам редкие выселки. Видимо, человеку тут в одиночку жить привольнее. Кто на опушку вылез со своею избою, кто поставил себе хатенку у речки, что немолчно шумит и взмывает, стараясь перебросить свои гремучие струи через камни, перегородившие ей дорогу; а кто совсем забрался в лесную дрему, в глушь, где только вершины сосен ведут между собою важную, торжественную беседу, да гроза порою шумит над срубом нелюдимого лесовика. Въедешь на холм или на гору — вниз, до самой Камы, зелеными облаками спускаются эти рощи. <...>

Всего красивее здесь вид с гор над деревнею Камень, верстах в восемнадцати от Веретья. Под вами зеленая, целым морем лесных вершин покрытая понизь стелется к далеким плоскогорьям. Леса совсем синими кажутся, плоскогорья чуть-чуть намечиваются матовыми, желтоватыми массаами, так и манящими в свою заповедную глушь. Изредка в синем мареве лесов легкими нежными пятнами голубеют поля. Яйва змеится по всей этой низине, то пропадая в дремучих борах, то снова сверкая красивою излучиною...

Густой запах шиповника и душиanky все время обвеивает вас по этой дороге на село Романово. Яйва несколько раз выбегает посмотреть на вас и опять в сторону уходит. В селе Камень мне встретилась особенная достопримечательность: свинья с бакенами, и довольно длинными, совсем министерский чиновник!..

— Что это у вас?

— А такая порода ведется... Приезжие страсть любопытствуют... Один даже с нее патрет снял. Такая ей, свинье нашей, честь вышла, чтобы с патретом. Этот, который патрет-то делал, говорит: твоей свинье медаль следует. А я ему: батюшко, она и без медали скусна, с медалью-то скусней не будет...

Около Романова я заметил много скирд с хлебом — на Урале очень важный признак. Это значит, во-первых, что хлеба рождается много, ибо он здесь в овины под крышу складывается, а в скирды уже залишний идет; а во-вторых и то, что его высквают с избытком, больше, чем надо на местное продовольствие, а торговли им никакой. Иначе не стали бы и ждать следующего урожая. <...>

Напрасно я думал встретить здесь дичь и глушь почти первобытную. Оказалось, что года за два, действительно, на каждого, кто появлялся сюда, романовцы смотрели, разинувши рты; но теперь патриархальная простота была отменена и предпочтена цивилизации, выражающейся в пении лакейских песен, в ношении «городских» платьев с талиями чуть не на затылке, и шлейфами, хотя и ситцевыми, но в пол-улицы. Даже везде отмененный кринолин растопырился на каждой местной красавице, воображавшей, что в нем-то вся сила и есть.

— Тут у нас, какая я вам скажу мадель (вместо мода) была. Кармалинов этих не хватило, так на платья обручи подшивали. Так мы их с этого самого и прозвали: ситцевые бочки!

— Одна пагуба! Железнодорожные эти такую смуту у нас развели.

— Какою же?

— Насчет женска пола. Глуп он, женский пол; ну а они к нему подвержены — железнодорожные-то; и даже с большим удовольствием. Сколько они у нас этой девки перекастили — невозможно! Со своими парнями девка гуляй, потому ее парень за себя возьмет; а этот-то, железнодорожный, налетел, улестил ее, куснул и прочь... К другой уже, с налету... Они это быстро.

Железнодорожники, в свою очередь, поясняют, что они-то настоящую цивилизацию и насадили.

— Я вам так скажу, сообщал один из них, — до нас десяток яиц стоил

гривенник, а баба рубль; а теперь, при нас, яйца стоят рубль, баба гривенник.

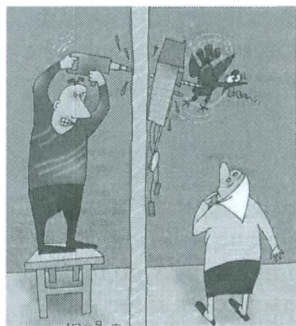
Бабы пустились во все тяжкие, благо мужья нашли работу по настилке полотна. Перед этим просто погибель была населению. Давила подать, недоимки как виселичные петли захлестывали. Земляные работы, хотя и тяжелы невыносимо, но при них хоть семья дышать может.

— А кто не пьет, так и про домашний обиход останется».

Если у кого что есть по истории села Романово Усольского района Пермского края — сообщите.

24.08.2010 г.

«...ЭТО ВАМ НЕ ЕШАКА КУПИТЬ»

Сделать дырку в голове отверстие в стене — это так просто. Вы тоже так считаете? Правда? И я того же мнения.

Итак... Берем дрель, впикиваем в ее сверло. Не абы какое, а победитовое! Ибо стенка железобетонная.

Дрррррр!.. Сверло вонзается в стенную твердь, как нож в масло. Дзынь-дыды-ды-зиуу!... В арматуру попал. Фигня, правее возьмем. Дрррррр!.. Сверло дальше не идет, кончилось. А дырку отверстие надо сквозное.

А где у нас сверло подлиннее? Нету? Быстренько в поход по соседям!

— Виктор Геннадич, дорогой, как ты меня выручил! Я уж полсела оббежал — тока ты помог. Спасибо!

Дрррррр!.. Опять кончилось. А дырка отверстие все еще не сквозное! Удивительно толстая стена — больше 30 см.

Жена дает ценный совет чего-нибудь тудой вставить и стукнуть. Ну стукнуть так стукнуть, вот и напильник круглый старый никогда не используемый призывно валяется.

Тук, тук, бух, бух, ДЗИНЬ! Полнапильника вылетело из дырки взад-обратно. А пол осталось там, и ничем эфтую половинку оттуда не выковырять.

Ладно, делаем дрррррр!.. с этой и той стороны. Встреча отверстий в теле стены не состоялась. Тайм-аут.

В постели жена говорит, обращаясь к подмышке, про то, что за три дня дырку отверстие в стене не сумеет произвести — это надо особым даром обладать.

В понедельник после работы топаю в «Мировой инструмент». В крохотном помещении магазина собран, кажется, весь мировой инструмент. Протискиваюсь между машинами, механизмами и коробками к тетке рядом с компьютером. За ее спиной висят в прозрачно-желтых чехольчиках сверла самых разных размеров.

— Девушка, дайте мне вот это, второе слева.

— А Вам зачем?

— Стенку просверлить прямо насквозь.

— А чем сверлить собираетесь?

— Вот этим, что Вы мне сейчас продадите, и просверлю!

— Я интересуюсь — у Вас дрель или перфоратор?

— Дрель.

— Я не могу вам это продать.

— Как это? Почему?

— Видите, здесь канавки в хвостовике.

— Ну и что?

— Они будут проскальзывать, сверло начнет бить, ничего у Вас не получится, кроме членовредительства.

— Я не понял! В магазин пришел покупатель, а продавец ему отказывает. В чем дело?

— Мужчина, купите лучше перфоратор, и тогда Ваши притязания будут обоснованными.

— О как! Моя дрель и так с функцией перфорации. Заверните эту полуметровую штуку, и я пошел.

Дома все проходит так, как было задумано изначально: вот она — новенькая дырка! То есть отверстие.

И четырех дней не прошло!

18.10.2010 г.

Иди-ка ты в люди!

И вся-то жизнь моя соткана из цепи случайностей. Не, я понимаю, что случайно ничего не происходит, но в восприятии моем и окружающих многое из произошедшего отражается как случайное. Сегодня я расскажу о школе, в которой учился и в которую после окончания ни разу в жизни не наведаясь.

Родители мои семью строили бурно: любились, ссорились, разбегались, снова сходились — к 13 годам я пол-Ростовской области с мамой изъездил, привык к сменам школ и в качестве новенького не тушевался. Но внезапно отец умер, и мы вернулись в его дом. Хотелось верить, что навсегда.

В 7-й класс я стал ходить из Живых Ключей в поселок Жирнов (5 км). Тяжеловато пришлось — зарабатывала маман мало, а мне на завтраки-обеда и прочие обувки-одежды надо было чего-то давать. И решили мы отдать меня в ПТУ. Съездили в Углегорск, поговорили с директором шараги. Он бы с радостью меня взял (а что — лось здоровый, и учился я всегда неплохо), но школьным предметам училище меня обучать не могло, не было у них 7-классников.

После такого облома маман прознала в районо об интернате. Платишь за ребенка символическую сумму (в моем случае это было 33 рубля в месяц), а государство берет его на полный пансион, то есть кормит, одевает, спать укладывает и развлекает, а попутно обучает до 8 класса включительно.

Учеба

А что, учеба как учеба, преподаватели были неплохие, с «контингентом» умудрялись не просто справляться, но и увлечь. Что непонятно, после обеда на «продленке» объяснят, заодно помогут домашнее задание сделать. Трудности были чисто психологического плана. Детишки либо из неполных семей, либо вообще сироты, поэтому на некоторые сигналы реагировали своеобразно.

Валентина Алексеевна вела уроки математики. И постоянно рассказывала о своем сынишке, как она с ним играет и какой он у нее «мой Митька лучше всех». И однажды Васю Маныча (кличка Папочка, я его еще по школе в Милютинской знал) это достало. На уроке он привязал антенну детекторного приемника к батарее и устроил натуральный концерт. Жабе такой ход не понравился. Почему Жаба? Она как-то пришла в модном тогда кримпленовом платье, зеленом с разводами, одна из подхалимок сравнила математичку с Царевной-лягушкой. Ну, вы понимаете. Вернемся к Васе. Папочка блаженствовал, Жаба безуспешно призывала его к порядку, а потом брякнула что-то о родителях, которые бросают своих непутевых детей. Вася с психу разбил приемник и набычился, училка тоже села помолчать за столом. Но Папочка решил отомстить. Любовно собранный взрывпакет — два алюминиевых стакана, соединенных резьбой, были заполнены порохом, магниевыми опилками и марганцем. К пропилу с привязанными спичками достаточно лишь приложиться коробком. Вася чиркнул и бросил эту бомбу Жабе под стол. Грохот, дым и тишина. Как никого осколками не ранило — непонятно. Училка сразу убежала, мы распахнули окна для проветривания и стали ждать директора. Но никто к нам не шел. Выглянули в коридор, а там математичка стоит и плачет.

В общем, больше ее Жабой не звали, только по имени-отчеству. Не заложила.

Развлечения

Прямо скажу, нехитрые. Хоть нас и кормили 4 раза в день, есть все время хотелось. Я однажды в Лихой в буфете присмотрел за прилавком шоколадку круглую, и когда продавщица отвлеклась, удачно прихватил «медаль». Фу, блин, это оказалось зеркальце! А денег было мало, их хранили для билетов на дорогу домой (я ездил раз в месяц) или банально пропивали. Купим «огнетушитель» с портвейном и где-нибудь на территории с друзьями разопьем. Как настоящие взрослые.

Оставались кружки, спорт, телевизор, книжки. Спорт я разлюбил, хотя учитель у нас хороший был. Научил всех не просто перепрыгивать через коня, а перепрыгивать кувырком через голову. Правда поперек, а не вдоль, но это было круто! Да, почему разлюбил? Послали нас на городские соревнования по пионерскому четырехборью «Дружба». Прыгать надо было, бегать, метать... Городские в порядочной форме были, а мы в обычных трусах и майках. В прыжках сверкали своими «достоинствами», ну, над нами натурально смеялись. А кому это понравится? Забили мы на спорт. Зря, конечно, но...

Любили на экскурсии ездить на школьном автобусе. Это А(г)дамыч всегда организовывал — в Краснодон, Новочеркасск, и еще на кинокамеру снимал. Потом все собирались кино смотреть. Без звука, но весело себя со стороны видеть.

Про Это

13–14 лет — пора бушевания гормона. Засматриваешься на девчонок, мечтаешь...:-) Но я совершенно неожиданно получил на 23 февраля от одной из них подарок: пушку, стреляющую, пепельницу и открытку. Красота! Но надо же ответный жест делать. А денег нет. Пришлось с пацанами идти на рынок промышлять. Двое отвлекали внимание продавца, двое прикрывали меня от покупателей, а я воровал. А как иначе? Иначе — не пацан! Стырил я тогда большой флакон рижских духов «Pavasaris», штук пять жменей шоколадных конфет разных сортов. На открытку-то деньги были, 8 марта я не опозорился. :-)

Вафлер

Иногда дежурным воспитателем ставили мужчину-учителя начальных классов. Когда мы были уже в 8 классе, он приходил ночью и уво-

дил одного из двоих здоровяков. Чередовал их. Где-то через час пацан возвращался с кульком сладостей, показывал деньги — тройк или пятерку — и начинал рассказывать... Веселье и презрение — вот два чувства, которые мы испытывали при встрече с этим учителем.

Однажды он повздорил в столовой со старшеклассником, и тот громко выдал ему все, что думает. А(г)дамыч сразу стукнул куда следует, и вафлера судили, а пацаны, которых он приглашал на свидания, проходили по делу свидетелями. Он пытался зарезаться, но не получилось, дали пять лет.

Тем не менее

Жилось нам не так уж и плохо. И хоть пятеро моих одноклассников по дурусти после восьмилетки сразу ушли на зону, остальные в жизни не пропали.

Школа-интернат № 2.

Неплохое заведение. Учебный и спальный корпуса связаны переходом, в столовой во время обеда учитель музыки Николай А(г)дамыч наяривал на пианино какой-нибудь чарльстон для улучшения пищеварения, территория была огорожена высоким бетонным забором и была похожа на запущенный парк, было где обсудить наши хитроумные планы... После уроков работала куча кружков, бешеной популярностью пользовались духовой оркестр и радиodelo. Да, квартиры при школе были у завхоза (та еще гнида) и уже упомянутого Николая А(г)дамыча, но на ночь всегда назначался дежурный воспитатель, во избежание неприятностей. В спальном корпусе были игровые комнаты с телевизорами, медпункт, мастерская с сапожником и швеей, сушилка для матрасов из детских спален. В общем, первый этаж — служебные помещения, второй — девчачий, третий — для пацанов. В одной спальном комнате — все мальчишки класса, в нашей стояло 22 кровати. Двоим места не хватило, и их койки стояли в тамбуре перед умывальником.

Так совпало, что вместе со мной пришла в интернат новая воспитательница. За необъятные габариты ее сразу прозвали Слонихой. Она очень лихо приучила нас быстро просыпаться. На первой же побудке Слониха убедилась в бесполезности речевого аппарата и взяла из шкафчика деревянную вешалку-плечики. И вот этим орудием она стала лупить по ногам лежащих мальчишек, приговаривая: «Щас вы у меня поспите!». Ее хватило недели на три. Где бы она ни появлялась, интернатовские начинали ее оскорблять по-страшному. И ладно бы только в

интернате. На улице, на рынке, в столовой... Однажды она сломалась. Пришла сначала на побудку, а потом спустилась в медпункт. Увезли болезную прямоком в психушку.

7.06.2011 г.

Топонимика, однако...

Верёвкин клепает местную топонимику:

Деревня Ивановская (Ивановские Казармы) на р. Путла

Какой Иван положил свое имя в название деревни, теперь не узнать. Довольно далеко она от Романово — 19 км.

В 1927 году в деревне было 7 дворов и 35 жителей, перепись 1969 года отметила «отдельный дом», в котором жили два человека.

Меня всегда интересовало слово «казармы». Массовая заготовка леса еще не началась, до коллективизации было еще далеко. Старики в Романове ничего объяснить не смогли. Казарма предполагает общее жилье, бараки, а в 7 домах жило 35 человек, обычные крестьянские семьи, ничто не напоминало казарму.

Деревня Опросинина (Залотная, Опросино) на р. Яйве

Слова заведомо русские, но ни в одном словаре от Даля до Ушакова слова Залотная нет, Опросинино — тоже. Есть похожие: опрос — спрашивать, опростать — освободить, но названия деревни из них не получается.

Крупный топонимист Лев Успенский писал, что некоторые тайны названий не будут раскрыты никогда, мы можем расшифровать не больше трети географических названий. «Нередки также топонимы, размышляя над которыми, как ни ломая голову, не можешь найти никакого серьезного объяснения. Вы разочарованы? Должен предупредить заранее: таким случаям в топонимике счета нет, и, вероятно, гораздо чаще серьезный топонимист может ответить вопрошающему любителю «не знаю».

Это можно отнести и к Опросинино-Опросино-Залотной.

Начинаю сверять со старыми книжками.

«Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 года». — СПб, 1875:

Ивановская (Казаринова), дер., при рч Путле. Число дворов — 7, число жителей: м.п. — 14, ж.п. — 15., имеется земская станция.

Опросинина, дер., при р. Яйве. Число дворов — 8, число жителей: м.п. — 23, ж.п. — 30.

На поверхности всё лежит, топонимист ты мой распрекрасный! И не надо сюда Успенского пихать...

Интересно, а у вас рядом есть места, названия которых со временем искажились?

20.06.2011 г.

Без куриных перьев

Вячеслав Александрович, Виктор Николаевич и Николай Михайлович совершенно случайно встретились в магазине. И спонтанно, но дружно скинулись на пару «беленьких». Настроение сразу улучшилось, солнце засветило ярче, но теплее не стало. Мороз. На улице культурно в таких метеоусловиях не употребишь, опять же душа требует обстоятельных разговоров за жизнь — не мальчики ведь, чтоб вышить из горла и разбежаться...

— Айда ко мне, — предложил Вячеслав Александрович, моя до вечера в Усолье укатила!

Компания дружно зашла в магазин еще раз — докупить третью, чтоб не возвращаться.

Хороший дом у Вячеслава Александровича! Но заходить во двор страшновато: здоровенная псина натурально беснуется на цепи.

— Ничо, Виктор Николаевич, не бойсь, — успокаивает друга хозяин. — Если к стене прижиматься, то он не достанет! А привязан крепко — сам ошейник подгонял.

Через пару минут во двор зашел Николай Михайлович, отставший от друзей (кума на улице задержала, просила пособить с лесовозом дров). Пальто нараспашку, грудь колесом, лицо довольное... И вдруг — гав! Пальто — хрррр!

— Ах ты, гадина! Ты на кого лаешь? На царя природы?!

Николай Михайлович обрушился на пса всеми 90 килограммами, зажал руками пасть обидчика и... укусил его в нос! Пес взвизгнул, ужом выскользнул из-под царя природы и пулей забился в конуру.

— Ты упал что ли? — заулыбались друзья, глядя на отряхивающего снег с пальто вошедшего Николая Михайловича.

— Да, возле стеночки тут поскользнулся...

Посидели хорошо, душевно, обстоятельно. А что — водочка, сальцо, огурчики-помидорчики с друзьями, которые с самого детства... Лепота!

Из-за стола встали ближе к вечеру. Во дворе простились, и каждый пошел к себе.

Через пару дней совершенно случайно троица встретилась вновь. И опять у магазина.

— Баба моя говорит, что пса кто-то сглазил, — сообщил Вячеслав Александрович. — Я в эти бредни не верю, но что-то такое точно слу-

чилося. Свирепый кобелюка был, не одни штаны порвал, а теперь кто во двор ни зайдет — завизжит и в будку. Что с ним — ума не приложу!

— Надо обсудить, обмозговать, — откликнулся Николай Михайлович. — Можно у меня. Моей как раз до вечера не будет, к маме в Вогулку укатила. Не кисни, Лександрыч, пособим горю, я знаю как.

Вячеслав Александрович повеселел и встал в очередь за продуктом...

Они шли по улице — три богатыря. В воздухе уверенно рокотал баритон Николая Михайловича:

— Сглазили!.. На темные силы пусть бабы кивают. А мы кто? Мы — люди, человеки! Цари природы! Пса в доверие к самому себе вернуть — это я знаю, мне дед рассказывал. Не кисни! Сказал — знаю, значит научу! Ты ж тоже царь природы, у тебя крылья за

спиной. Только за ними ухаживать надо. Если вдруг куриное перо вылезло — выдергивай!

18.09.2011 г.

Чушь

Читал Васю Ложкина О ВЕЛИКИХ ПРЕДКАХ, а потом обратил внимание на эту цитатку из нашего ПРЕЗИДЕНТА, которая красовалась в верхнем углу сайта.

Оно, конечно, в граните отлито, и я сразу начал вспоминать, как сам жыл на стипуху.

I. Техникум, 1975–79 гг.

Обычная стипендия 30 рублей, повышенная 33,90. И так все 4 года. Негусто.

Но я учился по направлению от колхоза, поэтому получал так:

1 курс — 45 рублей;

2 курс — 66,30;

3 курс — 90;

4 курс — 136.

Пресловутый МРОТ в те годы был 60 рубликов в месяц, общага стоила 3 рубля 70 копеек в месяц. Еда в столовке, куда я устроился на подработку уборщиком на 60-рублевый оклад, обходилась вообще бесплатно.

II. Институт, 1982–86 гг.

Стипендия 40 рублей.

Общага 12 рублей в месяц. Родителей в живых уже не было, поэтому родственной подпитки не было. Помогал студпрофком с талонами на питание. Приходилось подрабатывать доставкой телеграмм (оклад 60 рублей на почте плюс «чаевые») и шашками типа «моз-

гового треста» для заочников или разовыми халтурками на стороне. Никакого сумасшедшего напряжения. Если скинуться по червонцу на нос, то можно было очень хорошо посидеть в ресторане, что мы и делали регулярно.

И жили достойно, Дмитрий Онотолич!

27.02.2012 г.

Фетиш

После работы сел в автобус, начал запихивать в уши микродинамики. Вдруг кто-то трогает за плечо.

Соседка сзади. Молоденькая, миловидная, чуть не плачет.

— Посмотрите, пожалуйста, под ногами — я колечко серебряное уронила, оно к вам закатилось.

Вылезаю в проход, присаживаюсь на корточки, внимательно осматриваю пол под сиденьями. Ничего. Приподнимаю веник, лежащий перед водительским треном. Ничего. Ещё раз исследую пытливым оком близлежащую половую площадь. Ничего.

— Посмотрите у себя, здесь колечка нет.

— Я уже и общупала всё — нету. Но по звуку оно к вам закатилось.

Встаёт рядом со мной и нагибается, заглядывая под сиденья. Я стыдливо перемещаюсь кормой к лобовому стеклу. Автобус неожиданно тормозит, девушка падает на колени, роняет телефон, потом вытирает колени, подбирает мобильник. Губки начинают предательски дрожать. Взгляд виновато уходит в сторону, и — о чудо! — замечает колечко, лежащее под её сиденьем прямо на границе с проходом.

Все шумно радуются: счастье есть, теперь и дальше всё будет пучком, жить хорошо.

Я наконец врубаю Малинина с его Исидорой и хозяйкой корчмы, откидываю продолжение шеи на подголовник кресла и ненароком вижу в зеркале соседку сзади. Она подносит найденное колечко к губам, нежно целует его, потом прикрывает сияющие глаза. И лицо такое светлое, что мне сей же час захотелось что-нибудь сделать. Для различных ситуаций в обхождении с женским полом у меня всегда(!) в кармане имеется конфетно-шоколадный запас. Сегодня это был «Dove», полностью соответствующий романтичности случая.

— Исключительно для того, чтобы успокоиться после пережитых неприятных минут, мадмуазель!

Зыркнул до выхода на своей остановке ещё разок в зеркало: жуёт, безмятежно так...

На волне

Тестю друзья привезли игрушку «Волна-К» (40 кг чистого веса), теперь днями и ночами ловит вражеские голоса и радиохулиганов. Наслаждается. :-)

Я сам с паяльниками и прочим фулюганством на почве радио не сросся. Хотя соприкасался.

На заре туманной юности я учился в сельхозтехникуме в городе Миллерово и пару лет жил на квартире у замечательной бабушки. Конечно, сдружился с ее внуком, Васей Бойко, который тоже учился в техникуме, вот он был заядлым радиохулиганом. Свое логово он оборудовал в бабушкином флигеле, ну и меня привлекал. Он настраивал аппаратуру и вел переговоры с такими же фанатами из Ворошиловграда, Каменска, Тарасовки, следил за ламповым индикатором, частенько придвигал микрофон к катушечному магнитофону, и тогда в эфир лилась музыка непроветствуемых официальной пропагандой западных групп. В общем, было весело.

Бабушка как-то поинтересовалась, что это мы тут делаем, не опасно ли... В ответ Вася провернул операцию под кодовым названием «Бабушкин сон». Она днем привыкла часик-полтора придавить подушку — любимый внучек приладил микрофон под кроватью и включил магнитофон на запись. А потом продемонстрировал ей возможности современной техники. Услышав из динамиков хрр-прпр-фиии-чмок-чмок-фиии-прпрпр, бабушка сначала не поняла, что это, а после любезного разъяснения оскорбилась. И больше на наши «Я Ракета, все, кто меня слышит, отзовитесь. Приём!» не реагировала. А зря...

В один замечательный теплый июньский вечер, наполненный сладким запахом цветущей акации, двор семьи Бойко наполнился людьми в форме, которые без зазрения совести перепотрошили дом, флигель и летнюю кухню и конфисковали два телевизора, радиоприемник, магнитофон, радиолу, Васькин передатчик и самого Ваську. (Меня дома не было, славагосподи). Васькин папа, уважаемый в городе человек, уехал вслед за ними и через пару часов возвратил сына, а через

недельку и всю радиотехнику, за исключением передатчика. Сколько ему пришлось выложить на подмазывание, история умалчивает, но папа оказался мудрым человеком. Он купил Васе мотоцикл. Иж-Планета-Спорт. И тут такое началось! Но это уже другая история — с гонками и девочками, зато без радиохулиганства...

23.12.2013 г.

Вчера приключилось

Пожирание мною прекрасно изготовленного любимой тещей гуляша с пюрейной массой было прервано наглым стуком в дверь. Наложив охранное заклятие на вкуснятину, я неохотно двинулся к источнику звука.

Сосед пришел.

— Алексеич, дай две таблетки!

— Тебе какие нужны?

— Любые!

Мой фейс перекосило от ступора в мозговом восприятии действительности.

— Не понял! Как это любые?

— Да мы, понимаешь, пристрой окончательно доделали и отделали, так что ждем гостей, можно сказать, на новоселье.

— Я так понимаю, надо что-нить супротив дрисни в запасе иметь. И о возможных сердечниках позаботиться.

Теперь морда лица поехала у Гумера.

— Ты чё, Алексеич? Какая дрисня? Моя готовит хорошо! Нам для гостей надо еще две та-бу-рет-ки!

Поржали — я до слёз, Гумер до икоты.

В общем, следите за дикцией, дорогие граждане и гражданки, во избежание недоразумений.

29.07.2014 г.

Жалко мамонтов...

Четырехметровый комар оказался самой популярной и зловещей ландшафтной инсталляцией на фестивале-резиденции керамического и ландшафтного искусства «Terra Cotta на Вильве 2014».

Деревянную скульптуру из спилов столетней ели и стволов тонкого сухостоя сделал почетный гражданин города Лысьва Николай Карелов.

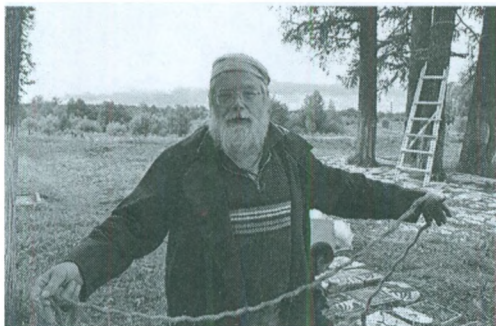
А глазки для насекомого изготовили керамисты арт-резиденции.

«При работе над композицией у меня открылся третий глаз, и теперь я могу заглядывать в прошлое и в будущее», сказал мне Николай. Он и сам во Всеволодо-Вильеве на комара похож стал. Вон как плащик крылышками топорщится...

Пермский мастер по дереву Михаил Павлов объяснил замысел коллеги.

Гигантский комар Николая Карелова — это палеонтологическая реконструкция: мамонты вымерли от укусов вильвенских комаров, живших на берегу Пермского моря.

В ледниковый период вильвенские комары исчезли, но яйца их сохранились в земных пластах. При разработке каменных, глиняных и песчано-гравийных карьеров — а их в округе предостаточно — иногда такие яйца оказываются на поверхности и из них вылупляются летающие монстры, наводящие ужас на жителей Всеволодо-Вильвы и окрестностей.

Рассказывают, что однажды на сенокосе реликтовый комар напал на двоих мужчин. Один кое-как отбился вилами, а другой от укуса чу-

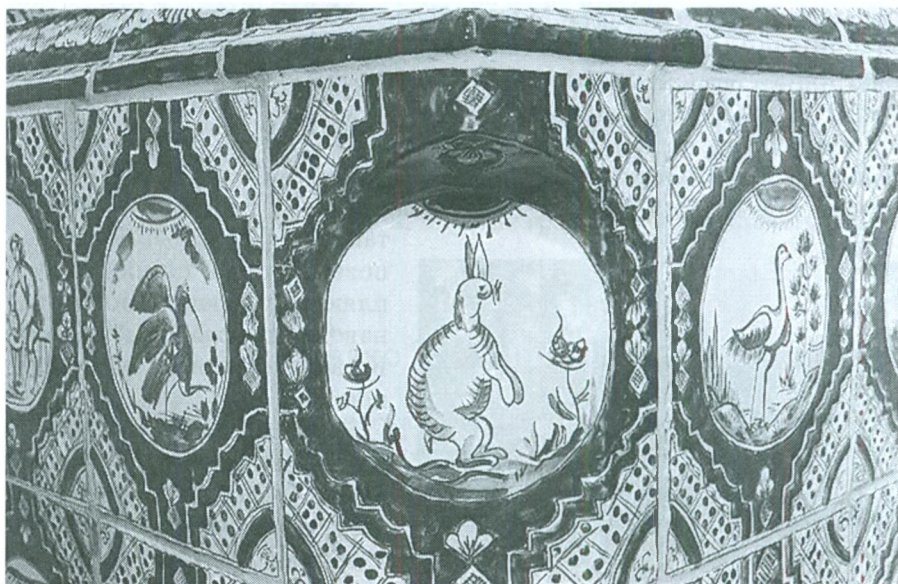
довища просто взорвался в пыль... Хорошо, что уральские зимы суровы, морозы спасают человечество от ужасной гибели.

Чтобы зрители могли представить себе размеры комара, Карелов разместил под ним скульптуру мамонтенка. Бают, будто мамонтенок погибал от укуса одного комара, а чтобы завалить взрослого мамонта, его атаковали сразу трое-четыре комаров.

Чтобы ситуация с комарами не выглядела столь мрачной, Михаил Павлов рассказал еще одну легенду, опровергающую миф об Адаме и Еве. Оказывается, змей-искуситель, а также изгнание из рая — это плод воображения древних людей, на самом же деле наши прародители пошли погулять на землю, да так в рай и не вернулись. И виной тому был... ага, комар! Набегавшись в лесах и полях, Адам и Ева прилегли отдохнуть на лужайке. Само собой, голенькие. А чтоб тепло было, обнялись. На ту пору комар мимо пролетал да Адама-то и жогнул в мягко место. Знамо дело, Адам от такой неожиданности дернулся — вот так и стали детки-то делаться. За этим занятием они и позабыли вовремя в рай возвратиться, а когда пришли, на райских воротах уж замок висел, пришлось туточки обживать.

20.10.2014 г.

Заец!

27.10.2014 г.

Таракашечки

В поисках мягких домашних тапочек зашел в столовку Оранж Молла, чтоб выпить капучино. Все столики заняты родителями с детской одежкой в руках (шел какой-то типа праздник с конкурсами), поэтому я взгромоздился на одноногую табуретку у барной стойки. Капучино горячий, с пенкой, сладкий — кайф!

И тут ведущий за спиной к детям обращается, объясняет, что они в конкурсе делать должны:

— Так, я вижу, команды уже есть. Это хорошо, дорогие мои! Сейчас мы будем ловить... тараканов! Чтобы потом их засушить, размолоть и сделать приправу!

О как... Я немедленно развернулся. Тараканы оказались довольно упитанными, величиной с ладошку, привязанными к веревочкам, которые надо было быстро-быстро намотать на палочки. Ребятя сосредоточенно крутила руками, наматывая свои веревочки, ведущий удовлетворенно почесывал свою задницу, не забывая выкрикивать: «А теперь следующий! Быстрее, ребята, кухня ждёт!» Родители умиленно блаженствовали.

Бля, куда катится этот мир?

17.12.2014 г.

PicUp в кофейных тонах

Вот эта наглая морда справа чиста как настоящий чоткий реальный пацан завтра будет оштрафован в Пермском Роскомнадзоре, а в районе 15.00 отметит это событие в месте, изображенном на фото.

Для слабо ориентирующихся поясню: «Колизей», рядом с входом в продмаг...

P.S. Девушка в кадре — моя племяшка Ксюха, учится в институте искусства и этой, как ее... культуры!

Еду я на родину!

Надо же, это все-таки случилось... У однокурсницы вдруг наметился юбилей, и она стала активно зазывать народ встретиться/гульнуть/повспоминать — в Белой Калитве. А оттуда до моей родины — хутора Живые Ключи — рукой подать. Так что мы дома скорректировали отпуска, подготовили Сильвера (VW Golf Plus), штурмана (ненаглядную мою) и пилотов (тоись меня и дочь мою Дарью), присели на дорожку и тронулись.

Забегая вперед, скажу, что общий пробег вояжа составил 4840 км. Из железных помощников были два навигатора — у меня в планшете и у Дарьи в айфоне. Нексус подсказывает четко, но жрет ресурсы так, что подпитка прикуривателя не поспекает и через полдня гаджет сдыхает самым подлым образом. Айфон хорош в крупных городах и на федеральных трассах, на местных дорогах он подкладывает порядочную свинью. Нам он несколько раз предлагал приятным женским голосом: «Через 400 метров приготовьтесь припарковать автомобиль, далее придется следовать пешком». И это в 20 километрах от места назначения, в чистом поле, без признаков жилья...

Сильвер молодчага, к нему никаких нареканий, хотя на проселочных дорогах Волгоградской области ему крепко досталось по скуле — видимо, как напоминание немцу о Сталинградской битве.

Средний расход получился 7 л на 100 км. Самая жадная АЗС — наш родной ЛУКОЙЛ, цены к югу задирает и задирает, оплачивать бонусами не разрешает. Ну и фиг на него, на АЗС «Роснефть» и дешевле, и заправлять помогают. Проезжая через Татарстан, попали в неприятную ситуацию: бензин кончается, а заправок нет. Наконец, видим АЗС, заезжаем, а там соляра и бензины А-80 и А-92. 95-го нет! Стрелка на нуле, через десяток км еще одна АЗС с таким же меню — пришлось 10 литров 92-го заправить. Как мне объяснил сотрудник АЗС, дорогие бензины непопулярны, они только в крупных городах спросом пользуются. Имейте в виду.

Полисмены останавливали дважды, оба раза под Волгоградом. Первый попросил документы и полис ОСАГО, заглянул в них, отдал обратно, повернулся и ушел, даже не попрощавшись. Второй посмотрел ВУ, заглянул в салон («А, вы семьей едете!») и пожелал счастливого пути.

К дорогам нареканий особых нет, везде их стараются содержать в приличном состоянии. Ну разве что в Ульяновской области чуть поуже... В пробке стояли лишь однажды, возле Ижевска — попали в час пик

**Донская степь у поселка Горняцкий.
Вдали террикон угольной шахты.
Антрацит выбрали, шахты закрыли.
А запасы коксующихся углей пока
не трогают. НЗ!**

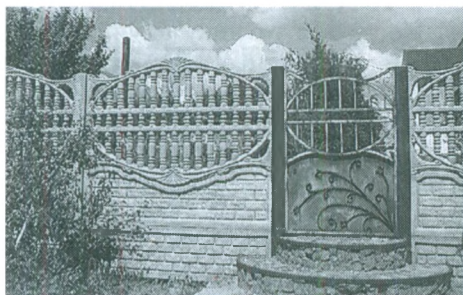
**Подвесной мостик в хуторе
Мариновском (Тацинский район)**

в затор перед ремонтируемым мостом. Крейсерская скорость — строго по знакам, то есть не более 110 км/ч. А больше и не надо, а то придется только в дорогу зенки пучить, не замечая красот нашей земли.

А посмотреть вокруг есть на что!

Города... Когда перед нами раскинулись Набережные Челны — был вздох восхищения. Яркий, красивый город. Волгоград поразили широкими улицами и величием. Везде строятся новые дома, люди стараются, чтобы на их земле было красиво.

По-разному, конечно, к красоте стремятся.

Такие заборы популярны в Обливской. Их ставят просто так или красят, меня даже утомили эти однотипные ограды. Казачьи станицы просторами похвастать не могут. Старые дома маленькие, жмутся друг к другу, улочки узкие, неровные — навевают мысли о близости Кавказа... В Калитве в стар-

рой части города та же история — на улице к гостинице «Интурист» две машины не разъедутся, одна должна во двор заехать или к площади

выехать, чтобы пропустить другую. Колорит, однако...

Зато в парках Белой Калитвы весело!

Я тут пока притомился, поэтому продолжение следует...

25.07.2015 г.

На родине

Хутор Живые Ключи. Как долго я здесь не был! Из поселка Жирнов после ливня дорога стала непроезжей, нам посоветовали ехать через Апанасовку. Там я когда-то работал аж целым завгаром. заехал посмотреть — ни колхозного гаража, ни дома, в котором жил с мамой, уже нет. Зато дорога на Белую Калитву отличная, асфальтированная. Отворот на Живые Ключи, и покрытие сменяется на щебеночное, но качество очень хорошее. Доехали с ветерком.

Въезжали со стороны бывшей молочно-товарной фермы. От нее даже следа не осталось. Ставок (пруд), в котором мы мальцами купались, тоже исчез. На снимке — заброшенный дом Толика Дьяченко. Он как-то раз спал в кухоньке-флигеле (ее уж нет), и внезапно к нему в гости заехал автогрейдер с пьяным водилой — четверть кухни снес, а на Толике ни царапины. Повезло!

Дом моей родной тети Паши. Когда я в техникуме учился, у нее жил на практике. Эх, какой она варила борщ! А в сметане ложка стояла...Сейчас в доме кто-то живет, но на мои зазывные крики никто не откликнулся.

Братская могила бойцов, погибших в ту войну. За памятником ухаживают, список фамилий обновили и укрепили поперек старого.

Правда, раньше позади обелиска был еще памятник: солдат с преклоненным коленом и со склоненным знаменем в руке. А за памятником была школа. Начальная. Школы больше нет...

Вообще очень многое исчезло. Нет, как будто и вовсе не было, клуба, междвора колхозной бригады, колхозного погреба, и двух колхозных садов тоже нет... От магазина остались только полуразобранные стены из силикатного кирпича. Нет каменного дома, в котором я родился, его отец потом продал и купил саманный, подешевле. Но и его тоже нет.

От всех этих потрясений я даже про фотоаппарат забыл.

Зато глубокую балку, разделяющую хутор на две части, улучшили: дорогу через нее отсыпали, приподняли высоко, поэтому ездить через балку сейчас легко.

И вот, наконец, встретилась живая душа.

Вываливаю на него ворох вопросов, он пытается дать ответы, но слегка путается, говорит, что его мама может рассказать обо всем подробно.

— А фамилия ваша какая?

— Левченко.

— Мать — Татьяна?

— Нет, Танька — это сестра.

— Постой, так у тебя же есть брат-близнец!

— Точно, нас трое братьев родилось, но один умер...

— Ну ты же должен меня помнить, мы по соседству с твоим дедом Макаром жили...

— Это ты мне сигареты «Райс» продавал, такие с фильтром, но крепкие?

— Ага, дед Макар только собственный самосад курил, а сигареты с фильтром баловством считал, вот я ему специально тогда и купил кубинских в Лихой, чтоб знал, какие с фильтром бывают.

— Ну, а мы тебе и заказали прикупить...

Дальше разговор пошел легче. Сергей года на два старше меня, уже на пенсии. Повспоминали общих знакомых, кого куда закинула судьба. Он еще раз пригласил сходить к его матери, но мы уже торопились — опаздывали на празднование юбилея однокурсницы. Ну зато теперь знаем, к кому в следующий раз заезжать.

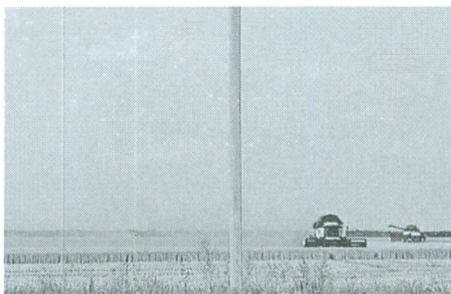
27.07.2015 г.

Memento mori

Волгоградская область. В этой земле покоятся солдаты той войны. Среди них — дедушка моей жены. В похоронке, пришедшей домой, было указано, что похоронен он в хуторе Лисинском.

После посещения Мамаева кургана мы забили это название в навигатор, и повел он нас такими дорогами, что просто загляденье. Слава богу, не было дождей, а то мы и сейчас еще буксовали бы.

Лесополоса сплошь из дубов. На веник веток наломать не вышло — листья уже жесткие...

Уборочная страда. На таких комбайнах работать — в удовольствие, в кабинах даже кондиционеры есть.

Однако в малых фермерских хозяйствах и старую технику уважают. Это, кстати, дом фермера и крытый зерноток в хуторе Лисинском. Но там воинских захоронений нет. Братская могила есть на кладбище в соседнем ху-

торе Суляевском. Едем туда.

Братскую могилу мы нашли в старой части кладбища со второго за-

хода. После расспросов местных жителей. Они рассказали, что в этой местности боев не было, но в старой школе был госпиталь, умерших от ран хоронили на кладбище. В братской могиле похоронены 6 или 7 бойцов.

Стало понятно, что мы приехали не в тот Лисинский, потому что наш дедушка не в госпитале скончался, а погиб в бою. Его

похоронили в х. Лисинском, который затопило водами Цимлянского водохранилища. Сейчас мы уже знаем, что нам надо было ехать в Суrowsкий район, в хутор Нижнемельничный — наш лежит там после перезахоронения. Ну что ж, в другой раз доедем...

А в этом Лисинском есть и отдельные могилы с военной поры.

«Петр Васильевич Ермолов. Родился 1905 г. Умер 21/V-1943 г. (Член ВКП(б) с 1930 г., директор Разметинской МТС). Вечная память тебе, дорогой друг — верный сын партии Ленина-Сталина».

Подобные памятники, но без табличек, заржавленные, видны в зарослях старинного сада, к которому примыкало кладбище. Яблони, терн, вишни, крыжовник растут среди могил.

А мы покидаем это кладбище с легкой грустью.

Покойтесь с миром — вы все равны перед Вечностью, и мы к вам тоже придем, попозже, вы уж подождите...

18.12.2015 г.

Надежда и опора

Сходил вчера на заседание дискуссионного клуба старшеклассников в Березниковский историко-художественный музей.

Думал, что встречу этаких органчиков с заложенной в мозги установкой «Слава партии родной».

А вот и нет! Хорошие ребята. С живым интересом к происходящему, со своими предположениями о работе СМИ. Я представлял газету, красивая девушка — гляцевый журнал (есть у нас, оказывается, в городе

такой!), а телевизионщики работали, в дискуссии не участвовали, но о них мы тоже поговорили.

Вопросы задавали на самые разные темы по журналистской работе, а потом поднимали проблемы и уже сами отвечали на вопросы, аргументированно защищали свою точку зрения. Ну, например, о необходимости или запрете цензуры, надо ли рассказывать о неприятной правде, об ответственности СМИ, о пропаганде, о рекламе.

Они из разных школ, и сами разные — кто-то стеснителен, кто-то очень активен, равнодушных нет. С ними хочется общаться, и это здорово.

Вот так я встретил «племя младое, незнакомое». И жутко доволен. Им страну поднимать, и они справятся.

8.01.2016 г.

Оля Хан

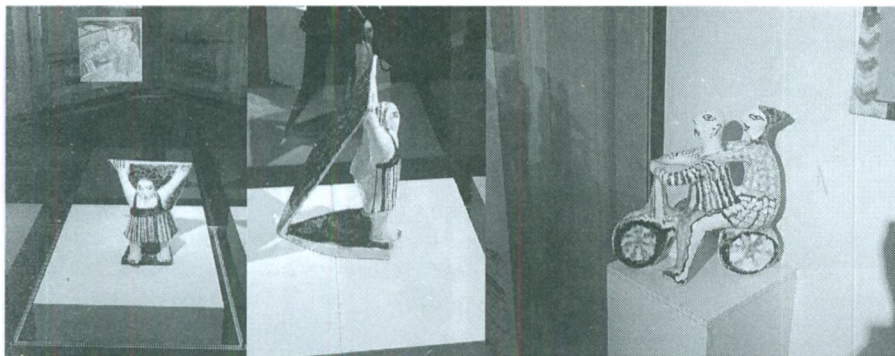
Вот такая скульптура малых форм. Правда, восхитительно!

В ресторанчике заиграла музыка, и галантный кавалер пригласил свою темпераментную даму на танго. А она не возражает! :-)

Это уже суровый быт, окрашенный романтическими тонами. Я аж припевать начал: «Ты морячка — я моряк, ты рыбачка — я рыбак!»

Догадались? «И между строчек Синий платочек Снова встаёт предо мной».

«Поедем, красотка, кататься — давно я тебя поджидал!» Что-то меня на песни пробивает, глядя на эти милые и забавные фигурки, вылепленные Олей Хан и выставленные в Строгановских палатах в Усолье.

Ого, какие страсти!

Но слишком любвеобильные граждане рискуют запутаться в отношениях 2х3, и тогда хоть разорвись:

Столько эмоций передано в небольшой композиции: на одну кричу, с другой милуюсь — трагическая развязка неизбежна...

Но мы очень любим Олю Хан и всегда ждем ее с радостью и предвкушением новых открытий.

5.01.2016 г.

Любить по-русски

Ах, как польхает гроздьями ягод рябина — глаз не оторвать! Андрей Захаров признается, что это любимое его деревце, и он готов рисовать его снова и снова. А рисует мастер с натуры, поэтому от любой его картины исходит особая — нет, не аура — атмосфера. Подойди поближе, и в лицо пыхнет морозной свежестью сугроба у старинной избы, или теплым обволакивающим воздухом ночного парижского кафешантана, или чуть прелым запахом опавшего золота листвы... как ему это удается,

наверное, и сам художник объяснить не сможет. И не надо. Достаточно прийти на выставку и окунуться в мир чувственного восприятия мира.

«Свободные грани русского импрессионизма» — так называется выставка Андрея Захарова в «палатах Строгановых». Казалось бы, академическая манера письма должна дрогнуть перед методами современного искусства и уступить им дорогу. Но нет, искусленный зритель подолгу зачарованно стоит в раздумьях перед каждой картиной, улыбаясь нахлынувшим чувствам, или пытаюсь уяснить для себя что-то новое в привычном глазу сюжете. Почему я вижу этот дом каждый день, но только после того как он был запечатлен художником, с изумлением отмечаю его неброскую, щемящую красоту?

Вот я прохожу мимо холста, и в меняющемся освещении краски вдруг заиграли, показалось, что парочка на картине шагнула на дорогу, наперерез автомобилю... Останавливаюсь — и вижу только пестроту мазков. Делаю шаг в сторону, теперь чуть назад — вот оно, волшебство игры красок! Как много, оказывается, зависит от освещения.

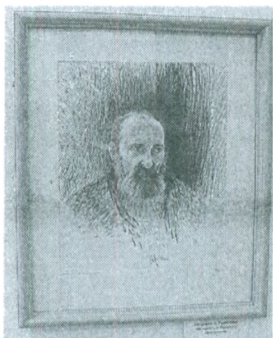
Андрей Захаров не впервые в Усолье. В сентябре он давал здесь мастер-класс на пленэре для местных художников. А созданную здесь картину подарил музею. И на открытии выставки оставлял почитателям автографы рядом с этой картиной.

Теперь мы можем гордиться тем, что мэтр русского искусства не только почтил нас персональной выставкой, но и оставил здесь частицу себя навсегда. Это так по-русски — любить и быть щедрым.

6.02.2016 г.

Алексей Решетов

Портрет работы Геннадия Шварева.
Решетов тут мощный такой, философиче-
ский.

У меня почему-то в голове завертелось:

*Пушай не могу веселиться
Без доброй бутылки вина,
Но Пушкин в глазах не двоится
И Родина в сердце одна.*

Можно было бы напрячь мозг и вспомнить подходящее изображению — у Решетова много хорошего. Впрочем, Родина у нас одна, но любовь к ней легче познается с бутылкой. Судьба поэта была непростой, Родина показала, как ее надо любить: отец расстрелян, мать прошла через лагерь, брат повесился...

Вон в соседнем зале скульптурка называется «На призыв вождя» (Автор Ахун Садри Саахович).

Что за головной убор у красавицы, не пойму. Ну, неважно. Важно понять, к чему нынешний вождь призывает. Со всех сторон снова раздаётся похожее на «Жить стало лучше, жить стало веселей», «Кто не с нами, тот против нас». По-оперетточному, но жутковато...

Это я в музее побывал в Березниках, уж про-
стите за минор.

5 ноября 2016 г.

Молоденькая татарочка написала. Настоятельно рекомендую к чтению. О женщине-крестьянке, которой всячески помыкали свекровь и муж, а потом она попала в раскулаченные. Жуткая история, через которую прошла значительная часть населения. И как написано! Нет чувства бессилия, автор сумела передать правоту любви. И правду.

Примерно с год назад я прочитал «Обитель» Захара Прилепина. О зоне при Сталине. Увлекательное чтение. По канонам американского боевика. Супергерой, побег и всё такое. Так вот, у Прилепина правды нет, лишь бойкий слог. А у Яхиной — талант и правда.

23 февраля 2017 г.

Книжки читаю, просвещаюсь.

«При укреплении фундамента Строгановских палат раскрыта их страшная тайна — обнаружена темница-тюрьма с чугунным полом и массивной кованой дверью, в тюрьме найдены вделанные в стену цепи с ошейником. Вот какой застенок для непокорных был у Строгановых!».

(Кама. Путеводитель. — Молотов, 1956. С. 72. Текст подготовил С. Ф. Николаев).

«Реставраторы, исследуя дом Строгановых, пытались попасть в подземные тоннели, выходящие из него, но помешала обильная грунтовая влага. Объекты, которые чудом сохранились и, как нигде, были доступны для наблюдения, оказались за семью печатями. По-видимому, в Усолье теперь уже никогда не удастся изучить подобные сооружения, так как подъем речной воды в результате образования Камского водохранилища способствовал подъему грунтовых вод».

(Слукин В. М. Тайны уральских подземелий. — Свердловск, 1988. С. 43).

Встречаю Стаса Хоробрых, директора Усольского историко-архитектурного музея, и спрашиваю, почему он не оборудует «пыточную» для туристов — аттракцион имел бы бешеный успех. Стас досадливо морщится.

— Ох уж эти краеведы! Кто-то один запустил «историю», а другие потом повторяют. Из одной книжки в другую. Мы, когда в Палаты заходили, никаких чугунных полов не обнаружили. В каретной пол был каменный, в других помещениях пола не было. Это Демидов в Невьянске мог себе позволить и двор вымостить чугунными плитами. Но у него собственный металлургический завод в двух шагах! А в Усолье откуда-то везти — слишком накладно... История с цепями была в ходу в связи с пропагандистскими целями — я слышал, что эти цепи в конце концов рассыпались, так как были изготовлены из папье-маше для агитбригады. Подземный ход строить тоже резона не было — рядом берег Камы, песчаная коса, каждую весну по улицам Усолья на лодках катались. Но байки всё равно гуляют, я иной раз их слышу даже от уважаемых музейщиков.

Укрощение строптивого

В деревенской жизни кроме прелестей чистого воздуха и единения с природой встречаются и менее приятные моменты. Идёте, к примеру, по улице, раскланиваетесь с туземцами, и вдруг вам под коленки рогами — фига! Коза норов показала. Или собачья «свадьба» вокруг обомлевшего городского гостя хоровод заведёт. И хоть плачь...

Конечно, можно проявить решительность и на манер шолоховского Нахалёнка проскакать верхом на свинье аллюром три креста. Однако взрослому человеку так вести себя неприлично. В общем, надо что-то делать. Как вы понимаете, сельские обыватели тоже страдают от неожиданных вывертов братьев наших меньших и поэтому наносят, так сказать, превентивный удар. То есть не удар, но действенную меру в каждом конкретном случае.

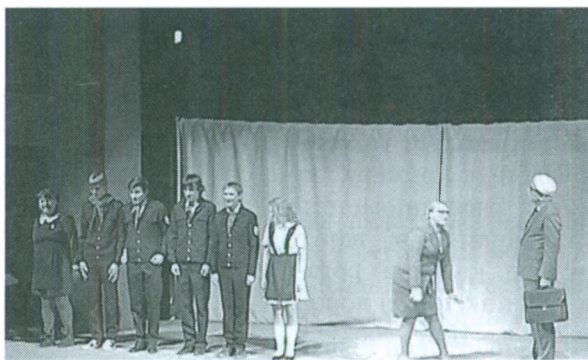
В Усольском историко-архитектурном музее «Палаты Строгановых» я увидел фотографию гусей с перьями, вставленными в ноздри клюва. Поинтересовался, откуда фото и зачем перья?

Снято во время фольклорно-этнографической экспедиции в Берёзовском районе. Оказывается, таким способом утихомиривают воинственный пыл грозной птицы. Гусь ревниво охраняет своё потомство, и запросто может поклевать гусят чужого выводка или кинуться с грозным шипением на человека. Я в детстве, бывало, во все лопатки улепётывал — пощипает так, что мало не покажется! А пёрышко гусаку явно мешает, он пытается избавиться от него, тут не до ведения боевых действий...

А вы какие способы обуздания «мирной» скотинки видели (или даже самолично применяли)? Давайте делитесь!

Школа для дураков

В Березниках на гастролях — Театр юного зрителя из Перми. Когда-то я возил к ним своих десятиклассников смотреть «Грозу» Островского. Очень мощная была постановка. А вчера мы с женой поехали смотреть «Школу для дураков» Саши Соколова.

Сашу Соколова я не читал, в афише было что-то про абсурд, я приготовился к встрече с комедией.

Не комедия. Нет, сидящие в зале очень даже могли представлять себе, что перед ними комедия — смех периодически раздавался. Наверное, думали, что изображаемое слишком утрировано и гипертрофировано, специально для эффекта...

А я учился в школе-интернате, не спецшкола, но сцены чуть не один в один. Вот, например, один паренек изображает, что пишет на штанину другому, они начинают драться. Я вспоминаю себя, новенького в седьмом «Б», как после подъема мы топаем в туалет, и кто-то сзади фурит мне на брюки. Я опешил от такой наглости, а мальчишка справа говорит: «Хули ты смотришь? Въеби ему с правой, иначе тебя тут потом зачморят!» И я приложился с разворота кулаком в подбородок — обидчик упал, но драки не было, все радовались, даже упавший. Мол, новенький — правильный чувак, свой, проверку прошел, за себя постоять сможет. К слову, сразу после сдачи экзаменов за 8 класс пятеро моих однокашников пошли топтать зону для малолеток.

В общем, зрители посмеиваются довольно, а я — горько. Потому что абсурд взят не из головы писателя, а напрямую из жизни.

Слава богу, были у нас и хорошие учителя, которые выбивались из среды подхалимов, садюг и педофилов. И в пьесе тоже показан такой учитель, который оставался человеком и подавал пример дурачкам-воспитанникам. И актеры к концу спектакля все-таки вытягива-

ют из зрителя нужную мысль: абсурд — он везде, вся наша жизнь — школа для дураков, а надо бы человеком стать/быть/оставаться в любой ситуации.

16.05.2017 г.

Слово о поэте

Михаил Хачатурян написал о Решетове для одной из березниковских газет. Есть над чем поразмыслить.

Слово о поэте

На интервью с другом Алексея Решетова Павлом Петуховым я пошел с бутылкой водки. Нормальный журналистский ход, если пользоваться им в исклю-

чительных случаях. А случай стоил того, ведь водка была напитком, «цементирующим» дружбу березниковских поэтов-шестидесятников — Решетова, Петухова, Маркова. В ней, и, конечно же еще в женщинах, они черпали в прямом и переносном смысле этого слова, свое вдохновение.

Да и вряд ли, приди я к нему без бутылки, Павел Петухов рассказал бы мне один замечательный случай. О том, как они с Решетовым, после какой-то творческой вечеринки, долго не могли отыскать дом, в котором проживал Павел Иванович на улице Свердлова.

— Ходили, рассказывал Петухов, кругами, а потом, отчаявшись, стали спрашивать прохожих: Подскажите, где здесь находится дом поэта Павла Петухова ?

Задавал я Павлу Ивановичу и такой вопрос: А как относилась к Решетову местная партийная верхушка? Дословного ответа не помню, но сказал он примерно то же самое, что и другой березниковский друг Алексея Решетова, Юлий Полуянов: — Настороженно. Тогда ведь было модно слагать пафосные стихи о величии страны, а Решетов писал о душе.

В представлении чиновников (этот вывод я уже сделал сам), поэт должен быть трезв, лоялен, понятен. Быть восторженным и пахнуть духами. Решетов, слава Богу, был другим. И поэтому, человек, порой

разливавший водку в подъезде (об одном таком случае мне рассказывал Юрий Марков) и деливший с друзьями селедку на клочке газеты, оказался, по моему «еретическому» мнению, на порядок выше и талантливей представителей столичной поэтической богемы. То что это не является общепризнанным фактом говорит лишь об одном — славу приносит прежде всего не талант, а бренд — город, связи, тусовка. По меткому выражению пермской писательницы Нины Горлановой, «поэт в Чернушке меньше чем поэт» и этим все сказано.

Феномен Решетова в том, что даже живя в провинции и являясь по жизни неустроенным человеком с трагической судьбой, он сумел «протаранить» обросшую толстым слоем равнодушия душу обывателя. У поэтов ведь все не так как у заурядных людей.

Проверено временем: если тебя не «ломает» от жизни, если ты благополучен, накормлен и крепко спишь по ночам — ты не поэт, дружище, даже если ловко складываешь рифмы.

Поэту, чтобы раскрыться, кроме, само собой, огромного поэтического дара, нужна «кислотная среда», страдания и оголенные нервы. В этом смысле, есть нечто роднящее Решетова с известным поэтом из Екатеринбурга Борисом Рыжим, который повесился, не дожив до 27 лет. Казалось бы, интеллигентные родители, образование, работа, семья — все внешние атрибуты благополучия, но... настоящие поэты выбирают иное, или они не поэты — в этом все дело.

И последнее. Кто бы что ни говорил, а Россия еще не оценила по-настоящему Алексея Решетова. Тот же решетовский фестиваль — местечковое событие, в то время как Решетов — явление глобального масштаба. Появится ли в Березниках когда-нибудь поэт такого же уровня? Боюсь, что вряд ли. Слишком много должно совпасть — уникальное дарование, трагическая судьба, переломная эпоха.

В нашем городе тысячи людей и при жизни Алексея Леонидовича и после него рифмовали строчки, десятки из них выпустили собственные сборники. Среди них журналисты, рабочие, педагоги, домохозяйки и даже один бывший топменеджер калийного гиганта. Можете кидать в меня камни, но отличие поэзии Алексея Решетова от всего этого массового творчества лучше всего иллюстрирует одно стихотворение поэта:

*Раздвигается валежник,
И, размером с ноготок,
Появляется подснежник,
Первый истинный цветок.
Расцветет потом и роза,*

*И звездика, и репей.
Но все это будет проза.
А поэзия — теперь.*

6.05.2017 г.

Провал в Усолье

Утром 5 мая на дорожке, ведущей к «Палатам Строгановых» провалился небольшой кусок покрытия. Работники музея — люди любопытные. Вооружившись шестом, они попробовали измерить глубину провала. Полость глубиной более трех метров уходит в сторону колокольни Спасо-Преображенского собора, грунт рядом с провалом слегка просел в направлении от колокольни к Палатам.

Директор музея оповестил о ЧП местное подразделение МЧС. Прибывший специалист дал рекомендации ничего не трогать, оградить место провала и сообщить о случившемся археологам, чтобы дальнейшие действия координировались учеными. Исследовательские работы начнутся 15 мая.

Что это — подвижки оттаявшего после зимы грунта, карстовый провал (маловероятно) или последствия промышленной добычи песка,

которая велась на Каме в 1970-е годы в непосредственной близости от Палат? Время покажет...

В любом случае это зловещий знак для памятников истории и архитектуры. Три месяца назад я писал об опасности обрушения колокольни прямо на Палаты Строгановых. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1386545441418666&id=100001896709316

Теперь эта угроза становится явной.

Потому что очень дорого. Федералы и РПЦ, похоже, тоже ждут доброго дядю со стороны.

Так что же, наше будущее — руины?

31 мая 2017 г.

Про соль

В соленых ключах наши предки устанавливали рассолоподъемные трубы, а затем из выкачанного рассола добывали соль. В 1986-87 гг. Г.А. Бординских в урочище Рассолы на реке Боровице, выше по ее течению от села Верх-Боровского, открыл и исследовал первый и единственный

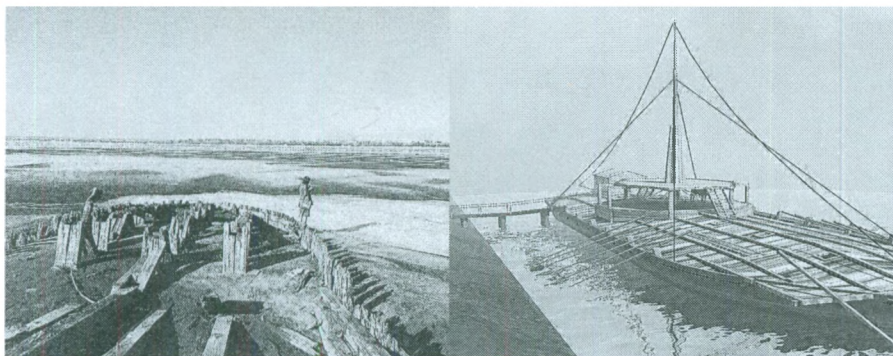

известный комплекс по производству соли родановцами. По его реконструкции, яму-отстойник, расположенную на высоком берегу, внутри обмазанную и забуртованную глиной, заполняли рассолом. Рядом на

костре накаляли камни, которые затем опускали в яму с рассолом. По мере испарения воды рассол сгущался, затем концентрированный рассол выпаривали в железной сковороде над очагом из камней. Огонь в очаге разводили слабый, чтобы процесс выпадения соли в кристаллы был постепенным —

при слабом кипячении рассола получается более мелкая и чистая соль. Таких комплексов в Прикамье было много — родановцы к X веку уже были достаточно многочисленны. Они не только производили соль для себя, но даже экспортировали её в Волжскую Булгарию. Об этом упоминает персидский писатель Ауфи, опираясь на арабские источники X века: «... жители Булгар совершают поездки в их (югры) страну и привозят одежду, соль и другие вещи...».

Шло время, добыча соли становилась более передовой, но и о старой технологии прикамцы не забывали.

25 мая сотрудник музея «Палаты Строгановых» Николай Лягаев обнаружил на берегу Камы металлический предмет округлой формы, извлек его и показал специалистам. Виктор Цыпуштанов предположил, что это фрагмент чрена (црена) — сковороды, в которой выпаривали соль.

Директор Палат Стас Хоробрых вспомнил, где на подтопленной сейчас территории жители видели предметы солеваренного промысла — есть повод создать экспозицию о добыче соли. Можно также включить в обзорную экскурсию поход к затопленной барже-солянке, остов которой открывается, когда уровень воды в Каме опускается.

На илл.:

Находка Николая

Древний способ выпаривания соли

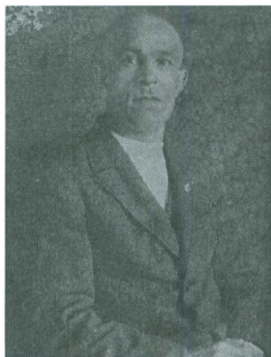
Останки баржи-солянки и как она выглядела

8.06.2017 г.

Дед

У Геннадия Васильевича Гладких есть альбом с названием «Род».

— Мама много рассказывала о наших родственниках, а я только слу-

*Ласкутов Михаил Григорьевич
Родился в селе 2-я Ключевка, Чебаркульского р-на,
Челябинской обл. в 1894г. Казак.
В 1916г. женился на Кубарзиной Екатерине Ивановне
В 1918г. окончил медучилище в г. Оренбурге. Работал
фельдшером в своем селе.
В 1930г. сослан, со своими братьями (Зеленов) в с.Хреновское,
по ст. 78. По пьянке казаки спели песню... «асоро дали иголку,
краенки бурей крошка». В 1933г. освобожден и направлен
на работы в село Березовка. Завоевывали зарплатника.
В 1936г. приехал в г. Березники, где работает зав. складом
помощью. Добр. Люблю людей, жену, детей.
Но как соборил баба Катя, мать, переласе
от его женских пожеланий.
Люди не отдавать последнюю рубашку (говорила
баба Катя).
У него родились 3 дочери: Ано - 1916г.р. Нина - 1922г.р.
Танюша - 1936г. (умерла в 1958г.)
В селе завел тушек, и ушей 19.8.1938г. Похоронен в
селе Березовка.*

Михаилу 12 лет. Он стоит рядом с матерью, а отец положил ногу на ногу.

Чебаркульские казаки.

Фельдшерско-акушерский пункт в с. Березовке (Усольский район)

Начальник Березниковской
«скорой» в своем кабинете

шал. А сейчас понял, что надо собрать и сохранить, что пока еще помню. Чтобы внуки и правнуки знали.

Я с разрешения Геннадия Васильевича переснял снимки его деда по материнской линии. Это он на фото. Лоскутов Михаил Григорьевич.

А у вас есть такой семейный альбом?

4.07.2017 г.

Последний адрес

Был сегодня на установке памятной таблички «Последнего адреса».

Инженер Березниковского химкомбината Витольд Свидерский арестован в 1937 г., расстрелян в начале 1938 г. Полностью реабилитирован в 1957 г.

Перед установкой таблички координатор проекта по Пермскому краю Александр Чернышов рассказал о трагической судьбе человека.

Проект нужный, заставляющий задуматься о нашей непростой исто-

рии, раскрывающий правду. Дома, в котором жил Свидерский, уже нет — снесли как ветхое жильё. Поэтому на табличке написано: «Рядом был дом, в котором жил...» Чтобы разместить табличку, надо получить согласие жильцов. В доме по ул. Березниковской организаторам акции отказали, старший дома заявил, что человек был осужден по статье за шпионаж в пользу фашистской Германии, и жильцы против. А в Ардуановском переулке не возражали. Но на мероприятии все-таки нашлась женщина, которая выступила против установки таблички. Правда, аргументация у нее была другая.

— Я не имею ничего против Свидерского и сочувствую его родственникам. Однако памятная табличка может помешать признать дом аварийным, и мы не сможем получить новое жильё.

Ей постарались корректно объяснить, что она заблуждается. Если дом будут сносить, табличку снимут и поместят на хранение в музей до тех пор пока не определят нового места.

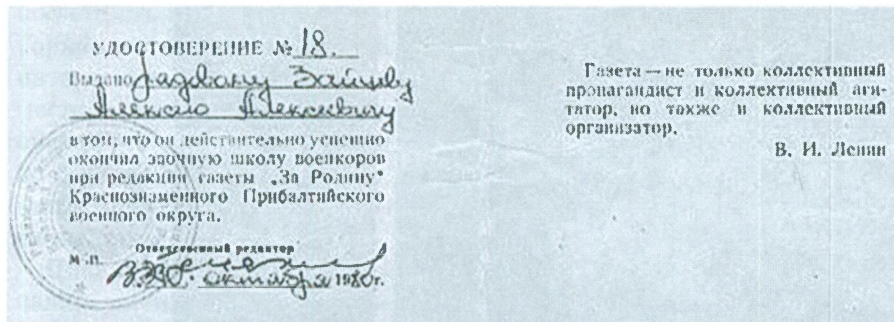
Чуть позже в музее прошла небольшая по времени конференция, на которой с докладами о репрессиях в Березниках в годы Большого террора выступили научные сотрудники учреждения и гости мероприятия.

А мне хочется, чтобы у нас в Романове появилась табличка «Последнего адреса» на церкви. Бывший ее настоятель иеромонах Григорий Честиков, после того как его дом советская власть отобрала, жил в храмовой келье.

Интересно, будут ли противники...

Личный раритет

В журналистской среде принято интересоваться: а какой универ ты окончил. Своих, само собой, поддерживают, к остальным относятся снисходительно. У нас высоко котируется УрГУ (Е-бург), Пермский вообще не считается. МГУ... Была у нас девица с дипломом МГУ. Нет,

девушка хорошая, но лучше бы ей не говорить, что она там училась. А у кого всякие там педагогические — те вообще приبلудные. Вот такой снобизм, который нет-нет, да и прорывается.

bolshoymike при подобных поползновениях смотрит на вопрошающих снисходительно — у него ВГИК. Всё. Меряться нечем!

А мне подобные штучки по барабану. Потому что у меня для особо надоедливых такая экзотика в биографии — мало где встретишь.

Студенческие байки на этом фоне меркнут. Одно название газеты чего стоит. Оно, кстати, в удостоверении с ошибкой пропечатано: не хватает восклицательного знака. «За Родину!»

А вы говорите — Гаити, Гаити... Мы в местах поинтереснее бывали :-))

30 июля 2017 г.

Возвращение имен

Акция «Возвращение имён» в Березниках состоялась. Спасибо всем, кто откликнулся на призыв «Мемориала» вспомнить безвинные жертвы сталинского террора. Акцию поддержал о. Сергей. Поэт Иван Волков затронул тему репрессий в своих стихах. Исследованием трагедии «Большого террора» занимаются в Березниковском историко-художественном музее им. И.Ф. Коновалова. Почти каждый из зачитывающих скорбный список отмечал, что тема знакома людям не понаслышке. Очень трогательно рассказал о трагедии в

семье своего дяди Марс Мусин. Интересно, что к микрофону подходили и просто гуляющие по скверу.

Да, нас было немного, но начало положено. Надо проговорить каждое имя. Вслух. Чтобы живущие сейчас услышали: в прошлом в поисках «врагов» напрасно пролиты реки крови, не стоит повторять печальный опыт. Один из участников акции сказал: «Я надеюсь, что через 80 лет на подобном мероприятии не будут звучать наши имена».

15.12.2017 г.

Друзья мои, я всем вам благодарен!

Итак, я уже дома! Операция в НИИ им. Бурденко прошла успешно. На что я рассчитывал? Ну, с учетом того, что в голове сидела еще одна опухоль, хотелось какой-то определенности. Первую опухоль мне удалили в Перми, в ГКБ №1. Нейрохирург Пономарев Евгений Иванович — специалист высокого класса. Он посоветовал не затягивать с удалением второй опухоли. Как вариант поискать клинику, имеющую на вооружении гамма-нож. Это такая штука, которая выжигает опухоль без оперативного вмешательства.

В итернетгах гамма-нож очень высоко котируется в Питере, а мы обратились за консультацией в Москву, в НИИ им. Бурденко. Получили приглашение, но консультант сказал, что гамма-нож нам не годится. Потому что надо обязательно выяснить природу опухоли, сдать часть ее на гистологическое исследование.

«Вот сделали же вам в Перми операцию успешно — пусть вторую теперь сделают!». Блин, к такому я морально не был готов. В бой вступила тяжелая артиллерия — тоись жена. «Вы чё, говорит, удумали?». В итоге консультант Саникидзе попросил коллегу из отделения нейротравмы

посмотреть мой случай. Врач Горяйнов посчитал случай интересным, так я получил место и начал готовиться к операции. Купил колготки по случаю (обязательно надо, чтобы предотвратить образование тромбов).

Пока лежал в ожидании, в палате сменились два постояльца. Земляк-ростовчанин операцию мог бы не делать — всю неделю после он только вел деловые переговоры.

А вот товарищ, с которым я сфотался, реально меня потряс. Это боевой бурят. 43 года. Водитель. Давление зашкаливает, жена, после того как узнала о болезни, бросила его. Вдобавок ко всему дома с него сняли инвалидность. Но парень оказался стойким: в Центр приехал с новой женщиной, которая ухаживала за ним, как будто так и надо. На выходные они уезжали к своим знакомым бурятам, там наш герой накатал телегу Путину с жалобой на местных вымогателей мзды, собирается еще и на 1 канал обратиться — всех, говорит, разоблачу...

Очень жалко молодых. Парню 27 лет, женился 2 декабря, и вот приступ случился — задохнулся...

Что хорошо в моем случае? Всё! Жена — любите своих милых, мужики. Знаю, что я часто был несправедлив к ней... Но повезло мне с ней, ох как повезло...

У меня замечательные друзья. Мы подолгу разговаривали с Юрием Филипповичем Змеевым — поддержка краеведов просто замечательная. Конечно, с Шиловым тоже подолгу разговаривали. Ну, а Галя Елтышева и коллеги из редакции — это особая песня. И вот это вот «будем кулаки за тебя держать» — дорогого стоят именно как дружеская поддержка. Без всяких намеков на божественное провидение. Вдобавок оперировал меня сам руководитель НИИ нейрохирургии Александр Александрович Потапов, доктор м.н. В общем, круто получилось. Девушка-анестезиолог родом из Кунгура, каждое лето ездит к своим. Оказалось, кругом свои люди! :-)) Дала мне веселящего газа. Прикольно так голос меняется.

Часика через три после начала операции меня уже привезли в палату и на другой день я начал шкандыбать по коридору, типа прогуливаться. Вечером приехала дочь Даша (отпуск организовала, а Ольгу мы домой

отправили, чтоб таньгу зарабатывать, кто-то же должен это делать, раз я тунеядец), выписала круглосуточный пропуск, чтобы поухаживать за беспомощным папашкой, в итоге слушала, как два мужика задают храпака.

Да, а в Перми ей несладко пришлось — и с ложечки меня кормила, и речь с памятью помогала зарабатывать. Здесь, говорит, даже скучновато...

Утром на обходе вся бригада, которая надо мной трудилась, придирчиво так проверила мои реакции, спросили про самочувствие. Я говорю, всё шик и блеск, жалоб нет. В общем, смотрю, все довольны.

Хотя случаи всякие бывают. Бедный бурят сразу узнал про то, что его собрат по вере, калмык, умер после операции. Всех предупреждают о риске... Очень его это напрягло. Хотя лично у него опухоль не злокачественная. Просто жить после потом без инвалидности. А что, я б согласился.

Через неделю всякого выписывают — хватит казенные деньги проесть!

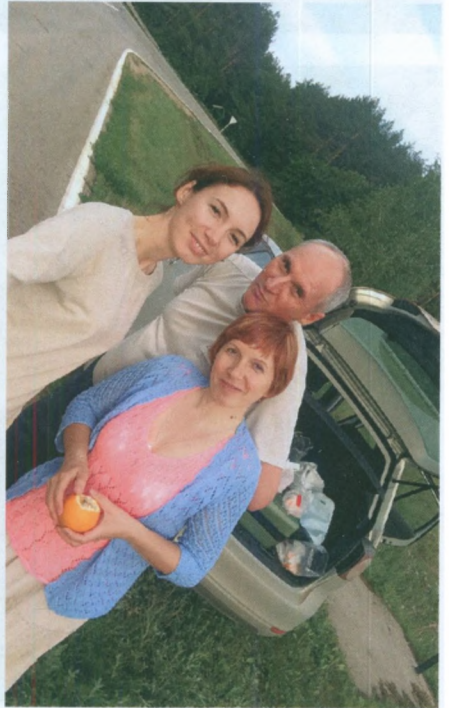
И полетели мы на самолетике-аэробусе компании S7. Щас там кормят токо бутерами, ну чаю еще нальют или соку, если попросишь. Маловато будет! Поэтому мы прикупили в Домодедове мощный бургер и слопали его на пару прямо в зале ожидания. А на Боингах ваще токо попить дают, чтоб шибко не расслаблялись...

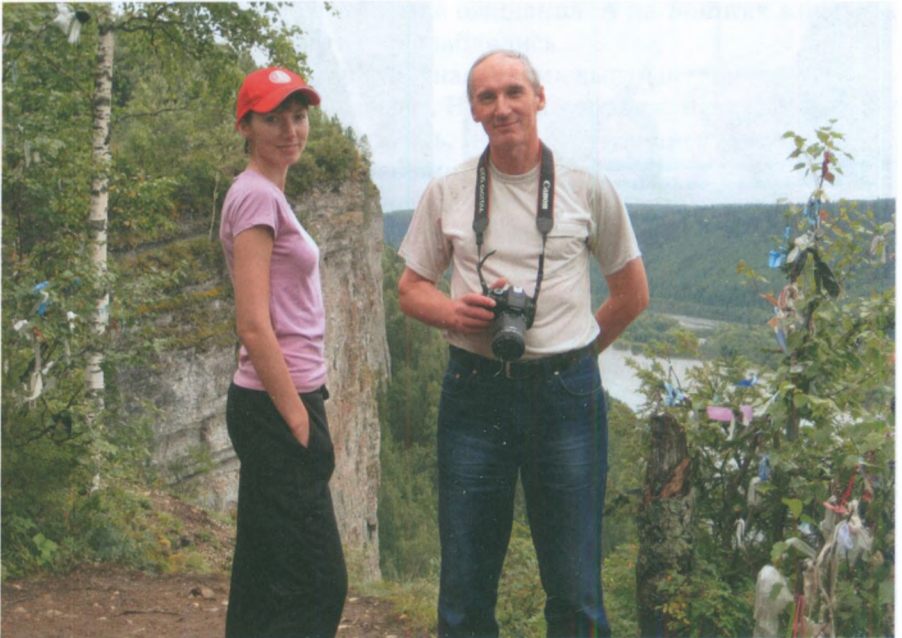
Полет прошел нормально, ночная Пермь выглядит просто обалденно. Прилетели в новый аэропорт. Настраивались на мелкие пакости, о которых в интернетах начитались, но слухи оказались наглым клеветом — всё работало безукоризненно.

А на другой день я уже консультировался с радиологом Пермского онкоцентра. Ибо впереди химиотерапия и пушка. На МРТ записали на 29 декабря — так что Новый год встречу весело.

Ну, всем бобра!

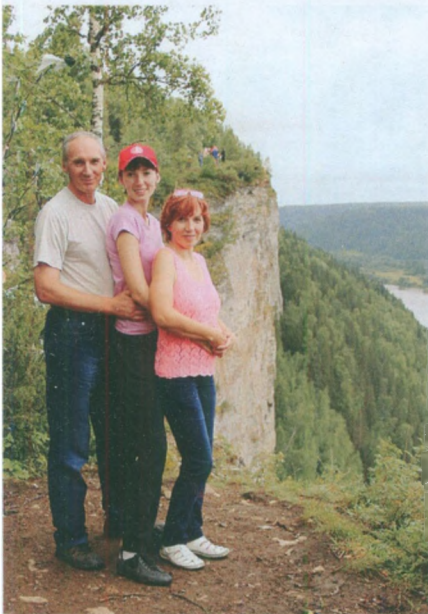
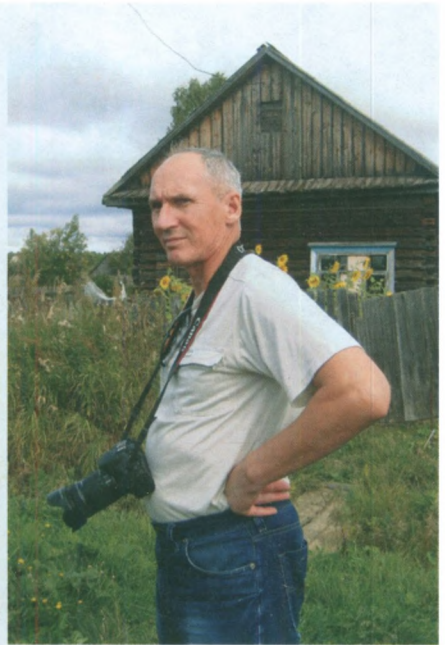

Собрания в Остроужском.

Менее вероятно, если бы
и не было бы у нас в доме,
Мы все вместе сейчас и знаем
и все пережить сейчас.

Для удобства молодого мужа
Билетов всего в количестве 2000.
Депутату знаний откликнуться
Коллекции наших педагогов.

Все же в гробе и в труде
Хотел бы я увидеть наши слезы
Мы будем жить в одной семье
Смоленской дружиной и вселенной.

И мы все вместе, друзья,
С юностью нашей нашей
И в том же все дела
Делать и в том же гробах.

09.82г.

Наша жизнь, наверное, море,
Зачем нам сейчас это
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

Мы не знаем, что такое жизнь,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

Но в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

Нужно прожить, а в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

18.03.85

Да, наверное, не было бы
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

Мы в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела,
И в том же все дела.

18.03.85

Глава 4
И ЭТО ВСЕ О НЁМ
(воспоминания об авторе)

Александр Лаврушин, коллега, фотожурналист:

Памяти Алексея Зайцева

Если честно, я не помню, где и при каких обстоятельствах познакомился с Алексеем Алексеевичем Зайцевым. Точнее знаю, что это было где-то на рубеже 2006 и 2007 годов, но меня не покидает ощущение, что мы были знакомы всегда — настолько компанейский и добродушный это был человек.

В то время я работал фотокорреспондентом в издательском доме «Типография купца Тарасова» — в газете «Березники вечерние», а Алексей Зайцев трудился корреспондентом «Березниковского рабочего» — главного и старейшего издания в городе.

И вот однажды, благодаря легкой руке коллег, а также благодаря тому, что я начал немножко подрабатывать и для «Березниковского рабочего» своими фотографиями, судьба свела нас вместе с Лешей. Да, мы как-то сразу перешли на ты не смотря на значительную разницу в возрасте, что еще раз подчеркивает его природное дружелюбие.

Затем, спустя некоторое время Алексей Алексеевич перешел работать к нам в «Вечерку», мы стали вместе ездить на репортажи и ломать голову над иллюстрированием первых полос в угоду владельцу издания. Надо сказать, что эта задача отнимала много моральных сил, потому что желания и представления руководства о первополосной фотографии часто менялись, но вот как-то почти всегда получалось у нас сдюжить что ли, в том числе, я уверен, благодаря природному Лешиному оптимизму и находчивости.

В 2009 меня позвали в медиахолдинг «Березниковского рабочего», а Алексей Алексеевича позвали в главные редактора «Березников вечерних». И вот ни смотря на все трудности, в том числе финансовые, он сумел сохранить эту газету, между прочим первую полноцветную газету

в Пермском крае, а может и одну из первых в России, смог наполнить ее яркими и запоминающимися материалами, смог сохранить коллектив и даже привести новых талантливых авторов.

Все эти годы мы продолжали общаться с Алексеем, даже после того, как моя семья была вынуждена переехать в Москву — конечно, по большей части посредством Интернета, но для меня всегда было частью обязательной программы посещение редакции «Вечерки», когда я приезжал погостить на малую родину. С теплотой в сердце вспоминаю это время. И с теплотой в сердце всегда буду вспоминать моего доброго друга и коллегу Алексея Зайцева — талантливого журналиста, автора, краеведа, неравнодушного человека и главного редактора.

Аня Ивашова, выпускница Романовской средней школы:

— Я вспоминаю, как мы с Алексеем Алексеевичем играли в волейбол после уроков. Тренировались, команды были смешанные — учителя и ученики. Было страшно играть со своим классным руководителем! Алексей Алексеевич успокоил и сказал: «Сейчас мы с тобой игроки одной команды». И после этих слов стало спокойно и классно играть.

На фото слева направо: Зеленина В.А., Седегов В.А., отец Анатолий Улаев, Зайцева Д., Зайцев А.А.

Валентина Зеленина, учитель Романовской средней школы:

— О, седой Урал, замечательные люди Прикамья! Сколько о вас написано хорошего, доброго краеведом-учителем, корреспондентом Зайцевым Алексеем Алексеевичем. А сколько еще не успел сделать важного для нас, мой искренний друг Алексей!

Да, он был для меня настоящим другом, мог сказать самые нужные слова в трудные минуты, помочь найти выход из сложнейших жизненных ситуаций. Будь то поездка к прокурору из-за плохого качества воды в Романово, или защита соснового бора от вырубки, бывали поездки и в государственные органы. С кем поедешь? Конечно, с моим верным и надежным товарищем.

Я могла позвонить ему в любое время, и не было такого случая, чтобы он мне не ответил. Но только при этом всегда говорил: «С Зелениной не соскучишься!».

Алексей Алексеевич был мудр, добр, благороден, внимателен, хорошо образован, большой интеллектуал. С ним было интересно общаться. Глубоко благодарна ему за помощь в организации районного лагеря «Уроки межнационального общения: история и современность» (2003 г.).

Благодаря Алексею Алексеевичу, мы имели колоссальный успех в его проведении. Он руководил спокойно, ненавязчиво, грамотно. В этом детском лагере был собран богатый материал для устной истории репрессированных и реабилитированных Вогулки, Пыскора, Орла, Усо-ля.

Идет время. Вопросы, которые необходимо решать, возникают ежедневно, и каждый раз я вспоминаю своего надежного друга Алексея Алексеевича. А как поступил он в данной ситуации? Часто не хватает его умной головы, его советов.

Я благодарна судьбе, что работала с ним в Романовской школе. Он был хорошим учителем, все его уважали. Он никогда не подводил, его плечо участия я чувствовала всегда. Очень трудно осознавать, что его нет рядом. Конечно, такие люди, как мой друг есть, жаль, что их мало на свете.

Ольга Варнакова, историк, краевед:

— Алексей Алексеевич прожил короткую, но яркую жизнь. В памяти березниковцев он остался талантливым журналистом — профессионалом, откликающимся на злободневные темы, вдумчивым краеведом, творческим, душевным человеком, не унывающим оптимистом. В последние годы, сосредоточившись на просветительской деятельности,

он проводил краеведческие экскурсии, кропотливо занимался изучением истории малых посёлков Усольского района — Романово, Вогулка, Дзержинец. Собранный им материал о жизни поселян — учителей, врачей, лесозогоготовителей и др., лёг в основу изданий, крайне необходимых для познания истории и культуры отдалённых селений Пермского края советского и постсоветского периода. Являясь членом Совета краеведов при Березниковском историко-художественном музее, внёс посильный вклад в изучение темы репрессий 1935–1937 гг.

Галина Гусева, коллега, журналист:

Мне жаль, что я так мало общалась с Лёшей. Я пришла работать в «Вечёрку» осенью 2011-го, когда он был там редактором. До этого были знакомы, как почти все журналисты в Березниках, встречались на общих мероприятиях, плюс к этому я была наслышана о нём от общих друзей — Ольги Ерёменко и Гали Елтышевой. Они рассказывали много забавных историй о совместной работе в редакции «Березниковского рабочего» и относились к нему с нежностью, так что, когда я пришла работать под его начало, мы встретились почти как родные.

Работать с Алексеем было одно удовольствие: такого заботливого, умного, тонко чувствующего редактора редко встретишь. Ни разу за месяцы совместной работы с ним не бывало даже тени конфликта, потому что мы понимали друг друга практически с полуслова. И, конечно, мы все очень расстраивались, когда он ушёл из-за конфликта с собственником газеты (да и я ушла через несколько месяцев).

Лёша был настоящий русский интеллигент, любознательный, много знающий, чувствительный, но при этом умеющий сдерживать свои эмоции. Он никогда не «грузил» своими проблемами, наоборот, всегда интересовался другими, сопереживал. Помню его как организатора митинга в День памяти жертв политических репрессий, когда зачитывали вслух имена тех, кто осуждён и погиб безвинно. Вот в этом году митинга

30 октября не было — как будто заступиться за них с уходом Лёши некому стало.

Хорошо помню последнюю встречу с Алексеем, в начале апреля, в Доме учителя на «Решетовских встречах». Я туда пришла одна, в плохом настроении, холодно, серо, чужие люди вокруг — и тут вдруг Лёша с его искренней радостью и светлой улыбкой. Как он оживился, подтащил ко мне такого же хмурого и потерянного, как я, Митю Ценёва, начал нас фотографировать, приговаривая: «Талантливые, чертяки!» И Митя тоже заулыбался, оттаял, даже дерзнул на сцену выйти и выступить. Я до сих пор благодарна Лёше за ту встречу, за тепло среди холода.

Наверное, из таких людей и делают ангелов. Спасибо ему.

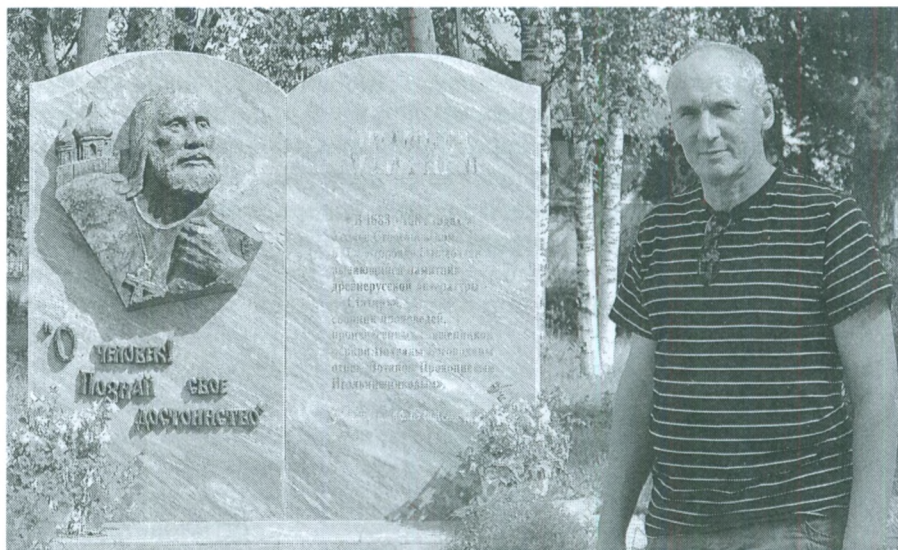
Галина Силантьева, член Союза краеведов России, культуролог:

— Нас связывает с Алексеем Алексеевичем 30 лет плодотворного сотрудничества. Часто наши пути пересекались по животрепещущим темам краеведения, вокруг открытия музея в Романово. Тогда уже он себя проявил очень грамотным, ответственным, начитанным, и вообще выделялся на общем фоне какой-то особой интеллигентностью. С ним было очень легко, надежно и спокойно работать, всё понимал с полуслова. Он всегда мог в трудную минуту подставить плечо, не уйти в сторону, не увильнуть, как это делают многие сейчас, ссылаясь на занятость. Мог как-то успокоить, нацелить... Вот в частности, мы с ним работали над трудным проектом, который рождался в муках, поскольку это было впервые, поскольку этого раньше никто из нас не делал, было очень трудно. Но мы справились.

Он понимал людей, знал к ним подход, и школьники к нему тянулись. Летние лагеря по проекту «История и современность» дали свои плоды, свои результаты. Те работы, которые были написаны детьми, ушли в архив политических репрессий, то есть — увековечены.

Ну и еще хотелось бы сказать о выходе сборника проповедей семнадцатого века «Статирь». Я всегда и всем говорю, не приехал бы сюда писатель Виталий Шенталинский, если бы я не привезла в Москву работу «Статирь»: памятник литературы XVII века из Орла-городка

В Орле-городке у памятника «Статирь»

Виталий Александрович
Шенталинский с супругой,
А. Зайцев. 2011 г.

(исследовательская работа Даши Зайцевой под руководством Алексея Алексеевича), которая его заинтересовала так, что он начал свое серьезное исследование. Писатель несколько раз приезжал в Усолье, в Палаты Строгановых, встречался с заинтересованными людьми. Наконец, ему удалось найти средства на издание древней рукописи в лице главы Усольского района Шехматова Геннадия Петровича. Первым, получается, поднял эту тему Алексей Алексеевич. Потап Прокопиев (автор рукописи «Статирь») был увековечен

благодаря пытливости, знаниям и любознательности Алексея Алексеевича, который был равнодушным в этом плане человеком.

Как-то зашел вопрос об издании статьи «Усолье — любовь моя, краеведческие записки В.А. Седегова». Алексей Алексеевич первым поддержал меня и подставил плечо. Но больше всего меня тогда тронула до глубины души его ответственность. Он большой, с приступом аппенди-

цита пошел на интервью со мной к Седеговой Галине Петровне, снимать подлинную графику для книги. А там случилось вот какое чудо. Когда мы пришли, Алексей Алексеевич достал свой фотоаппарат с широким разрешением, а жена Седегова все никак не могла найти графику. Я уже обратилась к портрету: «Валерий Александрович, ну помогайте, ну как же ...» Алексей весь зеленый от боли, пьет воду, у него пот холодный на лбу...Я говорю: «Что с вами?», а он таблетки глотает. И вот вы знаете, он открывает шкаф, там все накидано, накидано так беспорядочно. Он говорит: «Ну как же так, ну нужны же оригиналы», и вот сверток полиэтиленовый вываливается, а там то, что нам нужно.

Он ни разу в жизни меня нигде не подводил. Сказал — сделал. Много было препонов, чтобы мы отказались от работы над книгой Седегова, но мы не отказались. И сейчас она является настольной книгой музейщиков. Мне Алексей говорил: «Мы в доску разобьемся, но все равно это сделаем». Очень ему благодарна, что он все статьи перевел в Вордовский документ (он в книге обозначен техническим редактором).

Вспоминаю его часто. Я в нем в жизни ни разу не разочаровалась, как в человеке, как в друге, как в профессионале. Сейчас таких людей мало. Вот Валерий Александрович был такой, он жил сердцем, и Алексей жил сердцем. Расчеты были потом. А сердцем жить в наше время... рубцов много бывает и организм человека не выдерживает.

Геннадий Свойкин

В моей памяти Алексей остался на всю жизнь. Внешне обыкновенный и простой в общении человек. Но в беседе, уже с первых слов, понимаешь, что очень начитан и образован. Конечно, для учителя школы это естественно. В наше время так много равнодушных среди педагогов, поэтому сразу становится заметным необыкновенность души, в которой видно постоянное стремление своей жизнью принести максимальную пользу для детей. Изучение родного края вместе с детьми дорогого стоит. Кто жил в окрестностях села Романово, и какие события прошлого века происходили рядом, очень важно открыть подрастающему поколению.

Мы познакомились в 2001 году благодаря бабушке о. Анатолию. Тогда мы ездили в Ныроб. Были большие торжества “400 лет со дня заточения Михаила Романова” в Ныробе. Была научная конференция, и много интересного в музее в Чердыни узнал не только я. Я понял, что Алексею все это было нужно для максимального обогащения своей

На фото: участники научно-практической конференции в Ныробе. 2001 г.

души, чтобы потом можно было это использовать в своей работе. Он был просто влюблен в краеведение. И охотно делился своими знаниями со всеми. Удивительно внимательный к собеседнику, он не просто выслушивал человека, но по мере своих возможностей, всегда помогал. Конечно, в годы его работы главным редактором “Березники вечерние” возможности его были ограничены. Но и в этих условиях Алексей делал, что мог. Я заезжал к нему на работу и бывало подолгу разговаривал на разные темы. Много материала им было принято для печати про о. Анатолия. Газета полностью освящала жизнь прихода и начало строительства храма “Покрова Пресвятой Богородицы” в Яйве. О. Анатолий очень уважал и ценил Алексея Алексеевича.

Человек с огромной любящей душой, прекрасно образованный, добрый, веселый, порядочный, честный и в то же время настоящий мужик! Царствия Небесного р.б. Алексею. Уверен, у всех, с кем был знаком Алексей, осталась добрая память!

Встреча на родине с однокурсницами

Елена Кобзева, однокурсница (Таганрогский государственный педагогический институт):

— Вспоминаю, как он легко рифмовал по любому поводу. Однажды, побывав на каникулах в столице у родственников, я пришла в институт в совершенно невообразимых туфлях: черные с белым, резные, с какими-то кистями. Народ дружно восхитился, а Алексей прислал на паре записку: «Сегодня Лена в новых башмаках. Восторг мою переполняет грудь. Я к Лене мчусь на всех парах, из сердца прочь уходит грусть... «И в таком духе на лист.

А однажды я, профорг, назначила Лешу и Фисакова драить нашу аудиторию. Чем очень их рассердила — обычно это делали девочки, а ребята то листья гребли, то снег чистили. За это их не включали в график дежурств. Г. Апрышкина стала возмущаться, пришлось ребят внести в график уборки. Сердитые Лёха и Женя всю пару за моей спиной чем-то шурушали, шептались, а под конец занятия мне на стол шлепнулась толстенная записка. Поэма. Сюжет такой. Окончив институт, я не стала работать в школе, как все порядочные люди, а стала торговать пивом из бочки. Засаленный бывший белый халат, крахмальный чепец на сожжённых хим. завивкой реденьких волосах, растоптанные тапки — так

я выглядела по замыслу авторов. К тому же, я не доли вала пиво работа-гам, грубила советским труженикам и обсчитывала их. «Наша Лена на ногах, как на буковых столбах...» В общем, отомстили. Поэму зачитали до дыр. Вот теперь я горжусь, что стала героиней поэзии Алексея. Он рифмовал легко, придумывал юмористические сюжеты, хохмил.

— А, чуть не забыла, когда я влюбилась в юношу с усами, — как его звали, никто не знал, — и доставала одногруппников своими восторгами, Лёша написал «Поэму про усы». Он не мог не отреагировать на чувства своего товарища, меня... Добрый, светлый и талантливый Алексей останется в моей памяти. Вспоминаю нашу встречу у Гали на юбилее. Как он нам был рад! Он успел мне сказать. А вот я не рассказала ему о его необыкновенности.

Елена Косарева, однокурсница (Таганрогский государственный педагогический институт):

Люди как реки. Леша был не бурливой горной, не суетливым ручьем, не заболоченной почти стоячей речонкой. Он спокойная в своем

скромном величии, как река на картине Исаака Левитана «Над вечным покоем» (Слеза скатилась...Видимо, прав старик Фрейд- мы в наших оговорках).

Будущие филологи нервно сдавали экзамены, еще бы: конкурс два человека на место. Последний четвертый экзамен — иностранный язык. Ко мне подходит длиннобудылый, на мой взгляд шестнадцатилетней верхихвости, дядька и спрашивает, не могу ли я ему помочь перевести строчку из текста. О ужас! Буквы латинского алфавита знакомы, но прочитать и тем более понять что-то не могу. Видимо, вид ошарашенного курчонка и парня ввел в недоумение. Две-три долгие минуты ...я прощальась с институтом. И тут он по-немецки уточняет что-то. Я выдохнула: « Сдаю английский!!!» И я его уже любила просто как человека, который сначала взял, а потом дал надежду.

Это был Леша Зайцев. Один из тех немногих мужчин, которые раз-нообразили исключительно девичий коллектив. Жорик Демурчив, неизвестно зачем приехавший из цветущей Грузии и вскорости отправленный в армию. Андрей Иванов, инвалид с церебральным параличом, человек трудной судьбы, друг Леши, о судьбе которого он беспокоился, особенно в последние месяцы его жизни. Витя Сапкевич, глубоко верующий человек, который готовился к поступлению в духовную семинарию. Володя Сибиряков, красавец и поэт. И Алексей Зайцев, который оказался на филфаке, потому что, я думаю, тянуло к слову. И потому что исключен был из калининградского военного училища, которое готовило офицеров-политруков, за то, что прапорщика назвал «дураком». Отправили послужить срочку. Я помню Лешины руки: крупные, одутловатые, на холоде не просто краснеющие- синеющие- следствие обморожения «на срочке». Кстати, служил в ракетных войсках. Пишу и понимаю: память хранит все в каких-то дальних ящичках, на задворках, но выдает все очень ясно, потому что воспоминания светлые и добрые.

И понеслось... Общага, сессии... 1 курс. УНТ и древнерусская литература. Преподаватель предлагает или сдаете, как положено, по билетам, или учите наизусть «Слово о полку Игореве...» на древнерусском языке. Леша выбрал второй вариант. Я выучила положенный фрагмент и до сих пор удивляю своих учеников. Но всегда, слышите, ВСЕГДА! Рассказываю про моего однокурсника, который выучил все.

То, что он жил не просто скромно, а предельно скромно — на 40 рублей стипендии, это было понятно. Он с достоинством всегда принимал предложение поужинать, особенно если привозилась сумка с домашней снедью в нашу 925 угловую комнату. И поражал своей эрудицией и начитанностью (мне не стыдно сознаваться: я себя чувствовала « не-

На фото: в пионерском лагере

доученным» гимназистом), но при этом ни тени высокомерия и превосходства. Я бы сказала, что в нем было благородство высшей пробы, хотя знаю, что семья, из которой он вышел, была неблагополучной. В какой-то из его дней рождения мы скинулись и заказали для него рубашку. Нам «по благу» привезли «крутую»: мелкая бело-розовая клетка с белым же воротничком. Сейчас я понимаю, что он должен был себя чувствовать в этой рубашке, как курсистка. Когда мерил, недоумение считывалось, но сошло, как это всегда было у Леша, в шутку. И он носил ее. И никогда ни о чем не просил. Нет, было один раз. После 3 курса мы ехали на практику в пионерлагерь на Черное море. Леша дождался, когда можно поговорить с глазу на глаз и попросил одолжить три

рубля. На плавки. В этих красных мы и сфотографировались на пляже, а Алексей иронично подписал « Между двух нимф»: я и Люба Коваленко.

И еще он был нашим оберегом, точнее он присматривал за нами, чтобы по молодости глупостей не натворили. Прости, Люся, но надо: Леша останавливал стоящую на подоконнике Беликову Людмилу, которой очень надо было погулять по крыше ночью. Он меня буквально бил подушкой, когда в ущерб учебе я собиралась на какую-то дискотеку и не слышала его предостережений. Он был свидетелем всех наших «бабских» разговоров, был «подружкой», которой можно было поплакать « в жилетку». Мне стало понятно, что он еще и надежный друг, когда мы разъехались по распределению. И в глухой брянской деревне я КАЖДЫЙ день отправлялась на почту. Потому что письма- это была жизнь. Писали мне многие, но чаще всех Леша. Он друг, нет, для меня он больше — брат, которого у меня не было.

Я радовалась за него, когда он, как он тогда написал, « поднял глаза и посмотрел вокруг и увидел хорошего человека рядом»-Олю. Я радова-

лась, когда он прислал черно-белое фото беззубой Дашки, сидящей на руке у него. Я радовалась, когда мы, потерявшись при переездах, таки нашли. Его письма- это песня. Их нельзя читать без улыбки. Мне сейчас таких писем никто не пишет (опять плачу).

Когда она рассказал об операции и закончил тем, что в этом году будет урожай на «картоху» и малина уродится, я была уверена, что он справится. Я знала сильного и умного человека. И мне кажется совершенно несправедливым то, что произошло.

Лариса Городенцева, выпускница Романовской средней школы:

Алексей Алексеевич...

Алексей Алексеевич — лучший учитель. Он преподавал у нас литературу и обществознание. На его уроках всегда было интересно, весело, он всегда мог увлечь ученика любой темой урока. Однажды на уроке обществознания, Алексей Алексеевич поставил мне в дневник оценку «8» в честь праздника 8 марта.

А еще в старом холодном клубе зимними вечерами Алексей Алексеевич собирал нас для репетиций сказки «Про Федота-стрельца». Я в этой постановке играла Марусю. Эту сказку мы показали в нашей школе, а так же съездили на конкурс в Усолье.

С Аленой Лавровой мы удостоились быть соавторами у Алексея Алексеевича в его первой книге о Романово. Наша глава называлась «Портрет на фоне школы».

Я вспоминаю и всегда буду вспоминать Алексея Алексеевича только с благодарностью. Он воспитывал в нас личности, грамотных, добрых, умеющих дружить и ладить в коллективе.

Алексей Алексеевич — Человек с большой буквы.

Людмила Басанова, коллега, учитель нач. классов:

Несколько лет я проработала в школе с Алексеем Алексеевичем, где он был учителем русского языка и литературы. Это умный, эрудированный педагог. Его отличало разнообразие интересов, один из первых в школе освоил компьютер, увлекался фотографией, историей, в том числе, историей села. Своими интересами увлекал и учеников.

О человеке можно судить по воспитанию своих детей. Его дочь Даша отличалась своим стремлением к знаниям, активностью, порядочностью и добротой.

Алексей Алексеевич был отзывчивым человеком. Помогал многим учителям в решении педагогических проблем, делился своими знаниями.

Людмила Семерикова, коллега, учитель англ. языка в Романовской средней школы:

— Много лет мы работали вместе с Зайцевым Алексеем Алексеевичем в Романовской средней школе. Это был грамотный, современный учитель, обладал широким кругом интересов и умений.

На фото: коллектив учителей Романовской средней школы. 1986 г.

Постоянно совершенствовал свой профессиональный уровень. Талантливый лектор: приятно было слушать Алексея Алексеевича во время его выступлений на собраниях, педсоветах, конференциях. Работая заместителем по учебно-воспитательной работе, мне удалось побывать на многих уроках Алексея Алексеевича: русского языка и литературы, истории и обществознания, риторики, необычного предмета в то время, где царила атмосфера сотрудничества с учениками, благоприятный психологический климат, использовались групповые и коллективные формы работы, умело вовлекал учащихся в дискуссию, учил отстаивать свое мнение. Уроки творческие, очень интересные, умел заинтересовать каждого ученика, за что они очень благодарны своему учителю.

Грамотная речь, интеллект, желание поделиться своими знаниями с учащимися и с учителями, уважительное отношение к учащимся и их родителям, к своим коллегам, владение хорошим чувством юмора и самоиронией, порядочность, тактичность — всё это вызывает у меня приятные воспоминания об Алексее Алексеевиче Зайцеве.

Мария Семерикова, выпускница Романовской средней школы:

— Алексей Алексеевич вёл у нас немного уроков русского языка и истории. Знаете, эти уроки были какими-то другими. Всё же педагог-мужчина — это совсем другая подача материала, другой разговор с учениками. Может, оттого, что мы познакомились с Алексеем Алексеевичем уже будучи старшеклассниками, он строил с нами диалог таким образом, чтобы каждый из нас мог почувствовать себя равным партнёром в нём. Сейчас я бы назвала Алексея Алексеевича харизматичным человеком, каким педагогу стоит быть, чтобы держать интерес и внимание учеников.

Сергей Семериков, выпускник Романовской средней школы:

— Алексей Алексеевич, мне уже 42. Память после школы довольно быстро освободилась от воспоминаний о хороших и не очень — оценках по вашим предметам: литература, русский, риторика...

Но я прекрасно помню тот урок (кажется, это была литература), когда вы на школьной доске показали классу, как можно рифмовать слова между собой. Буриме, по моему, так называли вы эту технику рифмовки. Через несколько лет я начал писать свои стихотворения.

После окончания школы я поступил в тогда ещё существовавшее Пермское военное авиационно-техническое училище. Там начал писать первые стихотворения. Разного рода личные юношеские переживания, размышления, волнения выплескивались в мир множеством рифмованных строчек. Природа, отчий дом, любовь...

Помню ваши уроки риторики. Тогда они были чем-то не очень уж и интересным в моей школьной жизни. Однако спустя годы я ощутил ценность того опыта, что приобрёл в практике дискуссий по темам, которые вы давали на очередном занятии. Как раз на уроках риторики я потихоньку учился аргументированно доказывать точку зрения.

Однажды я привёз свою семью в Романово: навестить дом, где провёл все свое детство. Была зима и в один из вечеров мы с женой, оставив нашего маленького сына его бабушке, прогуливались в районе церкви. Там, спустя годы после окончания школы, мы встретили вас, Алексей Алексеевич. Не сразу я был узнан.

Речь моя была крайне волнительна, но мне ТАК ХОТЕЛОСЬ в этот момент найти для своего учителя самые емкие, подходящие слова, которыми я мог описать мою безразмерную благодарность за те знания, что были даны мне тогда, в детстве. И что я невероятно счастлив был ими воспользоваться в моменты, когда пришло время....

Тут уже и моя супруга, слушая мой эмоциональный монолог, добавила от себя, что рада знакомству с преподавателем, о чьём сильном влиянии на своё личностное развитие не раз рассказывал её муж...

Мне кажется, вы тогда были в недоумении от такого обилия слов...

Уже распровавшись и отойдя на десяток шагов от места неожиданной встречи, я услышал: «Сергей!» Овернулся... «Спасибо» — сказали вы.

Чувство облегчения долго не желало меня покидать. Алексей Алексеевич, вам — спасибо.

Татьяна Лапаева (Рождественская), выпускница Романовской средней школы:

— Алексей Алексеевич Зайцев был и останется в нашей памяти прекрасным Человеком, прекрасным Учителем, научившим нас, своих учеников, добру, любви, жизни... Это человек с необычайно открытой душой. Он преданно любил Родину, родных и близких, нас, своих учеников, литературу...Благодаря Алексею Алексеевичу ученики получали не только фундаментальные знания в области русского языка и литературы, но и учились быть настоящими людьми, отстаивающими свою правоту, ищущими причины и смысл сложнейших событий жизни. Индивидуальный подход к каждому ученику, уважение к свободе мышления — основное, чем, на мой взгляд, руководствовался Алексей Алексеевич в работе с нами. Учил размышлять, анализировать и делать выводы. До сих пор помню уроки риторики... Дорога жизни у всех разная... Я, в твёрдой уверенности, что Алексей Алексеевич ушёл с осознанием того, что пришёл в этот мир не зря и дорогу прошёл до конца, именно свою дорогу...

И каждый из нас будет вспоминать об Алексее Алексеевиче с теплом и благодарностью.

Юлия Пальникова, корреспондент газеты «Березники вечерние»:

– Рядом с Лешей я проработала 5 лет, и, не смотря на то, что большую часть этого времени он редакторствовал, для меня он всегда оставался Лешей, а не Алексеем Алексеевичем. Он был совершенно не официальный человек — с живым умом, чудесным чувством юмора и добрым сердцем. Как говорила о его душевной теплоте наша коллега Людмила Комондирова: «Леша, с тобой тепло, как рядом с русской печкой». Он умел нести ответственность за газету как-то легко и не заметно, словно все делалось само собой. Просто брал на себя решение каких-то проблем и вопросов, не давая коллегам почувствовать их груз. Он всегда вел себя по-мужски.

Он был образованным, читающим человеком. Герои его рассказов были чем-то похожи на него самого — простые и человеческие, с милыми слабостями, которые он, как автор оправдывал и прощал, сострадав их одиночеству.

Он был невероятно коммуникабельным человеком, умеющим в считанные секунды разговорить и расположить к себе собеседника. Он умел искренне любить свою семью и без пафоса малую Родину, о которой написал немало интересных краеведческих материалов.

Я очень рада, что он был в моей жизни, и всегда будет в памяти моего сердца.

Юрий Филиппович Змеев, краевед:

— Рад и горд тем, что судьба подарила мне пусть не долгую, но очень надежную дружбу с Алексеем Алексеевичем Зайцевым. Разница в возрасте хоть и была между нами, но ничуть не мешала общению и нашим спорам, которые не были страстными — мы быстро приходили к единодушию. Леша поражал своей доброжелательностью и тактичностью, он умел слушать и прислушиваться, умел ненавязчиво возразить, что в конечном итоге оказывалось правильным.

Нас познакомил старейший березниковский журналист Юлий Полуянов. Познакомил так сказать заочно, мы долго разговаривали с Алексеем по телефону, а встретившись на следующий день в редакции, как-то сразу сблизились, что называется, спелись. После этого я зачастил в редакцию «Вечерки», стал активным внештатником. Леша с интересом редактировал мои будущие публикации. Надо сказать, делал он это со знанием дела, что говорит о его высоком профессионализме.

Еще больше нас сблизил краеведческая секция при историческом отделе музея им. Коновалова, где он был одним из высоко эрудированных краеведов. Как-то Леша заявил мне: «По-моему, ты уже созрел

для того, чтобы выпустить свою книгу. Давай не откладывай это дело в долгий ящик. Я помогу, чем смогу». Тут же он позвонил в Соликамскую типографию и обо всем договорился со своими знакомыми. Так, благодаря другу, я засветился в типографских кругах и в последующем выпустил четыре книги, редактором которых был, конечно же, Леша.

Раз за разом общаясь с ним в редакции «Вечерки», в Усольском и Березниковском музеях, на выставках и презентациях, я все больше убеждался в его незаурядности, желании помочь кому-либо, даже в ущерб себе. Такое никогда не забудется, как не забудется его заразительный смех, тонкий юмор, его теплые слова о жене и дочери, о жителях села Романово, вообще о людях.

Я очень благодарен его жене Оле и дочери Даше за то, что они стали продолжателями его дела.

Не могу не отметить, что круг интересов Алексея был необычайно многогранен. Еще работая в Романовской школе, он долгое время по своей инициативе преподавал в школе риторику, принимал участие в первой Всероссийской конференции по риторике, проходившей в Москве. Рассказывая мне об этом, он загорался, настолько эта работа его увлекала.

Узнав о том, что я буду писать об Алексее Зайцеве, березниковские краеведы попросили отметить, что полностью подписываются под моими словами. Кстати, знакомством с краеведами Валерием Антипиным и Марсом Мусиным, который в последующем стал моим другом, я тоже обязан Алексею Алексеевичу, жизнь которого была светлой и незабываемой.

Елена Коносова от «Палаты Строгановых»:

Когда человек уходит, он остаётся. Остаётся в памяти. Остаётся с тем, что оставил в душе каждого, знающего его. Любой человеческий путь — это соприкосновение — душ, мыслей, идей, поступков. Как часто перед нами встаёт выбор в пути. Честь или деньги. Призвание или выгода. Мы живём в такое время, когда этими вопросами мучаются многие. Перед Алексеем они не стояли. Для него выбор всегда был очевиден. Он не рубил «бабки», как делали многие его коллеги, меняя окраску, издания, принципы. Даже в самые непростые времена смен эпох, строев и задач, он сохранил себя от интриг и продажности, коими изобиловали СМИ.

Найти свою нишу очень непростая задача для журналиста, имеющего гражданскую позицию и нежелание прислуживать. Нишей Алексея

Зайцева стала местная история. Близкая, но такая неизведанная. Он по крупицам собирал её в воспоминаниях людей, в архивах, в музеях. Это стало его кладзем и отдушиной. Он не гнался за тем, чтобы прославиться. Для него важным было оставить след на земле не своим именем, а очерками о местах, деревьях, которые тают как исконно русское, теряя самобытность и превращаясь в нечто среднее, неуклюже современное. Он искал уютные места для души, в которых сохранилась ещё изысканность старины и традиций.

Очень долгое время вёл Живой Журнал, благодаря которому приобрёл своих единомышленников и читателей. Он был истинным патриотом своей малой Родины, романист своего Романово и ближайших окрестностей. Добрый и честный. С такими рядом не страшно. Не знаю насчёт разведки, не война сейчас, слава Богу, но работать с ним рядом было надёжно. Сейчас очень важное качество — надёжность и порядочность, умение держать слово и быть на стороне света, как бы трудно это не было.

18 сентября в Фейсбуке, за три месяца до своего ухода в вечность, Лёша на своей странице разместил даосские правила. Их всего три. И они очень простые. Доверьтесь. Цените то, что имеете. И просто живите. Мне кажется, это он и для нас оставил... Потому что именно так и жил.

Отпечатано в ООО «Типограф»
Пермский край, г. Соликамск,
Соликамское шоссе, 17
Тел.: (34 253) 7-73-08
Сайт: www.tipograf.su

